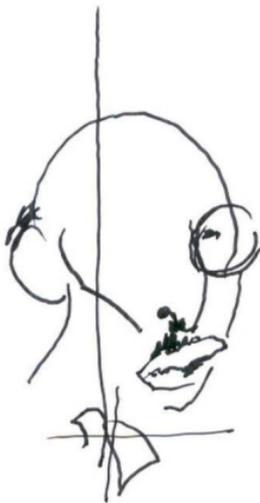

АЛЕКСАНДР СТРОГАНОВ

Стравинский

Александр Строганов Стравинский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477230

ISBN 9785449055262

Аннотация

«Писатель Строганов проник в „тонкие миры“. Где он там бродит, я не знаю. Но сюда к нам он выносит небывалые сумеречные цветы, на которые можно глядеть и глядеть, не отрываясь. Этот писатель навсегда в русской литературе».Нина Садур.

Содержание

СТРАВИНСКИЙ	5
Вступление	6
Часть первая	54
Larghetto Colla Parte	54
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Стравинский

Александр Строганов

Иллюстратор Александр Строганов

© Александр Строганов, 2018

© Александр Строганов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5526-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТРАВИНСКИЙ

Роман

*Следует признать, мы боле не в силах
удерживать нити несуществующих событий.*

Стравинский И. И.

Вступление

Трогательные, незащищенные, доверчивые люди, лесорубы, лимитчики, буфетчицы, лавочники, кашевары, охотники, кавалеры, красавчики, уродцы, герои, лодочники, недоумки, певуны, мясники, лилипуты, соседи, воры, иностранцы, пачкуны, работяги, истерики, носильщики, маньяки, историкки, увальни, императоры, кликуши, носачи, лицедеи, слепни, бродяги, трутни, краснобаи, шоферы, коновалы, краснодеревщики, пианисты, орнитологи, доктора, энтомологи, писаки, сутяги, ходоки, полярники, саперы, скалолазы, аферисты, Цицель, Стравинский и летчики. Все представлены в большой невидимой книге без начала и конца. Имя той книге «Великая мировая голубятня». Кто-то ее напишет? Кто-кто? Да никто.

Самих голубей, следует заметить, с каждым годом становится всё меньше.

Прав был граф Лев Николаевич Толстой, когда произвел девственную простоту в ранг величайших истин. Часто в какой-нибудь случайной незатейливой мыслишке, промелькнувшей в минуту опьянения или усталости, содержится столько значения, что вот он и будущий роман – автору отрада, читателю сюрприз.

Я бы еще добавил случайные предметы и чрезвычайные происшествия.

Так что путеводная звезда для удачливого сочинителя – не гремучий сюжет, не многострадальная идея, не багровое племя размышлений, но какое-нибудь семечко или косточка вишневая, или лестница без ступеньки, или гвоздь ржавый. Или упоминание того гвоздя. Или воспоминание о том гвозде, что оставил шрам на руке еще в детстве кисельном, или даже шрама не оставил, но встретился, случился, и не просто так, и с этим уже ничего не поделать. Словом, всякая чепуха и нелепица. Или венок нелепиц по аналогии с сонетами. Сморозил, брякнул, брякнулся, руку распорол, глядишь – поэма созрела. Или симфония. Или мозаика. Или «Великая мировая голубятня».

А лучше «Стравинский».

«Великую мировую голубятню» не потянуть. Никому из смертных не потянуть. Ибо по большому счету мы ничего о себе не знаем. И не узнаем никогда.

Да, чепуха – знак свыше. Всякому ваянию и зодчеству великое подспорье. И вообще великое подспорье.

По замыслу автора роман должен содержать шестнадцать

килограмм отборной пустоты, что делает его самой правдивой книгой о жизни во всех проявлениях.

Знаки свыше – большая редкость. Может быть, конечно, и не редкость, но не всяк умеет их распознать. Большинство ведь как думает? Происшествие и происшествие. Ну, или ужасное происшествие, чудовищное происшествие. Так думают. Не более того. Вот и блуждаем в потемках тысячелетиями.

Что такое чрезвычайное происшествие? Например, вас сбивает машина, или, еще лучше – удар током, вольтова дуга. Конечно, кошмар. Возможно с так называемым смертельным исходом. Иногда обходится, удаётся отделаться, как говорят, легким испугом. Так или иначе, вся последующая жизнь и потерпевшего и его ближайшего окружения – приложение к тому кошмару. А если это был знак? Побудительный сигнал и главный ответ на все вопросы? Или просто главный ответ безо всех этих наших нудных и однообразных вопросов длиною в жизнь?

Или первый аккорд будущей симфонии?

Поскольку дар небесный в виде чрезвычайных происшествий, как уже было замечено, большая редкость, ориентироваться писателю, художнику, композитору, как указал граф

Лев Николаевич Толстой, все же стоит на обыденные нехитрые мысли, которые, в отличие от, скажем, шаровых молний, выются подле нас точно осы вокруг омшаника.

Осы. Не случайно Аристофан воспел этих удивительных насекомых. Воспел ос и лягушек. Аристофановым лягушкам хочу посвятить отдельную главу. Уверяю вас, они того заслуживают.

Как выглядят незатейливые мысли? Вот вам пример – чепуха, которая посетила меня аккурат перед тем, как я принялся за поэму. Условно – поэму, а так, кто его знает, что получится. Может быть, роман. А, может статья, вообще что-нибудь этакое... эпистола, письмо, например. Вам, дорогие, читатели. Письма люблю, потому и вспомнил про эпистолу. И слово хорошее – емкое, не затертое. Эпистола. Очень красиво!

Итак. Дорогие читатели! Пишет вам...

Нет.

Конечно, никакая это будет не эпистола. Может быть, вообще ничего не будет. Хотя что-нибудь все равно будет, раз уж гвоздь да дуга вспомнились.

Письма в прежние времена хранили бережно, бечевочкой

перевязывали, а то еще и в платочек, бывало, укутают. Чаще в белый или кремовый. А вот клетчатыми платочками в таких случаях, как правило, не пользовались. Клетчатыми платочками носы обслуживали. И носили в карманах брюк. А белые, кремовые, реже синие и красные – для нагрудного кармана пиджака или вот стопку писем запеленать. Пеленали письма. Письма, фотографии, реликвии семейные. От сырости берегли и поросячьего глаза.

Свинок всегда любил. Трогательные доверчивые животные. Сдается мне, пяточки их – не просто так. Однажды услышал, уж не помню от кого, такое детское, смешное на первый взгляд...

Розетки – вовсе не розетки, а поросячьи пяточки.

Получается, там, за стеной свинки? Как? Каким образом? Что же, их замуровали?

Да только ли свинки? А стоны водопроводных труб, эти утробные гулкие стоны? Быть может там, за стеной, и слоны и мулы, и марабу, и утконосы разные, и саванна, и тропики, и драконы, и снежные люди, и новые люди, и древние. Гиперборея с гипербореями, и Атлантида с атлантами, все такое, чего мы не видели никогда, но без чего жить не можем. Вынь, да положь нам все такое.

И вынут и положат, придет час.

Мы думаем о них, они тоскуют по нам. Свинки проще прочих и вообще родня, вот и высунули свои пяточки, нарушив условности.

Нет, не может быть. Конечно, это не настоящие свинки. Чушь, одним словом. Образ, хохма. Но не смешно. Даже как-то не по себе.

Казалось бы, безделица, услышал и забыл. Однако приста-ла, пристыла, не хочет отпускать. Теперь каждый раз, когда розетку вижу, волнуюсь. Чушь, конечно, но...

Знаете, как бы то ни было, розетки – не просто так. Пя-тачки – не просто так и розетки – не просто так.

Да. С такими мыслями далеко уйти можно. И спасатели не помогут.

С образами и хохмами надобно быть очень осторож-ным. Все так сплетено, переплетено. Замысел непостижи-мый. И так называемые случайности – никакие не случайно-сти. Не бывает случайностей. Научным языком, а я не брез-гую научной литературой, так называемые случайности – не что иное, как экзистенциальный прием, способ утешения.

Зиккурат. Уловка свыше.

Научные труды, поверьте, могут быть не менее увлека-

тельным чтением, чем, скажем, авантюрные романы. Главное – читать, не останавливаясь. Зажмуриться и лечь на спину. На спине и не умеющий плавать человек навряд ли утонет. Возьмите хотя бы Канта. Для облегчения восприятия, перед тем как погрузиться в его труды, можно немного выпить. Если на дворе январь – неплохо выпить глинтвейна. Но и водка бывает хороша, когда за окном мороз.

Свинкам хочу посвятить отдельную главу. Может быть, там, где понадобится развить тему близнецов. Мы же с ними, в сущности, близнецы. Если без ханжества.

Но, вернемся к чепухе.

Итак, мысль, посетившая меня аккурат перед тем, как я принялся за роман. То есть совсем недавно. Озарение, так сказать. Когда бы ни очевидная ее глупость, можно было бы и озарением назвать. А разве озарения не могут быть глупыми? Очень даже. Ну, да ладно. Итак, мысль.

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Каково?

Или.

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я родился, например, композитором Стравинским. Лет на сто раньше. Или агностиком. Сегодня. Или птицей. Всегда. Они

ведь, птицы, в этом их параллельном мире, кто их знает, что они там?

Уже, как видите, чередой мыслей. Вышеупомянутый венок.

Иногда мысли обрываются. Точно электричество отключили. Иногда это к лучшему. Как правило, к лучшему. Порой самому остановиться чрезвычайно трудно. Просто невозможно остановиться бывает порой.

Как занимается поэма или симфония? Или роман? Или роман-симфония? Покажу на примере грядущего «Стравинского».

Я на даче. Спешно, зачем, уже не помню, взбираюсь на второй этаж. На ходу клюю вишни, они у меня в лоточке на тесемочках на шее. В голове жужжит помимо воли, важно, что помимо воли...

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Это еще не о Стравинском. Это вообще ни о чем. Проходная никчемная мысль. А нужно было сразу сосредоточиться. Это я теперь понимаю, а тогда...

Ладно, не будем задерживаться. В это мгновение нога соскальзывает со ступеньки. Косточка немедленно залетает в дыхательное горло. Подавился косточкой. Как Иона.

Была такая история. Еще до кита. Или после. Не помню.

Никто не помнит.

Нет, Иона, кажется, семечком отравился. Иона на самом деле здесь ни при чем. Иов ни при чем. Никто ни при чем. Эти аналогии с Писанием, сами знаете.

А как?

Я подавился – этого достаточно. Речь обо мне, в конце концов. Во всяком случае, в данном эпизоде. Тоже, знаете...

Словом, подавился. Кубарем качусь с лестницы. Падаю навзничь.

Куда, как вы думаете? Верно, на тот самый ржавый гвоздь из детства, о котором я и думать забыл. Гвоздь же, как выяснилось, помнил меня все эти годы.

Изобразить из себя героя не стану – первоначально испугался очень. Очень. Неприятные детали испуга описывать не хочу. Современный читатель живо представит себе всё то, перед чем робеет и чего стыдится читатель, застрявший во мхах традиции.

Но, рано или поздно, испуг проходит. Лежу себе, цел и невредим.

Лежу. Даже некоторую истому отмечаю, легкое кружение, не поверите, негу отмечаю.

Лежу. Глупые мысли постепенно возвращаются на круги своя.

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я ро-

дился, например, композитором Стравинским. Лет на сто раньше. Или агностиком. Сегодня. Или птицей. Всегда.

Вот вам и Стравинский.

Стравинского вспомнил, походя, даже не задумался, откуда он явился, зачем? Продолжаю лежать. Истома. И тут взгляд задерживается на мертвой лампочке под потолком. Неспешный рой праздных рассуждений, брызнув, уносится вспять. Откуда ни возьмись слепящей каплей идея – *надо бы лампочку поменять.*

И что за срочность? Перегорела и перегорела. Уже неделю как. Перегорела, стало быть, пора настала, судьба такая.

Должен признаться, в быту я крайне ленив. Опять же прекрасная погода. Осы выются подле омшаника. Лягушки трещат в лопухах. Тут-то бы и расстаться с этой треклятой лампочкой, повернуться на бок. Так нет же. Ноги несут. Сами понесли. И вот уже я, чертыхаясь, как положено, взбираюсь в этот раз на стремянку. А в голове как заигранная пластинка всё та же песенка...

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Вот о чем я думаю частенько, когда мне на глаза попадает портрет Стравинского – как здорово, что нём самом бекар и диссонанс. Иначе можно было бы усомниться в его подлинности.

Берусь за патрон. Даже не могу с уверенностью утверждать, успел ли прикоснуться. Не исключено, что только представил себе, как это я прикоснусь, и тотчас – бах! Искры. Следом тьма. Трах – бах! Вольтова дуга. Тотчас тьма. И тишина. Немыслимая тишина.

Всё. Поэма готова! Посмертная. Шучу. Пошутил.

А теперь уже серьезно – поэма готова. Явлена мне в мельчайших подробностях, в цвете, со всеми тонами и полутонами, запахами, временами года, героями и случайными людьми, моментальная фотография с высоты птичьего полета. Непостижимо, но факт. Нет, мы себе не принадлежим. Все прописано, предписано, расписано и распределено. Кому, как говорится, Стравинский, кому – дырка в черепе.

Что значит *непостижимо*? *Неожиданно* – другое дело.

А так, логически, всё очень даже выстраивается. Два чрезвычайных происшествия одно за другим. Что это как не знак свыше? Череда знаков. Венок, по аналогии с сонетами. Да еще на фоне никчемных мыслей. Как тут поэме было не случиться?

Или роману?

Поэма, роман, симфония... Если хватит терпения про-

честь – решите сами. Я сейчас слишком взволнован, чтобы думать о таких мелочах.

После вольтовой-то дуги.

А когда бы еще и под машину попал – это уж совсем Везувий был бы! Но мне и шаровой молнии достаточно.

Машины, стиральные машины, швейные машины, шагающие стулья, летающие этажерки, летающие тарелки, эскалаторы, двигатели внутреннего сгорания, лебедки, насосы, роботы, говорящие роботы, механическое пианино, счетчики, счетчики Гейгера, сам Гейгер, велосипеды, мопеды, карусели, часы, карманные часы, напольные часы, турбины, вращающиеся бобины, механические цикады, часы с кукушкой, часы с инкрустацией, табакерки с чертями, спирали, канатно-висельные дороги, помпы, насосы, гидроэлектростанции, дизельэлектроходы и прочие необъяснимые механизмы – не моё. Не люблю. Никогда не любил. Я чистым электричеством восхищаюсь.

Электричество – диво дивное, что бы там не говорили. Обожаю вопросы, связанные с электричеством. Люблю задавать их умникам, всезнайкам. Именно умникам и всезнайкам. Что с простым человеком говорить? Простой человек всё чувствует. Безошибочно. Простого человека не проведешь, он и шишек набил и в карманах у него зола. Улыбнет-

ся, промолчит. Себя экономит. Умники – другое дело. В них верховенство волнуется, дрожит. И кузнечики в глазах.

Люблю, например, спросить всезнайку, – И что это такое, электричество?

Управляемый поток электронов, – отвечает. А про себя думает, – До чего же дурацкий вопрос, знать, собеседник-то дурень стоеросовый.

Продолжаю заманивать в капкан, – А электроны?

– А что, электроны?

– Вот именно, что? Кто это и что это – электроны? Как их осознать и принять всей душой? Бегут, говорите? Каким образом? Куда, зачем? Должны же они иметь какую-то цель? – Передышки не даю. – Облегчить страдания человечества? Сомневаюсь. Очень сомневаюсь. Есть ли у них имена? И, наконец, почему, собственно, лампочка-то загорается?

И вот в этот момент, как раз на этом вопросе вдруг, откуда не возьмись – бах!

Искра, вольтова дуга, тьма! Всё!

Ответа уже не слышу. Да и нет ответа. Как можно отвечать, когда собеседник твой искрит и обугливается прямо на глазах?

Выдумка, конечно, но, согласитесь, явление вольтовой дуги в данном случае было весьма уместным и эффективным.

И весьма поучительным кое для кого. Знаете, удар молнии невольно заставляет охлынуть, задуматься, пересмотреть.

Знаете что такое вольтова дуга? Не приведи Господи узнать! Взрыв почище Хиросимы. Дыхание перехватывает, аорта на пределе, сердце вот-вот вырвется на волю, предсмертный восторг!

В моем случае – вдохновение.

Бах! Всё! Симфония готова.

Видите, как получается?

Другие сочинители на симфонию годы, десятилетия трапят. А как страдают при этом? Что ты! Просто почитайте доступные биографии. Воистину труженики. Страстотерпцы. Без иронии. Мозолистые души. А почему? Их током не било. И вся недолга.

Вызывает сомнения? А вы вот на что обратите свое драгоценное внимание. Одним из наиболее действенных и успешных методов лечения в психиатрии является электросудорожная терапия. С чего бы это?

А также Теслу вспомните и его Тунгусский метеорит.

А Ленин? Думаете, вождь затевал свою электрификацию, чтобы в медвежьих углах лампочки Ильича зажигали? Да он гениальные мысли таким образом культивировал.

Видите, как получается?

Кто такие электроны, и что такое ток, я уже не говорю о вдохновении – поверьте, никто не знает. И не узнает никогда. Потому что все эти знания изначально принимаются как данность. И теория вероятности, и «дважды два». Почему четыре? А потому. Так принято. Беспризорник Эйнштейн придумал. Числопас. Ему бы синяк под глазом. Или уж нарукавники. Амбивалентность, мать ее. Хиросима – тоже его рук дело, если копнуть. Нагасаки как-то реже упоминают. Беспризорник, числопас. Нацарапал спросонья невесть что, а нам теперь расхлебывать. *Дважды два – четыре*, видишь ли. А то, что он язык при этом показал, почему-то не учитывается.

А вот вам – новая идея, так же откуда ни возьмись, и также помимо воли.

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я родился, например, егозой Эйнштейном.

Хочется немедленно записать.

Хочется – перехочется.

Записал бы и одним росчерком пера жизнь под откос пустил бы. Или взмыл бы небесным змеем. Нужно уметь вовремя остановиться.

Тут бы со Стравинским справиться. Какой еще Эйнштейн?

Удержался. Молодец.

Шучу.

Люблю лунной ночью посмеяться над собой. Днем тоже, бывает, грешу – смеюсь, как полоумный.

Всякое писание – рискованное предприятие, доложу я вам. Вот говорят – *ведите дневники, ведите дневники, ведите дневники...* Не ведите. По моему опыту, даты и дневники – галька в сапогах. Или гравий. Или в штиблетах, если вы отдыхаете где-нибудь на море, в Абхазии, например.

Обожаю Абхазию. Воистину рай земной. Я ни даты рождения, ни даты смерти своей не помню. Потому шагаю налегке. Или кружу со своими турманами над своей голубятней.

Видите, как получается?

Так что, извольте видеть, поэма моя, роман мой, или эпистола, или репортаж со дна сознания с Абхазией, собаками, турманами, иллюзиями и прибаутками готов. А начиналось всё, если помните, очень просто – поперхнулся вишневым косточкой, слетел с лестницы, поцарапался гвоздем и так далее. Так что, по аналогии с известным анекдотом, просто-та лучше воровства. Граф Толстой, с которого я, собственно и начал свое повествование, это хорошо знал. И одевался соответствующим образом, напоминая и подчеркивая.

По первой и главной профессии я психиатр. Вероятно, вы уже догадались.

Вообще психиатр – не профессия. Картонная коробка. Картонный домик. В домике том тайн и откровений много больше, чем существует в природе. Людям без слуха в таком домике не выжить. Без слуха и страсти к письмам. Писать можно прямо на стенках. Разумеется, изнутри. Или в уме. Не имеет значения – окошек-то нет.

Моя мысль может показаться вам парадоксальной, однако именно и только в сумасшедшем доме царит подлинная свобода.

Вообще доктора и пациенты живут здесь одной большой семьей. Со временем и во внешности их начинают просматриваться общие черты. Не до такой степени, что у Стравинских, но всё же.

Так, ради любопытства, как-нибудь обратитесь к галерее знаменитых психиатров. Обратите внимание на уши, глаза...

Поскольку мы носим халаты, спутать нас с больными не представляется возможным. Разве если кто-то захочет пошутить? Шутки в нашей среде приветствуются. Шутки, розыгрыши, духовные забавы и всякого рода писание.

Так что иногда пишу. Чаще всего для себя.

Лукавлю. Иногда лукавлю. Для себя. Но чаще пишу. Если не сплю – пишу.

Вот прямо сейчас пишу. Можно проследить за ходом моих мыслей. Если интересно, конечно.

Такая игра – вы следите за моей мыслью, я слежу за вами, за тем, как вы следите за моей мыслью, на самом деле, вместе читаем роман. Вы читаете – я шевелю губами.

Да, следует признать, сегодня важнейшей из всех наук для нас является психиатрия. Мысль не совсем моя. Точнее, мысль – моя, но по форме напоминает другую мысль другого человека. Наверняка догадались, о ком идет речь.

Сымитировав таким образом своеобразную вариацию на тему непреходящей злободневности, я попытался возвести содержание универсальной идеи в абсолют.

Надеюсь, содержание не вызывает у вас сомнений? Возьмите, к примеру, то и дело вспыхивающее на наших глазах безумие государств. Не только безусловно одушевленный человек, но также условно одушевленный социум, и, если вспомнить Помпею или Дамхан, экзистенциально одушевленная эйкумена, а также необитаемая часть мира и сам космос нуждается в том числе, и в первую очередь, в наблюдении психиатра.

По меньшей мере, в наблюдении.

Согласен, мысль попахивает атеизмом, потому, во всяком содержательном человеке обязана вызвать отторжение. Однако же возникла, и не на пустом месте. Стало быть, была допущена к озвучению. В качестве штриха. Или аккорда, если угодно.

Вероятнее всего – как некое предупреждение.

Ну, что же, пусть покуда остается в нотной тетради черновиком.

Коробка может иметь любые размеры. Хоть Вавилонской башни, хоть спичечного коробка. Главное – не отвлекаться.

Теперь прошу обратить внимание на эпитафию. Извольте видеть, инициалы Стравинского – И.И. а не И. Ф. Это – не опечатка. Речь в романе пойдет не о композиторе. Точнее, не только о композиторе. Хотя композитор выступит, безусловно. Было бы, согласитесь, чудачеством с таким-то заглавием, в перспективе разверзающихся возможностей, памятуя, и так далее.

Чудачеств бояться не нужно. Бояться следует не чудачеств.

Так что композитор Стравинский И. Ф. выступит непременно. И не только в качестве композитора, а также, в качестве своеобразного шелкопряда, связующего звена, путеводной звезды и, не пугайтесь, марева.

Вы обязательно поймете, что имел в виду автор, выдохне-

те с облегчением и даже обрадуется. Чуть позже.

Не исключаю катарсис.

Случиться катарсис может где угодно и когда угодно. Но мне отчего-то кажется, что ключевым фрагментом станет одна, прямо скажем, шокирующая каденция, где вступают колокольчики. Сами поймете, когда услышите.

Катарсис, например, можно испытать, когда сосед включает свою дрель.

Так что не обязательно «Болеро». Участие Равеля в нашем путешествии не предполагается. Может быть, и напрасно.

Фрагменты помечены цифрами. Заголовки тоже присутствуют, чтобы не воспарить над писанием безвозвратно, но цифры – главное. Так структурируют партитуры. Так что перед вами скорее не текст, а партитура. Попытка симфонии.

Уже прозвучало – черновики. Лично мне черновики нравятся больше чистовиков. Всегда можно что-то исправить, изменить. Нет этого щемящего ощущения обреченности. Обреченности и в жизни, согласитесь, хватает. В последнее время – в особенности. Живем-то, если вдуматься, очень недолго. Несколько тактов в масштабах симфонии.

Хотя симфония – это не то, что написал композитор, а то, что мы слышим.

На самом деле мои герои молчат. Нам только кажется, что

мы улавливаем их голоса. Это не голоса – звуки. Точнее следы от звуков, тени звуков. Про себя живут мои герои. А наяву отсутствуют. И нечему тут удивляться. Разве не поем мы песен про себя? не вступаем в мысленные перепалки? не сочиняем невидимые сочинения? И поступки совершаем героические про себя. Преимущественно героические.

Если быть по-настоящему справедливым, а это значит наряду с внешними событиями, принимать во внимание события внутренние, включая мечты и сновидения – история человечества совсем не то, чему нас учат, и сами мы – нечто совсем иное. Всякий звук – только оболочка звука, а всякая реальность, какой мы привыкли ее представлять – лишь оболочка реальности.

Сюжет, содержание, мораль не предполагаются. Предполагаются штрихи, акценты, синкопы, что там еще? блики, обертоны – то, что в итоге и формирует гармонию. Или дисгармонию. Как вам заблагорассудится.

Тишину, бездну можно трактовать как угодно. Свобода. Пустота. Ничто.

Может возникнуть закономерный вопрос – коль скоро ничто, зачем, в таком случае? Ответ – представления не имею. А зачем играют в шахматы, например или ходят в горы?

Нет-нет. Все в порядке. Сейчас поясню, о чем речь. Если вы еще не догадались, именно вы, дорогие читатели – авторы

романа.

Такая игра. Приглашение в новенькую голубятню.

Как-то будете обустраиваться? Не интересно разве? Самим не интересно разве? Еще как интересно! Это вам не карточки перебирать, не нули на палочки нанизывать.

А меня как будто нет. Я уже давно сплю с котом в головах и собаками в ногах. Выпил чуток, да и завалился спать. Перед сном беседуйте со своими питомцами. Возьмите за правило.

Пронзительные слова эпитафии – плод размышлений Ивана Ильича Стравинского, не композитора, но моего коллеги психиатра, еще одного значительного персонажа повествования.

О психиатрах мало пишут. Полагаю, побаиваются как самих ослепших от криков, да окриков докторов, так и парящей в глубине их науки их.

А напрасно.

Конечно, бывали терпкие времена, что скрывать? Но, окиньте взором всемирную историю. Такое, да и похуже случилось всегда и повсюду. И теперь случается. И будет так.

Да, тлели и тонули многие. Однако же всегда находились отдельные иные. И среди психиатров, знаете ли, тоже. А подчас и в первых рядах. Просто всё такое остается за скобками,

как правило. А правила, сами знаете, не всегда справедливы. Потому-то и любим мы исключения беззаветно. Любим и приветствуем. Всегда и повсюду.

Перед вами собрание исключений. Как говорится, по требованию времени. По любви и по требованию времени. По любви, не забывайте. Заглавного героя выберете себе сами. Кандидатуры, уверяю вас, все достойные. Возможно, выбор вашего сердца падет вовсе не на Стравинского. Хотя Стравинских будет даже не два, а три.

Три Стравинских, с ума сойти!

Так что психиатр Стравинский очень даже уместен. Шутка.

Я обещал вам трех Стравинских.

С Игорем Федоровичем и Иваном Ильичом я вас уже познакомил в общих чертах. Впрочем, Игоря Федоровича вы и без меня знали. Без меня или вместо меня. Шутка.

А будет еще С. Р. Сергей Романович Стравинский, агностик¹. Откровенно говоря, при выборе заглавного героя, я бы остановился именно на нем. Что называется *вопреки*. Знаете, иногда сладко выбирать вопреки. Есть в таком выборе привкус независимости, что ли. Скажу больше, когда бы ни Игорь Федорович да Иван Ильич, я бы писал исключительно

¹ Агностицизм (от греч. а – отрицательная приставка, gnosis – знание, agnostos – недоступный познанию) – филос. учение, утверждающее непознаваемость мира.

о Сергее Романовиче, хотя бы потому, что он меньше других того заслуживает. Знаете, взбалмошных, непутевых детей, парадоксальным образом, любят больше.

И вообще, на мой взгляд, некоторые парадоксы уже давно пора перевести в разряд закономерностей.

А может быть, все трое – один человек. Некий Стравинский. Без инициалов. Ни живой, ни мертвый. Когда человек умирает, он уже не знает, жив он или мертв. Или когда очень испуган. Или когда влюблен. О себе не думает, лишь о предмете страсти своей думает. А сам – ни жив, ни мертв. Так и говорят, *ни жив, ни мертв*. Еще говорят, *душа в пятки ушла*. Представить себе трудно, как такое может быть. Но говорим же? И часто.

На подошве кожа нежная. Даже если босиком много ходить.

Как Толстой или японцы.

А может быть, все персонажи – ваш покорный слуга. Только не тот, что существует в природе, ходит на работу, какие-то будние разговоры, праздничные разговоры, беседы беседует, кормит собак во дворе, на балконе курит, с голубями может заговорить.

Не тот – другой. Тот, что ничего о себе не знает, и даже не догадывается.

И не нужно лишнего о себе знать, потому что понять всё

равно не возможно.

В моем повествовании всё неправда. И если вам на глаза попадется легко узнаваемая деталь или история – не верьте глазам своим. Так что перед вами не автобиография. Скорее уместно было бы назвать его *антибиографией*, но сей неологизм мне решительно не нравится, так что забудем его как страшный сон. Мало ли какая фантазия заблудится во сне?

Осуждать спящего за его сны – последнее дело. Тем более – делать выводы.

Вывод – всегда тупик. Тупик, битое стекло и кошачий запах – вот что такое вывод.

Теперь о сыщиках. Вам же хочется чего-нибудь такого? Все мы, если вдуматься, сыщики. Одни женины похождения расследуют, другие – жизнь после жизни. Стравинский С. Р. расследует пустоту во всех проявлениях, Стравинский И. Ф. – тишину во всех проявлениях, Стравинский И. И. – бездну во всех проявлениях. А я, извольте видеть, все это за ними записываю на стенках коробки. Разумеется, изнутри.

Теперь прошу внимания. Начинаются чудеса.

Тут такая история. История, предыстория, заявка, завязка, примите, как вам заблагорассудится. Дело в том, что ком-

позитор Игорь Федорович и агностик Сергей Романович, притом, что не родственники, внешне однойцовые близнецы. И не только внешне. Два, казалось бы, разных человека, но – одно и то же лицо, одна фамилия, одни и те же бесенята, да петушки, если присмотреться, да прислушаться. Как такое могло случиться? Не знаю, ума не приложу, однако – факт.

Проверял. Ставлю пластинку, что-нибудь из сочинений Игоря Федоровича, пусть «Симфонию», «Петрушку» или «Жар-птицу», не важно... хоть псалмы, хоть другую какую симфонию, или не симфонию вовсе, не важно... пластинку заведу, или, бывает, сам про себя напеваю, люблю, знаете, напевать про себя... не важно. Закрою глаза – и тотчас всплывают близорукие черты Сергея Романовича.

Или Игоря Федоровича. С наскака не разберешь, лицо-то одно.

Такая вот история. Предыстория.

К слову, бесенята, да петушки тоже в известном смысле меж собой родня.

Теперь Иван Ильич. Тот, чей эпитафия.

Чудеса продолжаются.

У Ивана Ильича, однофамильца вышеупомянутых Игоря Федоровича и Сергея Романовича те же черты. Единственное отличие – Иван Ильич альбинос в голубых прожилках

с рубиновыми бусинками-глазами.

Такое впечатление, будто перед нами три идентичных снимка, но один засвечен.

Или три черно-белых снимка, а один был бы цветным, но загублен при проявлении.

Невозможно белое лицо с голубыми прожилками и рубиновыми бусинками-глазами у Ивана Ильича. Когда бы ни этот испорченный снимок, смело можно было бы объявить – вот три портрета исключительных близнецов. Игоря Федоровича из прошлого, Сергея Романовича из настоящего, да Ивана Ильича из будущего. Три стравинских портрета. Удивительное дело.

Так бы и окольцевал виньетками, честное слово.

Будущее отдано Ивану Ильичу, так как он известный выдумщик и мечтатель, хоть и психиатр. Бывает, такое нафантазирует, заплетет, что и семи умникам не разобраться. Заплетет, сам же и попадет. Заглянешь к нему в кабинет в самый наплыв и разгар – нет Ивана Ильича. – Где доктор? – А кто его знает? Из помещения не выходил. Окна закрыты. Очередь томится, гудит. Нет Ивана Ильича, нет доктора, был и не стало. Да где же он? В мечтах, в будущем, в силке. Выпутается – вернется. Или по свалке с другом путешествует. Вернется, и тут же за работу.

К свалке, именуемой Баллас, обратимся позже.

Баллас – особое место. Особенное!

Вернется Иван Ильич, и тут же за работу. Пахарь. Этого у него не отнимешь. Беседует, на вопросы отвечает. Отвечает, сам вопросы задает, а все в своих мыслях.

Титанический труд – исследование бездны.

Вынужден признать, в тумане будущее наше, коль скоро символом ему Иван Ильич.

Игорь Федорович умер, и давно.

Как говорится, давно *уж на той стороне*.

Или – *давно уж на том берегу*. Как будто речь о какой-нибудь речушке. Такой метафорой смерть проще объяснить. И не так скорбно получается.

Умер Игорь Федорович. Давненько уже. Время летит, знаете ли. Умер. Тишину исследует. Во всяком случае, так принято считать.

Стало быть – за ним прошлое.

Титанический труд – исследование тишины, доложу я вам.

Прошлое, как вы знаете тоже непредсказуемо, но все же кое-какие факты и артефакты можно подсобрать, полюбоваться, осудить или прославить. Посмаковать, как говорится, похвалиться. Опять же величие.

А какая музыка у Игоря Федоровича?! Возьмите хоть

«Петрушку», хоть «Жар-птицу» или «Симфонию». А «Весна священная»? Что ты!

Бывает, заведешь пластинку, закроешь глаза – такое великолепие и пожар. Так бы и не возвращался в настоящее.

Игорь Федорович, равно как и Иван Ильич, склонен исчезать. То появится – то исчезнет, то появится – то исчезнет. Ну, в точности Иван Ильич. Близнецы – они и есть близнецы.

Выходит, прошлое наше – в мареве. Будущее – в тумане, а прошлое – в мареве.

Но грусти нет. Ни малейших признаков. Стало быть, будем веселиться. Если получится.

А вот Сергей Романович при внешней аморфности, крайне активен и подробен как раз в настоящем. При полной погруженности в себя тоже наблюдает, анализирует. Собирает четверги. Будто бы собирает. Во всяком случае, смолоду собирал. Не оставляет надежды разобраться, систематизировать, что-то вычеркнуть или присовокупить, составить концепцию или опровергнуть, забыться, наконец. Во всяком случае, складывается впечатление, что надежда понять нечто одному ему ведомое еще не покинула его. Страдает, конечно. Пьет, случается. Для него и сон, и пробуждение – события. Невидимые труды и странствия. Круглосуточно. И во сне тоже.

Иногда заговаривает. Чаще стихами.

Чаще молчит. Тоже стихами.

Стихи, забегаая вперед, непривычные. Иногда не понятно, то ли Сергей Романович стихи читает, то ли Сергей Романович сам по себе, а стихи – сами по себе.

Если Сергей Романович сам по себе, кто, в таком случае, читает стихи?

И зачем стихи, тем более непривычные, смутные стихи, когда и без стихов туман? И с давних пор. Если вдуматься с самого сотворения мира.

Вопросов много.

С тем, что, так или иначе, касается Сергея Романовича всегда так. Смутная фигура. Тень самого себя. То, как мы ощущаем себя в одиночестве, когда не спишь, но всё внутри замерло, дремлет. Себя помним еще, но вот что мы такое есть на самом деле – как-то туманно, и не думается об этом. И вообще не думается. Обломки фраз, какие-то рифмы не к месту, эхо желаний, утерянные предметы, невидимые купола и арки, пенный океан, пыльные коридоры без окон, все в покое и движении одновременно зыбкое и непостижимое. Вот что такое Стравинский С. Р.

Воистину блуждаем, что твои сомнамбулы. Кто-то называет эти блуждания особого рода творчеством, а кто-то, без затей – пустотой.

Извольте видеть – закольцевал. Пустоту закольцевал. Вот таким образом симфонии и складываются. Черновики симфоний.

Титанический труд – исследование пустоты. Между тем – зачин.

А, может статься, и реформа в обозримом будущем.

А без реформ мы куда? Все от сотворения мира – сплошная реформа. А иначе бы до сих пор жили без радио и реестра.

Случаются, конечно, перегибы, Вавилон, например. Но Вавилону уже дана гуманитарная оценка. Соответствующие акценты проставлены.

Будто бы проставлены. Нет?

Этот и подобные вопросы, назовем их главными вопросами – основа агностицизма. Вопросы, ответа на которые не существует. Во всяком случае, на этом берегу. Но обреченность не просматривается. Ни малейших признаков обреченности.

Стало быть, будем веселиться. Если получится.

Тем более, когда мы остаемся один на один со своими мыслями, категории времени и пространства исчезают. И так-то славно получается – захотел с покойником поболтал, захотел – на гондоле прокатился.

Иван Ильич и Сергей Романович живут и здравствуют в одном и том же городе – водянистом, сокрытом в самом себе городке Бокове. Бродят по одним и тем же улочкам, наблюдают одни и те же фигуры из облаков, мокнут под одним дождем, имеют общих знакомых и незнакомых, включая домашних и уличных животных, а вот встретиться у них никак не получается. Все как-то не складывается. Хотя оба нуждаются друг в друге. Вы это поймете по мере погружения в детали предлагаемых вашему вниманию приключений, а речь пойдет о захватывающих духовных приключениях. О духовных приключениях духовных людей.

Персонажи будущей симфонии – исключительно духовные люди. Скажете, так не бывает, такого не было никогда. Но, во-первых, откуда нам знать? Ибо все, что сказано и написано, все эти мемуары и толкования с действительностью имеют мало общего. Примеров тому не счесть. Во-вторых, если такого и не было никогда, не означает, что такого не будет никогда. И, в-третьих, пожалуй, главное – так должно быть. Разве не к гармонии мы стремимся, разве не просветления ждем отчаянно?

Череда вышеназванных волшебных обстоятельств и сходств побудила меня написать короткое стихотворение, которое, когда бы ни генетическая скромность автора, могло

стать вторым, а, может быть, и первым эпиграфом...

*на мороз как в топку
громко чуть слышно
жизнь задалась...*

Триединство. Закономерность, символ, суть.

Музыка явлена нам в трех ипостасях: собственно музыкой, стихами и бредом.

Наверное, именно эту фразу следовало бы сделать эпиграфом романа, но высказывание Стравинского И. И. показалось мне более значимым.

Названный герой мой, Сергей Романович Стравинский, тот, что агностик, как я уже докладывал, не дурак выпить. Вы легко и скоро сможете в этом убедиться, если хайку, навеянное Стравинскими, размышлениями о Цуимском сражении и триединой матушке России не отпугнуло и не побудило вас, дорогой читатель отправить сочинение в настоящую топку уже с настоящими бесенятами и петушками.

Всякий раз, затевая симфонию, я, как врач, и по мере возможностей стремящийся к честности человек, уже в первых абзацах стараюсь убереечь читателя от дальнейшего чтения.

Право слово, если уже принялись читать, бросьте это за-

нятие, послушайте лучше еще раз «Жар-птицу», «Симфонию» и «Петрушку». Больше проку будет, честное слово.

Хотя замечу, такой симфонии свет не видывал. Во всяком случае, собрать воедино трех столь непохожих друг на друга однойцовых близнецов, насколько мне известно, никому прежде в голову не приходило.

Снова триединство, обратите внимание.

Наряду со здоровьем пьянство рушит барьеры, спесь, безгливость. Предаваясь пьянству, сами того не замечая, мы приобретаем новые свойства. Можем, к примеру, взлететь и вылететь, постичь бесконечность и участвовать в снегопаде, сделаться равным великим или другом лилипутов, игратья со временем, как будто оно не вселенская каша, а часики на цепочке, воспеть или вовсе отказаться от времени.

Пьянство, медицинское образование, склонность к иронии и самоиронии – вот три достаточных условия, чтобы сделаться русским писателем. Незаурядным писателем, как минимум. Ибо всякий русский писатель незауряден. Если, конечно, он – настоящий писатель. И всякий русский композитор незауряден. Если, конечно, он – настоящий композитор. Как Стравинский. Или Римский-Корсаков.

Справедливости ради следует заметить – отличить настоящего писателя от ненастоящего невозможно. Потому что, во-первых, непонятно, какими качествами должен обладать судья, а во-вторых, каковы критерии отбора. То же относится и к национальной принадлежности сочинителей. Я, например, нахожу, по ряду примет Эриха Марию Ремарка чисто русским писателем. И Хэма.

Диккенса, конечно. Диккенса, может быть, даже в первую очередь.

Хотя какая разница, если в конечном итоге все мы оказываемся крайне недовольными своей смертью?

И здесь триединство.

Скажете – автор зануда какой-то, и окажетесь правы.

Всё. Больше о триединстве ни слова. Считайте сами, если вам интересно, а я впредь отказываюсь. Какой смысл, когда кругом три, три, три? Три и будет.

А знаете что? Не считайте, пожалейте себя.

То, что называется вдруг, откуда не возьмись. *Нечто*.

Укладывается сначала на бок, потом на живот.

Речь о так называемой цивилизации.

Ворочается, так сказать. А, может быть, подобно дрессированной белке забирается в невидимый барабан. Только

представьте – такая тучная реликтовая белка с окаменевшими лапками и тиной во взоре. С одышкой, разумеется – давно живем-то. Поворачивается, со всеми вытекающими последствиями.

Вытекающими – смешно, Бог знает, что можно подумать. Слова игривы. И подчас опасны.

Или, например, крутит «солнце». Тоже вариант. Солнце – популярный фокус из моего детства, предмет бахвальства уличной шпаны.

Речь все о том же, о так называемом человечестве.

Нечто выполняет упражнение нехотя, медленно, с ветрами, стонами и скрипом. Представляю себе эту взмывающую громадную косматую массу с высыпающимися из складок и карманов фантиками, марками, спичечными этикетками (всё из детства), мятыми червонцами (уже позже), презервативами, слипшимися воздушными шариками, слипшимися резиновыми перчатками, табачными крошками, крошечными окурками, линзами, ракушками, ватрушками (порой смертельно и безоглядно тянет рифмовать), печатями, бланками, рулонами, юркими черепашками, юркими червяками, юркими рыбками, юркими рыбаками, настенными календарями, тлеющими сухариками и наскипидаренными воронами. Перечисление может быть продолжено сколь угодно.

Содержимое – на усмотрение читателя. По настроению. Безо всяких выводов, обобщений, аналогий и прочей белиберды. Исключительно по настроению.

А, может статья, нет никакой спирали. Мироздание засыпает и пробуждается, затем вновь засыпает и вновь пробуждается. В долгом сне, как положено, затеваются крылатые гипотезы, приставучие мелодии, тысячелетние свары и прочие прелести да пакости.

Поутру мироздание, как положено, приняв дождь, принимается населять своими затеями жизнь. Примется, так как сейчас, по достоверным приметам оно спит. Совсем недавно, буквально на наших глазах задремало. По достоверным приметам зреет храп. Не трудно себе представить, что это будет за храп, впрочем, экстрасенсы достаточно подробно описали его.

Несмотря на сон ноосферы, у отдельных её представителей, у меня в частности иногда, не скажу, чтобы часто, видимо по привычке, возникают разнообразные фантазии. Скоро, наверное, это пройдет, но пока еще возникают. Например, хорошо бы напоследок придумать что-нибудь этакое, чтобы, когда наступит храп, не было так страшно, как в поговорке, *страшно невтерпеж*.

Или там, в поговорке, речь шла о замужестве?

Тему замужества разовью чуть позже, а вот рифма, согласитесь, получилась сочная, хоть и нестандартная...
страшно – невтерпез.

Хорошо бы придумать, например анекдот или байку.
Эх, умел бы я составлять куплеты, цены бы мне не было!
Увы! Анекдот свалить – идея несбыточная. Я вообще сомневаюсь, что анекдоты придумывают люди. Не я один сомневаюсь.

Объясниться. Пояснить. Надобно. Отступаю от собою же установленных правил и поясняю. Давно нужно было это сделать. Тогда бы не возникали вопросы «что», да «зачем», да «почему».

Итак. Выгляните в окно иллюминатора минут через пятнадцать после взлета. Когда вата небесная уже пройдена. Что видите? Можно назвать это шелком? Нет? А я бы рискнул. Теперь понятно, в чем смысл?

И хорошо бы начать с этого поганца Ницше, который, чего уж там, многих смутил, расстроил и вдохновил, который... Начать, предположим, так...

Открыл и закрыл...

Открыл, прочитал первую фразу, и больше не открывал. И никогда больше не открою, ибо...

Или сразу суть...

Видели его усы, этого самого Ницше?

Сразу суть...

Натуральный таракан.

И всё.

И ни слова о нем больше.

Пара фраз – а Вельзевул низложен.

С этим тараканом, кажется, угадал в десятку, в самое яблочко!

Одна точная фраза и усатый меднолицый Вельзевул низложен!

И попран!

Каково?

В принципе можно было бы вообще больше ничего не писать. Но на байку не тянет. Недостаточно. Пропадет фраза. Жаль. Надо бы как-то развить. Итак.

Видели его усы? Этого самого Ницше? Натуральный таракан.

Что дальше?

Байка – плохо. Баек и без меня хватает. Среди шоферов и рецидивистов я встречал таких мастеров баек, куда мне с ними тягаться?

Взять того же Ницше. Хотя он и таракан, но в байках дока. Спр'осите – за что его так-то? Ответ – за то самое! Твердо

так, с металлом в голосе...

За то самое!

Чтобы впредь не возникало соблазна задавать уточняющие вопросы.

За то самое!

Или вот, еще лучше, обожаю этот оборотец...

Хотелось.

И всё. И попробуй что-нибудь мне предъяви после такого-то аргумента.

Откровенно говоря, я смертельно обижен на этого Ницше. За эту вот самую первую фразу. Не осмелюсь повторить. За ту фразу, что лишает каких-либо надежд одним махом.

Надежда должна оставаться. Во что бы то ни стало. Надежда пульсирует. Как голод. Или радость. Зачем? Не знаю.

Сочинять с такой пульсирующей надеждой внутри по идее не положено. В особенности в наше блеклое время.

К слову, поэты, как правило – очень грустный народ, а самые лучшие стихи – те, что навеяны беспролазной печалью.

Опять стихи. Зачем здесь поэзия? Причем здесь поэзия?

А о чем вообще речь?

Плевать. Хочу. Намерен сочинить, придумать, вспомнить кое-что. Выудить, сверить, проверить. Зачем? Для кого? Не знаю. Для себя.

Хотя я теперь склонен к созерцанию. Таким как я теперь

уже ничего не остается кроме созерцания.

Нам, чьи ноги помнят твист и болгарские сигареты, портвейн и Болгарию саму... Стоп. Что значит, *ничего не остается*? Да разве есть на свете ценность значительнее созерцания? И создан ли более значительный персонаж, чем Обломов Илья Ильич, который... что?.. Который – всё. Наше всё. Как Пушкин.

Пушкин и Обломов – недурная компания. Африканец и вельможа.

Итак.

В точности как обожаемый Илья Ильич, я склонен теперь к созерцанию. И самосозерцанию. По большому счету, склонен к пустоте (привет Стравинскому С. Р.). Склонен к пустоте в самом яхонтовом значении этого слова. К пустоте, пустотам, ибо пустоты – это детали. А что может быть приятнее для сочинителя, чем собирание и нанизывание деталей? Включая пустоты.

Кругом триединство и пустоты. Уже и сам устал. Но что делать, когда это так?

Склонен к пустотам, паузам, в то же время, к беседам с собаками, включая воображаемых собак, весьма полезных для письма и вообще весьма полезных во всех смыслах. В особенности их глаза.

Вот, казалось бы, фраза абсолютно не сочетается с предыдущими фразами. Выпадает и трещит петушком на трамвайной дуге. Однако же мне так захотелось, я и вставил. Это и есть свобода, не та мнимая свобода, когда орут и толкаются. В особенности в трамваях моего детства. Или на площадях моей юности.

Перед сном беседуйте со своими питомцами. Возьмите за правило. Хотя бы перед сном.

Так что же всё же, сочинительство или созерцание?

А совместить нельзя? Совместить нельзя. Уж тут уж что-то одно. Или сочинительство или созерцание. Нельзя. Где угодно, кроме изящной словесности. Изящная словесность потому и называется «изящной», что сочетает несочетаемое...

Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...

Теперь понятно, что имел в виду Александр Сергеевич?

Вот, кстати, к слову пришлось. О чём они там говорили на Сенатской площади? Ну, пока стояли, мерзли?

Вчера Архип достал щуку килограммов на семь, например.

Или.

Третьего дня двадцать пять рубликов проиграл... да ка-

зённых.

А потом – бах! и нет Милорадовича! Михаила Андреевича. Вольтова дуга истории.

А сочинение? что сочинение? Мне нравится перебирать буквы, слова. Просто так. Без цели и задач.

А в беседах с собаками таится огромный смысл.

Прежде старухи из чулок коврики вязали. Из чулок, тряпочек разных. Дивные коврики. Теплые, пастельные, как сама старость, поскольку старость – ничто иное, как изнанка детства. Не удивляйтесь, если вы уже встречались с этими ковриками. Коврики из чулок и бродячие собаки – неизменные мои персонажи, кочуют от сочинения к сочинению.

Еще Цусимское сражение. Часто размышляю о нем. О Милорадовиче и Цусимском сражении. С детства. Думаю, например, а что если бы все сложилось не так, а иначе. Или просто представляю себе, вот они идут, отливая серебром: «Князь Суворов», «Ослябя», «Аврора»...

А Милорадович, скажем, простыл, и в тот злополучный день из дому не вышел. Укрылся пледом, читает себе «Леона и Зыдею» юного Миши Загоскина.

«Аврора» – особая песнь. Позже побалую вас одной, связанной с крейсером, любопытной историей из жизни тропических животных. Не броненосцев, нет. Логика не всегда

срабатывает. Далеко не всегда.

Эх, Цусима! Какие люди, какие корабли! Доблесть, понимаете, честь! Вот как будто всех доблестных и честных морских офицеров собрали вместе и убили. Вместе с кораблями. Хитросплетения большой игры с неизвестными правилами. Партия прописана заранее. Например, если бы революции было назначено накрыть Японию, всех доблестных и честных японских морских офицеров собрали бы вместе и убили. Вместе с кораблями. То есть, поражение потерпел бы адмирал Того, и наверняка совершил бы харакири в цветущем возрасте или в цветущем орешнике. Но, во-первых, революция в Японии – очевидный перебор, так как японцам хватает землетрясений. А, во-вторых, ко времени сражения, доблестные и честные офицеры были собраны как раз на русском флоте.

Игорь Федорович при жизни не успел или не хотел создать симфонии на материале Цусимы, может быть, ему это и в голову не приходило. Зато теперь, когда времени у него бесконечно много, он наверняка задумался об этом. Иначе быть не может, раз уж эта мелодия прозвучала во мне, точнее в моей поэме о Стравинском.

Точнее так. В настоящее время великий композитор Игорь Федорович Стравинский работает над симфонией о Цусимском сражении, почему, собственно, автору и вспомнился этот именно, а не какой другой из многочисленных

эпизодов русской истории. Я бы так сказал – невелика хитрость полюбить победу. Ты сумеи поражение полюбить искренне и нежно.

А нынешние старухи, обратите внимание, от того, что без любви оказались, сами как будто из чулок связаны.

Были еще, помнится, в школьные годы такие циркули со скобой или петелькой, не знаю, как лучше назвать, куда вставлялся карандаш. Копеечные. Теперь таких не найти. По тем дешевеньким циркулям память теплая. А в дорогих, металлических циркулях из готовален души не нахожу. Наверное, потому, что не чертежник. Не чертежник, не математик. Цифровой кретинизм у меня. Не помню, в каком году школу кончил. Всякий раз спрашиваю. Испуган точными науками навсегда. Учительница строгая была. С нечистыми волосами и родинкой на шее.

Возьмите хоть понедельник, хоть вторник, любой день недели, любой город или поселок сегодня.

Нынешний Боков возьмите. Скажем, Советский проспект. Что там? Запах электричества. Сажа и бронза. По вечерам фонарики снуют – машины. Не часто, нет. Мертвецкие в просторных окнах. Кварц. Газеты под ногами. Скорлупа яичная иногда. Вороны иногда. Голубей не стало. Заика-

ние и гул. Редко слова. Бранятся...

Боков возьмите. Скажем, Куету. Что там? Горячие лужи. Конюшня на отшибе. Окна уже маленькие, живые. Собачьи свадьбы. Теплушки, теплушки, бойлерные. Всегда тепло. Дождик теплый. В синем киоске сахарная вата. Сортиры известкой побелены. Шепот, да лепет. Всегда тепло. Слова – редкость. Бранятся, разумеется...

Возьмите Боков. Скажем, Худоложье. Зимой пряничные домики снегом укутаны. Как елочные игрушки. Тут и там глаза кошачьи. Желтые и зеленые. На проспекте – фонарики, а здесь – глаза кошачьи. Машин не бывает. Колодец в ледяных узорах. Нож в сугробе. Гуси шествуют протяжно. Собаки лают только по праздникам. Слова – редкость. Бранятся, главным образом.

С одной стороны – город, а поворотись-ка на восток – роса сияет. Что за станция? Россия-матушка. Расея.

По тюрьме теперь многие скучают, в связи с чем, обращаются друг к другу «братишка». Лубок и жертвенность в потустороннем свечении. Свет сочится с той стороны, с того берега. Присмотритесь хорошенько. Где же тут тарелочкам не прилететь?

Справедливости ради, много смеемся. Ну, хотя бы так.

А на диване хорошо.

Все видимое и невидимое связано одной тонюсенькой нитью. И этот мир, и тот, и старухи, и их коврики, и их пушистые воспоминания, и постояльцы тех воспоминаний, их соседи, непременно соседские собаки, пушистый кот, пожиратель лимонного дерева, декабристы, террористы, Государь император, Пушкин, его голова, дети, внуки, внучатые племянники, так называемый народ, копошение народа, маета, празднества и войны, кивера, корветы, лапти, прохоря, лепни, циркули и цирки, посуда в раковине, немая лампочка. Опять же Илья Ильич.

От Ницше вроде бы отказались, а он не желает, как говорится. Его в дверь – он в окно, таракан.

Старик Плюшкин, его коврики из чулок, какой-нибудь улан в кресле бряцает, дядя Гена, сосед, хороший, слесарь, домашний, седой, редкость, кролики опять же пушистые, и карликовые, их теперь много стало, лошадь, сосредоточена, рабство свое принимает как неизбежность, при этом великодушна и добра, другие разные лошади, император Август, другие императоры, месяцы март, апрель, май, июнь, июль, Навуходоносор.

Кто еще? Вымершая птица гасторнис, уже не такая пушистая, но все же.

И так до бесконечности.

Если вдуматься, ничего не меняется. Ничегошеньки.

Опять же исчезает легко. Закрыв глаза – и всё. Но это, конечно, запрещенный прием.

Солгал. Никогда не был гасторнис пушистым, так клочки какие-то. Печальное будущее содержалось уже в самом его обликии.

Что значит, солгал? Мне представляется, что когда-то он был очень даже пушистой птицей, пушистой и голосистой. Значит, таким он и был.

Ваше здоровье!

И довольно. Пора приступать.

Так, чтобы было понятно, ниточку продолжаем тянуть, а свет, предположим, выключили, или поменяли. Сделали его едва тлеющим.

Итак. Я сплю с котом в головах и собаками в ногах. Выпил чуток и завалился спать. И Стравинский С. Р., Сергей Романович спит. Отдыхает. Потому свет и поменяли. А вот лошадь за окном, обратите внимание, так и стоит, не шелохнется. Изумительно умные глаза у той лошади.

Перед сном беседуйте со своими питомцами. Примите за правило.

Часть первая

Larghetto Colla Parte

1. Аристофан. Лягушки

Пожалуй, с лягушек и начнем.

Добрая примета начать симфонию с темы лягушек.

В одноименной пьесе Аристофана удивительным животным отведено как будто не так много места. Поверхностный читатель может принять эпизод с их появлением в прологе за блеснувшую не к месту нефритовую брошь, шутку гения, остроту, не больше. Ничего удивительного, драматург в очередной раз решил посмеяться. Над нами. Может быть, над собой. Комедиограф – смешливый человек, да и жанр требует.

Чуть менее поверхностный читатель попытается обнаружить приметы аллегории, и, как это всегда бывает, найдет тому подтверждение в кривых отражениях и спонтанных аналогиях. И только единицы, уникамы догадаются, что фрагмент с земноводными является тем именно неповторимым волнующим аккордом, ради которого и задумывалась вся ко-

медия.

Да, если рассматривать в качестве лягушек собственно лягушек, получается неоправданно короткий диалог. Диалог – щепка. Диалог на прищепке.

А если немного вознестись, и завораживающий лягушачий мир рассматривать не только в ракурсе присутствия его обитателей, но и в контексте отсутствия оных? Что, если попытаться окинуть взором всю животворную субстанцию, волнуемую медленной испариной озер и болот? Ту, что окружает и питает всех и вся, простирается на тот берег Стикса, и дальше, до бесконечности? Ту, где содержатся не только что сами лягушки, но также воспоминания о лягушках, грезы о лягушках, раздумья о лягушках? Не правда ли, выстраивается совсем иная гармония, просачиваются новые смыслы?

Нет, не смеется Аристофан. Мало того, мы не можем исключить, что описанные события в действительности имели место, и автор был их свидетелем. Как такое могло произойти? – вопрос к ученым. А была ли древняя Греция той древней Грецией, что мы знаем из комментариев к главам и рукописям? Пусть археологи, палеонтологи, спелеологи и гробкопатели, кто там еще, анатомы и патологоанатомы не нашли доказательств существования Диониса и Геракла, но ведь

они не нашли также доказательств их отсутствия.

Лентяся?

А может быть, умалчивают?

Между тем, еще не умерли свидетели. И они с нами, подле нас. Да-да, те самые лягушки. Присмотритесь к ним хорошенько. Воды Стикса в брюшках их, призрачные фигуры Стикса в глазах их. Присмотритесь, поговорите с ними, господа ученые, если, конечно, вы – те за кого себя выдаете. Хорошенько присмотритесь, прежде чем отправить на секционный стол.

Ужас, ужас!

Что, не умеете? Не знаете как? То-то и оно.

На самом деле терпеть не могу обличительных речей. Но в данном случае не удержался.

Однако вернемся к Аристофану.

Прочь сомнения. В эпизоде с лягушками, несомненно, содержится главная мысль комедии. Дионис, напомню – божество, учится у лягушек кваканью. Он так прямо и объявляет им, – *Брекекекекс, коакс, коакс! У вас я кваканью учусь.*

Учится усердно. Да что там, входит в раж, – *Брекекекекс, коакс, коакс! Меня не переквакать вам.*

Очевидно, что новое знание чрезвычайно важно для него. Почему? Ответ изумительно прост. Дионис постигает язык

будущего, где, собственно уже и находится, переплыв орхестру в компании лукавого Харона. А, может статься, это вообще универсальный язык, перламутровая нить, опутывающая лягушек и людей, греков и африканцев, живых и мертвых. Такой язык, что окажись мы даже среди обезьян, мандрилов да гамадрилов, стоит произнести «коакс, коакс», суглинистый Дарвин тотчас отзовется и выйдет нам навстречу со спелым кокосом и распростертыми объятьями. Сдается мне, выдающийся эволюционер, завершив свой земной путь, живет теперь где-нибудь в джунглях в обществе мартышек и питается кокосовым молоком.

В свою очередь сухопарый Харон отчего-то представляется мне глуховатым, плешивым, но молодящимся. С крашеными жидкими прядями и серьгой в ухе. К делу отношения не имеет – заметки на полях.

Какова же реакция лягушек на объявление Диониса о стремлении обучиться кваканью? – *Ох, горька обида эта!*

Что это? Обида на ученика, вознамерившегося превзойти своих учителей? Или знак того, что тайны лягушачьего рода неприкосновенны?

Скорее всего, нечто третье.

Бесхвостые растеряны, близки к отчаянию. Не в состоянии придумать сколько-нибудь значительного аргумента, чтобы остановить распалившегося бога виноделия и отвеча-

ют зеркально его собственной фразой, – *Тебе же нас не переквакать.*

Блестяще выстраивая конфликт, Аристофан, используя подобие рефрена, попутно решает и ритмическую задачу, – *Меня не переквакать вам и тебе же нас не переквакать.*

Возможно того лучше выглядела бы следующая связка – *меня не переквакать вам и нас не переквакать вам*, что есть идеальная рифма. Но это, невозможно, так как обращение на «ты» провозглашает принципиальное равенство божества, лягушки и человека, к сожалению поправное, низложенное и неприемлемое сегодня. Как и всякие прочие равенства.

А переводчик – неглупый малый. Если, конечно, осторожность является одной из примет рассудительности. Безусловно, является. В противном случае мы бы уже давно гуляли на дне описываемого Аристофаном, и не им одним, болота. Болото же, в свою очередь, стало бы частью нашего естества, с чем, если не лукавить, мы нередко сталкиваемся и при избытии рассудительных людей.

Победа, не трудно догадаться, за Дионисом, – *Вот уж нет! Я квакать стану, коли надо, целый день, пока я ваш коакс не одолею, брекекекс, коакс, коакс! Заставлю я умолк-*

нуть вас: коакс!

Прямо скажем, пиррова победа!

Харон понимает это. В его интонации сквозит гнев, – *Довольно! Стоп! Причаливай веслом! Слезай, да заплати!*

А здесь Харон грузный. Отчего-то представляется мне уже угловатым таксистом, пару раз отсидевшем в тюрьме, с выцветшими добрыми глазами и татуировкой «Митя» на пальцах правой руки.

В дальнейшем все, без исключения, персонажи пьесы либо говорят на лягушачьем языке, либо сами являются лягушками. Нельзя исключить, что первоначальный вариант комедии и был написан на лягушачьем языке. К сожалению, после многочисленных переводов, нам достались только фрагменты в виде вышеупомянутых *брекекекекс, коакс, коакс*.

Вывод.

Осмелюсь предположить, в бессмертной, в прямом и переносном значении, комедии Аристофана не пролог, содержащий главную идею и событие, является частью пьесы, но сама пьеса является частью пролога.

Так что на премьерных показах, скорее всего, не актеры исполняли роли лягушек, но лягушки исполняли роли актеров, что в условиях подлинной демократии, царившей в древней Греции, осталось, разумеется, незамеченным.

2. Смутные стихи. Жмурки

Каждый четверг агностик Стравинский С. Р. устраивает четверги. Так называемые четверги Стравинского С. Р. Или *знаменитые четверги Стравинского С. Р.*

В профессиональной среде Стравинского И. И., в среде психиатров подобные четверги называют «сумерками». Как вы, наверное, догадались, в память о знаменитых сумерках Эрдмана Ю. К.,² где завсегдаем как раз бывал тезка Стравинского С. Р., Стравинский И. И.

Никакой путаницы. Нужно просто еще раз медленно прочитать. И всё. Медленно прочитать, заглянуть в ссылку, и всё.

² Эрдман Юрий Карлович. Учился в Томском университете, на медицинском факультете, который окончил в 1926 году. Карьеру психиатра начинал в Томске, потом работал по той же специальности в Рязани. Оттуда переехал в Москву, в клинику известного психиатра и исследователя П. Б. Ганнушкина. Имел контакты со всемирно известными психиатрами: О. В. Кербиковым, В. М. Морозовым, А. О. Эдельштейном, А. Н. Молоховым. С 1935 по 1937 год совмещал учёбу в аспирантуре с серьёзными научными исследованиями. В частности, занимался синдромом Корсаковского психоза. В июне 1941 года по инициативе органов НКВД был отправлен на Алтай. Причиной этому послужило его немецкое происхождение. Там в октябре 1941 года он принял должность врача-ординатора при психиатрическом отделении городской больницы Барнаула. Позже назначен заведующим психиатрическим отделением. До 1947 года был единственным в Алтайском крае квалифицированным врачом-психиатром.

Мне термин «сумерки» нравится. Украдем их у Эрдмана Ю. К. для Стравинского С. Р. Ничего страшного. Мне кажется, Эрдману Ю. К. это даже понравится.

Несомненно, сумерки Стравинского С. Р. разительно отличаются от сумерек Эрдмана Ю. К. Ничего удивительного, столько лет прошло. А сколько лет прошло? Сорок? может, пятьдесят? Дело даже не в этом. Просто Стравинский С. Р. – не Эрдман Ю. К. Далеко не Эрдман Ю. К. Справедливости ради и Эрдман Ю. К. – не Стравинский С. Р. И во внешности их вы не найдете ничего общего, как в случае со Стравинскими И. Ф. и И.И.

Кроме того на сумерках у Стравинского С. Р. бывает, звучат так называемые *смутные стихи* или *стихи смутных поэтов*, точнее одного смутного поэта – самого Стравинского С. Р. Эрдман же и ученики стихов не декламировал. Предпочитал интеллектуальные жмурки, которые, насколько я могу догадываться, исключали любое чтение, тем более, вслух.

Спросите, что такое *смутные стихи*? Как бы объяснить? Ну, вот вам пример...

каленьй истопник пожар возжатый словом Петр

горят деньки там полночь или за полночь не суть
летят со свистом стоном изразцы узоры ветер
деньки в дому пощелкивают звездочки уснуть бы
уснуть бы тетива парить зеркальный брод
незримо фосфор тень слюда дыхание болот
сусальное рассказывали в детстве
слова наоборот играли в детстве
трещат мгновенья жизнь прорехи действия
чадит не надолго уснуть
чадит глагол и нищета уснуть
уснуть уснуть уснуть уснуть
жизнь коротка Петр строг но кроток
впасть будущее зренье в печке свил гнездо
спешат как на контрольных снимках черный белый
не обязательно но спешно мечет тени до
причины навсегда пернато и умело
седой и смуглый Петр от пота смуглый
сам йод и лед но пригоршня самума

сна нет четверг среда назад ему не кочергу бы нет
порог брести разбойничать слагать пожары
как раз эпоха по душе иль посох или нет
крошить стакан на нож чепрачный комиссар
такой вот истопник не факт что истопник но Петр
не факт что Петр но истопник и Петр
прохладный дребезги затылок уголь

июля юдоль

а вот не лето вот зима случайность дача
вне Рождества крестообразного случайность дача
вне торжества торжеств вне Рождества что важно
вне светлый путь вне Николай что важно
вне дедушка Мороз вне дрожь чудес что важно
вне календарь ну наконец-то слава Богу
вне календарь часы хотя слегка тревожно
вне элеваторы судьба зима быки пологие
вне заусенцы-стрелочки вне озаренье слава Богу
четверг хотя бы пятница четверг тревожно
неважно пусть среда протяжно и далёко
четверг дощатый дом чернеет свет далёко
гудит и греется и тцание и дым далёко
четверг гудит заболеваю дым простор
заболеваю дым простор и Петр
чернеет свет далёко Петр оцепененье
прощайте скорлупа часы и знаки
не знаю сам откуда Петр явился
явился и явился хоть сосед хоть уголовник
во взгляде старость пустота и ельник
какой там флейта пустота и ельник
кольцо явился сам немного водки
наколка голуби целуются и церковь
заболеваю топит печь в кармане водка
нет волка в ельнике нет волка в ельнике нет волка

*однажды Петр является явился
сосед нечесаный кольцо хорошая улыбка
хорошая как будто голуби слетелись
им церковь пряник и защита и улыбка
Петр топит печь не проронит ни слова
чернеет и молчит оцепененье
потрескивает разом всех увидеть
увидеть разом всех отца и маму
отца и маму и себя увидеть
кто за столом кто совами на стульях
я предположим на полу
не Рождество неважно ни при чем
а важно что живые умершие тоже
что все живые умершие тоже
живые сами по себе или по воле бликов
по воле Петр как Петр закончит выпьем
сосредоточимся и выпьем напоследок
прощай болезнь и выпьем напоследок*

Если это, конечно, стихи. Плохие стихи, или, наоборот, чрезвычайно хорошие стихи. А как понять? Что есть ориентир и камертон? Кто может оценить? Никто. Ибо всяк пристрастен. А пристрастен оттого, что сам пишет стихи.

Берусь утверждать, что любой, рожденный в России – поэт. Любой и каждый. Даже если он того не знает, и сти-

хов своих не то что не декламирует, даже не слышит. Таких немало. С виду – немтырь, но стоит заговорить – чистая лирика льется. Даже если мат на мате.

Мат – вольная кавалерия словесности, рябь, чешуя, волянка и барабанная дробь, плеск голубей и выстрел в затылок.

Ну, и вот.

А где вы видели, чтобы поэт умел похвалить поэта в сердце своем? Поэт – поэта, музыкант – музыканта?

Психиатры – те могут, но так они сумасшедшие. Все без исключения. В нашем представлении. Равно как мы все – сумасшедшие в представлении психиатров.

Практически все.

Это – любя, с любовью, не подумайте. Кого же любить, если не сумасшедших?

Еще свиней, собак и лошадей.

Словом, этакий незамысловатый лабиринт получается. Колесо доверия. С белкой и свистком. Шучу. Лабиринт незамысловатый, а попробуй-ка найти выход. Непростое дело, совсем непростое.

Выход из того лабиринта видят, пожалуй, агностики. Вроде бы догадываются, да что там, знают, но... обмолвиться не имеют права. Иначе, какие же это агностики? Потому хра-

НЯТ МОЛЧАНИЕ.

Молчание – золото.

Один из базовых постулатов агностицизма.

Все мы в той или иной степени агностики. Храним.

С некоторых пор нахожу, что мой агностицизм крепчает. Число позабытых знакомцев растет. Имена забываю, напутствия, некоторые значимые события.

Всё чаще приступы стихосложения.

Не поймите превратно, сочувствие, сострадание нам, агностикам знакомо. Равно, как и психиатрам, и поэтам, и музыкантам. В той же мере, если не больше.

Но – ни гу-гу. Палец к губам. Так что для кого-то молчание – золото, а для кого-то крест. Хотя, знаете, молчание – тоже поэзия.

Да еще какая!

Так что плохих стихов не бывает.

Справедливости ради, хороших тоже не бывает. Не может быть по определению. По чьему определению? Тех же самых агностиков. Вот вам в двух словах, как говорится, суть набившей оскомину фразы Евтушенко, *поэт в России...* Ну, дальше вы знаете. Не хочу повторять. Оскомины.

Спр'осите, что такое интеллектуальные жмурки? На-

сколько мне известно – это коллективное молчание на заданную доктором Эрдманом Ю. К. тему с погружением на самое дно подсознания. При участии белого сухого вина или красного сухого вина, в зависимости от времени года и заданной темы. А вино пятьдесят лет назад было отменное, что бы там не говорили.

И сейчас можно встретить неплохое вино. И неважно где и при каких обстоятельствах. А вот Эрдмана Ю. К. уже так запросто не встретишь.

Что происходит на четвергах Стравинского кроме чтения стихов? Скажу прямо, не знаю. Никто не знает. Да и в том, что там читают стихи, сомневаюсь.

Существуют ли так называемые смутные стихи на самом деле – большой вопрос. Вот я привел выше поэтический пример. Вам эти стихи не знакомы, мне – тоже. Скорее всего, таких стихов нет и быть не может. Ну, что это за стихи, в самом деле? Вообще, что это? Нет таких стихов, и точка. Вместе с тем, то, что это стихи – сомнению не подлежит.

Вывод.

Не всегда нужно доверять своему слуху и зрению.

Вот вам еще один постулат агностицизма.

Имейте в виду, агностицизм крайне заразителен. Достаточно и пяти минут пребывания в компании агностика, что-

бы самому сделаться законченным агностиком. Даже не почувствуете. И не узнаете. Никогда. И никто не узнает. Однако, как говорится, распишитесь и получите. Так что противопоставление жмуток Юрия Карловича и Сергея Романовича явная поспешность.

Зачем же, в таком случае, городился весь этот огород, справедливо спросите вы?

Очень просто – вспомнился Юрий Карлович, вот я его и упомянул.

Мне вспомнился или Ивану Ильичу, одному из учеников, посещавших знаменитые сумерки, не важно. Кто-то из нас вспомнил, следовательно, упоминанию быть.

Выдающийся был человек, Эрдман Юрий Карлович. Близкие звали его «барон». Он из баронов был, Юрий Карлович. Почитайте его дневники-этюды, и сами убедитесь.

А Сергей Романович с его четвергами здесь ни при чём. Скорее всего.

А, может, *visa versa*³, как говаривал Игорь Федорович, композитор, отличающийся изумительным сходством с только что упомянутым Иваном Ильичем, психиатром. Даром, что последний – альбинос.

³ *Visa Versa* (англ.) наоборот, обратно, обратным образом.

Кто же этот агностик Стравинский, и кто такие его гости? Бывают ли вообще такие агностики и такие гости?

Придумать можно что угодно и кого угодно. И уж если нечто или некто придуман, он непременно уже существует. Персонажи – такая же реальность, что и наши соседи с их запоями и дрелями. А также с их прохудившимися чайниками.

А мог бы я, к примеру, вместо *чайниками* сказать *чайками*? А почему нет?

Персонажи – такая же реальность, что и наши соседи с их запоями и дрелями, а также с их чайками.

Пожалуйста.

Сказал. И тут же – нате вам. Будьте любезны, ступайте и выгляните в окно.

Можно и не ходить, и не выглядывать – знакомое по морским путешествиям курлыканье прежде даст о себе знать.

Чайки, прошу любить и жаловать!

С другими пернатыми не спутаешь. Явились тут как тут. Как говорится, не было бабе горя – купила поросю.

Обожаю поросят. Уже объявлял. Не важно. Даже хорошо. Ритм.

Ритм – главное, не уставал повторять Игорь Федорович. Он о ритме говорил, я – о поросятах. Принцип – один

и тот же.

Обожаю поросят. Может быть, даже больше, чем чаек.

А начиналось всё с чая, помните?

Цейлонский со слонами, помните?

У слонов и поросят много общего. Чайки – все же другое. И слоны – другое. Хотя если долго рассматривать слона, а потом резко перевести взгляд на чайник... Только это нужно делать резко.

Видите, что получилось?

Всё и все в этом мире связаны намертво невидимой бечевкой. Как письма из прошлого. Или будущего. Ибо всё возвращается на круги своя.

Однако что теперь с этими чайками делать? Серьезная проблема. Моря поблизости нет. Кормить их колбасой что ли? Покупать замороженный минтай? Придется каким-то образом выкручиваться.

Вообще фантазии опасны, доложу я вам. Да, но что мы без фантазий? И кто мы без фантазий? И вообще – кто мы? На каком основании рассуждаем о персонажах в интонации превосходства?

Если откровенно, некоторые, не скажу все, но некоторые из них точно лучше нас. Потому и живут дольше.

Значительно дольше.

Некоторые вообще не умирают.

Ох уж эта задачка бессмертия! Неразрешимая задачка. Философы веками бьются, что твои мухи о стекло.

Тщетно.

А мы – вот что, мы эту задачку прямо сейчас и решим. Поменяемся местами с персонажами – и вся недолга.

Чего проще, казалось бы? Но только этого нельзя. Ибо несправедливо, коль скоро уже прозвучало – *некоторые из них лучше нас*. Мы же захотим меняться местами исключительно с хорошими, во всяком случае, благополучными персонажами? Факт. А что делать подлым, сирым и убогим? И здесь, и на том бережке? И потом, совсем не обязательно персонажи захотят меняться с нами местами. Наверняка не захотят, уж я-то их знаю.

Что же делать? Силком тащить прикажете?

Ответ сам напрашивается. Упразднить категории времени и пространства.

Попробовать, конечно, можно. Другое дело, нужно ли?

Решать вам.

3. Свинки. Осы

Свинки – не осы.

Хотя, если увеличить ос или уменьшить свинок, сходство найти можно. И те и другие – крепыши, и те, и другие стремятся к местам обитания человека, что часто является причиной их гибели.

Казалось бы, парадокс. Казалось бы, ген опасности уже давно должен был созреть в них, и путешествовать от особи к особи, из поколения в поколение как родимое пятно или косоглазие. Однако, надо же, свинки упорно обнимают солнечные лужи в наших дворах, а осы, вибрируя, карабкаются по окнам, исследуя приметы быта.

Мы-то уверены, что это всё – по глупости. Да что там? Мы даже не задумываемся над побудительными мотивами крылатых и хвостатых своих родичей. А, между тем, в странном поведении зверушек сокрыта глубокая идея...

Смерть привлекательна.

Может быть, сам смысл их существования – напоминание и предостережение нам?

Люди – не осы и не свинки.

Хотя, в контексте нормальной анатомии в случае хрюшек, а в патологической психологии в случае ос, сходство столь

разительно, что раньше или позже проблема родства заявит о себе, как говорится, во весь голос. И, в свете всеобщего торжества низких истин, не факт, что человек окажется первым в очереди на Беседу. Даже если у него, скажем, дырка в голове.

Ножи, мокрые тряпки, ножки, ножи, ножки, мухобойки, нарукавники, подзатыльники, пяточки, лопатки, липкая лента, крючья, мешки, топоры, затылки, колья, языки, тазы и блюда... Согласитесь, слишком много улик для наивной сельской свадьбы?.. да и городской свадьбы, когда это – провинция.

Я уже не говорю о бутылках и скользких пятнах. Брр!

Забудьте.

И не обязательно иметь дырку в голове. Достаточно вспомнить свои, эх! шесть лет, и, вместо того, чтобы горестно следовать тысячным атласом своим начеку согбенно, завернуть в первую попавшуюся боковскую подворотню, распрямиться, крыла расправить, руки в бок, да и шагнуть в дворик-конфорку.

Как за пазуху. Как в лопухи.

Тут тебе и радуга, и смак, и коленца, и поцелуй. Синева и поросятки!

И мама жива. Нарезает салат из мясистых томатов. Говорю с такой горечью, будто ее совсем не стало. Скучаю.

А если повезет – просто синева. Без свадьбы, без пентюхов и плясунов этих.

Принести с собой немного бисера, дорого не обойдется, и любоваться и хохотать со свинками без умыслов и понуканий сколько душе угодно.

Здесь же осы. Ос не бойтесь – они благодать чувят. Отрада.

В самом, что ни на есть, городе. Меж стен и колючек. Пастораль. Грядущая идиллия. По углам травка проклевывается. Скоро, скоро будет лужайка с васильками и зрячим дубом. Он единственный знает, как утешить, когда и как правильно шепнуть – *все проходит*. С поклоном. Как было принято в былые годы.

А, может быть, поклон и ни к чему.

Забыто многое. А многого отродясь не знали.

Экклезиаста редко кто читает. Экклизиаста, Давида царя. И прежде так было.

Еще в баню ходить перестали. Так – единицы ходят. Выпить, побалагурить.

Девственным остается только дым. Дым и девственницы. А раньше как было? Уже и не вспомнить.

Впрочем, горечь не уместна. Всегда.

Повилика выбоины прикроет. Как в Абхазии благоуханной.

Или в Воронеже.

Дворик – всегда дом. Настоящий, неприбранный домашний дом.

Боковские дворики хранят тяжелую послевоенную поступь и запахи йода. Все эти веревки с мерзлым бельем, треснувшее желтое окно, зареванные клочки объявлений, упаковки из-под яиц, голодные баки, линзы, чешуя и пятна. Или, возвращаясь к свадьбе – соленый стол с потрескавшимися лавками, каменеющими газетами вместо скатерти, горбушками, пузырями, стаканчиками, картами, домино, затылками, дырявыми локтями и затылками в золотистых клубах папиросного дыма.

На картах не обязательно девки голые, случаются и обыкновенные карты. И маленькие карты видел, которые удобно в ладошке прятать. Не обязательно соблазн и опасность. Старенькие старички, например, просто так играют, по-домашнему. И зимой, и на Рождество.

Конечно, там, на улице – парадно, ветрено, чуть надменно. Буквы глянцевые, барышни парят, автомобили глянцевые.

вые, туфли глянцевые, лунные, музы́ка лунная, большое всё, не охватить. Голову запрокинешь – не вернешься. От предчувствия успеха и запретной любви дух захватывает.

Опять же, глаза на улице другие. Как янтарь. Камушки. Богатство.

Ужасно судьбоносно, изумительно красиво, но зябко. Антрацит.

Довольно скоро озноб наступает. Мы же пугливы. А в дворике жарко. И летом, и зимой. Лет двадцать назад пели, теперь не поют. Забыли слова.

Хоть и пахнет разбоем в сумерках, но разбойники-то свои – Гуня и Тепа. Толкуют в сумерках о тюрьме и сокровищах. Флибустьеры, гопники. Сидят на высокой лавке, ногами болтают, толкуют. Шепотом, как полагается в таких случаях, так что слов не разобрать. Замышляют. Или мечтают. Слов не разобрать. Пацаны совсем. Могут и так, и этак. И замышлять, и мечтать. Или лаются без зла.

То и дело лаются. Позже пройдет. Пока лаются.

Словом, сидят на лавке, ноги в сумерках, круги пускают, шепотом разговаривают, лаются, мечтают.

И летом сидят, и на Рождество.

Всегда.

У Тепы бита припасена, у Гуни – бита и обрез. Такая лапта.

У Тепы еще мотоцикл, только починить.

А под лавкой под пестрый шепот свинка засыпает. Сперва может показаться – тень, но это свинка. Черная.

Черные свинки – самые умные. Свинки вообще очень умные животные, а черные – особенно. Никогда не замышляют. Мечтать – могут. Умеют. Интересовался – знаю. Замышлять – ни в коем случае.

Опять же предчувствуют.

Белесые как-то реже, а черные – обязательно.

Засыпает свинка. Вздыхает тяжело. Она-то к разбойникам близко, все слышит, видит все, даром, что глазки прикрыты. Наперед видит, вот и вздыхает, засыпая. Жалее пострелят. А с прикрытыми глазами лучше видится.

А в четвертой квартире – старичок. Парикмахер бывший. Белый весь, будто из наволочки скроен.

А на третьем этаже между рам оса – уголек. Утомилась от дневных трудов. Тоже спать укладывается. Зевает. И летом, и зимой между рам трудится. И в Рождество. Морозы ей нипочем. Когда мороз – пораньше укладывается. Трудяга. Уголек. Устала. Зевает.

Гуня зевает, Тепа зевает, свинка зевает, оса зевает, все сладко зевают, все скоро уснут.

Конец главке.

Но вы не печальтесь. Осы, свиньи, другие птицы и звери, гуси еще не раз будут появляться на страницах повествования, поскольку роман мой возможно и не роман вовсе, а уголок пейзажа. Пусть и городского.

А чем город плох? И в городе люди живут.

Вот, кстати. Раз уж Абхазию вспомнили...

Уж если воля и покой, уж если воля и покой...

Пусть будет, в самом деле. В самом том пределе

Где капля – жизнь. А жизнь уже как капля. И покой,

Живая капля в палевом тепле. В тепле ли,

В ма'сличном тепле ль. Живая капелька, колючка. Воля

На скучном дне нескучный огонек. Иль голова из пара.

Иль вот мечта о синеве. Мечта, казалось бы, но воля

Однако ж. Воля и покой. Провал конфорки, зев футляра,

В углу паучий сон – трехпалых стульев сон. Покой

К гостям готовились. Рты, голоса, всё умерло. А жизнь

осталась.

В подтеках пол остался, сон в углу. И стыд, а, все равно

покой.

Стыд раковин и ванн, стыд рака красного в тазу из детства. Старость.

Часы стоят. У рака звездочка во лбу была. А старость – это воля.

Поскольку все ушли. А пар – молчун. И паучок молчит, не шелохнется.

Вот эта звездочка – не капелька ли та, что огонек, и жизнь и воля?

Пусть будет. Пусть много будет, россыпь – на цветках и на оконце,

На скорлупе, на львином бюсте Пушкина... и на оконце.

Покой, и жизнь, и капелька, и воля...

Трехпалый паучок – молчун. Цветы молчат, сам подоконник. Все – покой.

Как видите, тепло молчит, молчит герань, и вата, и постель пустая. Все – покой.

Подарков хочется, конечно. Пусть леденцов, пусть петушка. Всегда в потемках. С детства

Хочется. Хотя б искрящей корочки, пусть даже скорлупы в потемках с детства

Хочется. Подарков хочется. Всегда. Всегда в потемках. С детства

Хочется. А рака было жалко, ибо он живой, и умирал в неволе.

Асбест. Абхазия. Аз – скорлупа. Аз – воля

Алтарь. Меловый круг. Аз – немота. Аз – воля.

Война была. Вот что, была война. Или убийство. Что-то в этом роде. Воля

какая-то. Или дуэль... не помню, кончилась, иль нет. Уже покой, уже не слышно.

Остыл простор, остыли пушки.

Белым бело, часы стоят, асбест и скорлупа, покой и воля.

С дуэли Пушкин возвращается с бубнящей головой подмышкой.

Пусть говорит. Пусть лучше Пушкин

Это уже другого поэта стихи. Но не Пушкина. Возможно, автора у этих стихов вообще нет.

Странное заявление? На самом деле всё просто. Там, на третьем этаже, где оса уснула – бюстик Пушкина с отбитым носом. Бюстик Пушкина и чайник со свистком. Не тот, что у Визбора – другой. Неприглядный. В подтеках и ссадинах. Впрочем, кому – как. Лично мне нравится. Настоящий чайник. Из жизни. Дырявый, наверное. Не видел, чтобы его когда-нибудь с подоконника снимали.

Чайник и бюстик Пушкина без уха. На третьем этаже
в окруженье ос. А под лавкой свинка.

А смутных стихов не бойтесь – они благодать несут.

Вот, кстати. Раз уж Воронеж вспомнили...

*наутро вонзаясь пшеничной стрелой
поезд дневной всегда новобранец
сон и тоннель и вода преисподней
подушка чернеет рай позади
заспан в сравнении с раем грядущим
вода в подстаканнике угли и чай
деготь и соль и зрачки верхней полки
будет домчимся однажды куда*

*Воронеж Воронеж Воронеж Воронеж
Воронеж предвестники степь да игла
будут и сливы наверное вишни
русский пейзаж и этрусский и овен
подушка чернеет и мчитя овалы
поезд белесый до судорог солнце
повинное мечется утро в стакане
живое в сравнении с мертвенным днем
сделать глоток продолжается жизнь
там за окном слава Богу безлюдно
рогож пастораль посланница счастья*

*судорог солнца ночного пейзаж
в темень в макушку в висок пробужденье
тише малыши пассажир обнищал
Воронеж Воронеж Воронеж Воронеж
дневные там трудятся стог и ежи
на солнце сверкает пшеничные иглы
Воронеж в остатке спелый хмельной
Воронеж и лодка и глянец и зев
на солнце икра перламутровых рыб
немое посланники сила и солнце
церковка нет не утонет на солнце
пусть даже Потоп не утонет не тонет
пусть даже Потоп не утонет на солнце
начало и кончено зыбкий пейзаж
и кончено утро пустой и безбровый
тише малыши почернела подушка
а все же домчимся однажды куда
свет простыни сизокрылою печкой*

Перекормил-таки стихами. Не смог удержаться.

4. Четвержане. Аврора

В тот четверг к Стравинскому С. Р. пришли далеко не все.
И с этого и с того берега.
Далеко не все.

Сам Сергей Романович с утра перебрал по случаю именин экзистенциалиста дворника Тамерлана и сладко спал, укрывшись вафельным полотенцем, на кухонном полу, криков с улицы, здравниц, автомобильных гудков, выстрелов, песен, клекота и грая, разумеется, не слышал. Спал. А, может быть, не спал, просто не хотел никого видеть. Притворился спящим. Устал от гостей, и вообще от людей.

А, может быть, действительно спал. Что ему гости? Он все равно никого и ничего не видит. Не видит, не слышит. Ничего кроме стихов.

Да и стихов своих не узнает. Всякий раз про себя удивляется, как такое написать можно было?

Это что же у человека в голове должно вертеться, чтобы такое написать? И кто этот человек? Разве я? Не может такого быть. Мне бы теперь водицы холодной. Хорошо, хоть тишина. Не видно и не слышно никого. А ну как набегут? Нет, только не сегодня. А и набегут? Невелика беда. Все равно никого не вижу и не слышу никого.

Ну? Счастье же!

Нет, конечно, видит и слышит, даже порой на вопросы отвечает, беседует, спорит, но никого и ничего не узнает. Агностик. И голоса своего не узнает. Как будто, это кто-то другой

говорит. Даже любопытно, кто бы это мог быть?

А, может быть, действительно спал. Перебрал. Бывает. Не важно, главное, что собрались. Далеко не все, но собрались. Пришли, прибежали, прискакали, прилетели, прикатились, собрались. Молодцы. Ибо жизнь продолжается. Всегда была и будет.

И если небо окончательно опустится на землю, продолжаться будет.

Во всяком случае, в России. Мы ко всему привычные. На том стоим.

Кто же пришел к Стравинскому С. Р. в тот четверг?

А, давайте, посмотрим.

Прибыл Клишкин с взъерошенным ранцем. По той причине, что Клишкин со своим ранцем не расстается, все кличут его Горбунком Клишкиным, или просто Горбунком. Он не обижается, ибо чудаковат и душой светел.

Будто бы тоскуя по детству, все глубже погружаясь в мятные грезы, взрослые, а часто и пожилые люди теперь носят ранцы. Ранцы, цветастые распашонки, шорты. Тоскуют. Во всяком случае, мне не раз приходилось слышать такую версию. Дескать, в былые времена стремились скорее повзрослеть, стало быть, совсем маленьким мальчишкам шили

серьезные костюмчики, подбирали галстуки, девочкам покупали часики и губную помаду. Взгляните на детские фотографии начала прошлого века и убедитесь... или, например, мундиры капитанов дальнего плавания, егерей, пожарных, ну и так далее... Словом, множество наблюдений и доказательств.

Теперь все наоборот.

У меня же в связи с синдромом Горбунка, так про себя именую я рюкзачный феномен, мысли совсем другого порядка. Вот думается, а не примета ли это грядущей новой империалистической войны? А что, поменяй горошек на хаки, песочницы на окопы, и вот вам марш, и гарью потянуло, и новый Фон-Эссен в клубах папиросного дыма строчит телеграмму.

Можно по-разному относиться к адмиралу, история изобилует не только фактами, но и фактоидами, искажается так называемыми близкими друзьями, участниками, свидетелями и ветеранами. Чего только не узнаешь о персонаже, пусть даже и осторожном, а подчас и вовсе засекреченном? Так иногда перевернут, встряхнут и снова перевернут! До полной неузнаваемости. А ведь речь идет не каком-нибудь письмоносеце или телеграфисте – об адмирале.

Смерть сама и все что связано со смертью всегда испытание и превращение. Сам покойный непредсказуем. Проводы покойного – игра и маета. Все вместе – чудо и ритуал.

Не успела, как говорится, улыбка остыть, глядишь, загудели, загулили, зачесали загривки – чем бы таким украсить голубчика, что приложить, что присовокупить перед дальней дорожкой?

И дурное тут как тут. А как же?

Дурное надлежит подать так, чтобы все, включая усопшего, раздумянулись. Чтобы близкие и дальние любопытствовали, да помнили долго. А как же? Без дурного и слава – не слава. Пороки прощают охотнее, чем добрые дела. Без порока и любви не бывает. Так что шепот да топот не обязательно месть, чаще – забота. Тигровая лилия.

Кем-то голубчик предстанет на Суде?

Так наряжают деток перед первым походом в школу, невест на свадьбу, приговоренных к казни. Так строятся орагии и панорамы, Трои да Полтавы.

Справедливости ради и сам человек меняется после смерти. Это же только видимость, что он умер. А на самом деле... Стремительно меняется. При жизни – редкость, а вот после

смерти – такие фокусы.

Обратите внимание, тот, кого вы хорошо знали, тот, чей пульс изо всех сил пытались удержать в роковой час, и тот, кого вы обнаружили в гробу буквально на следующий день – разные люди. Так, отдаленное сходство, если присмотреться. Не больше.

Есть в любом ритуале что-то неприятное, пугающее. Непостижимость.

Мне Фон-Эссен симпатичен. На том стоял и стоять буду. В своем пристрастии я не одинок. Вот и корабль построили, даже внешне напоминающий самого адмирала, когда тот стоит вполоборота с кортиком или сидит, склонившись в задумчивости, со шпагой на коленях. Был человеком, стал кораблем. Так часто бывает.

Эволюция.

Однажды Стравинский С. Р. произнес следующую фразу...

Насколько мне известно, в предыдущей империалистической войне принимал участие крейсер «Аврора». Так что пролетарская богиня помечена не только революцией. Это, согласитесь, совсем другой коленкор. А если еще присовокупить русско-японскую кампанию? Возникает закономерный вопрос, где при таких душераздирающих развилках распола-

гается указующий перст? Не участвует ли, прошу прощения, в комбинации из трех пальцев?

Горькая ирония, тем не менее, точно, на мой взгляд, отражающая непостижимость высшего замысла.

Разительное, согласитесь, примечание.

Явился навсегда голубоглазый Крыжевич со своей престарелой дочкой. В тайной надежде на чудо, коим является ее замужество, Крыжевич часто водит дочку в люди. Однако партия никак не складывается. Возможно, это связано с тем, что внешне она изумительно похожа на Евгению Гранде, женщину беспросветной судьбы.

Всерьез погруженный в себя Стравинский С. Р. одинок, но в контексте строительства гнезда для дочки Крыжевича очевидно бесперспективен.

Четвержане со сквозными судьбами вообще не рассматриваются, так как ими, людьми, мягко говоря, необычными, в большинстве своем выдающимися, брак воспринимается событием незначительным, чем-то наподобие расстройств желудка или сбежавшего молока. Нет, разумеется, они способны к соитию. Но к соитию исключительно духовному. Во всяком случае, складывается такое впечатление.

На жизненном пути встречаются люди, для которых любая физиология кажется неприемлемой. Чаще такие люди встречаются в детстве. Для нашего поколения таким чело-

веком был Владимир Ильич Ленин. Позже, после землетрясения и в результате землетрясения стали всплывать отдельные факты из его биографии, но всем сердцем принять их мы уже не смогли.

Возникает вопрос, зачем в таком случае Юленька здесь? Девицу звать Юленькой. Хотя внешне, как я уже говорил, она вылитая Евгения.

А никакой загадки в том нет. Благородный отец, коим без сомнения является Крыжевич, хочет, чтобы дочка, с ранних лет подававшая надежды, хотя бы иногда отвлекалась от брачных грез.

А скорее так – благородный отец, коим без сомнения является Крыжевич, хочет хотя бы иногда отвлекаться от брачных грез, связанных с будущим дочери, с ранних лет подающей надежды. С той же целью наперекор требованиям времени он купил ей шахматы с античными героями, и тяжелый фотоаппарат. Увы, ни вдохновения, ни желанной партии.

Впрочем, чем черт не шутит? Может быть, я с тотальной девственностью погорячился. Кого только не встретишь на стравинских четвергах!

Словом, поживем, увидим.

Кого только не встретишь на стравинских четвергах!

Сергей Романович решительно настаивает на разнообразии. По этому поводу говорит, точнее, молчит так...

Разве имеет значение, кто да что, когда нет, и не может быть ответа на главный вопрос – зачем.

Универсальное, согласитесь, примечание.

Что там не говори, а состояться в полной мере в России сложно. Так было во все времена, по причине вопиющего изобилия талантливых людей. Сами посудите, что бы это было, когда бы всяк состоялся? Да еще и замуж выскочил. Это после всех-то войн и революций и при таком-то падеже? В данном случае речь о падеже мужчин.

А вот если переоборудовать «Аврору» и вернуть в действующий флот? Думается, одним видом своим крейсер мог бы обратить неприятеля в бегство.

Стравинскому С. Р. нравится эта идея с «Авророй», он то и дело озвучивает ее.

Признаюсь, это наша с ним общая идея-фикс. Не удивляйтесь, если вы уже встречались с ней. «Аврора» и бродячие собаки – неизменные мои персонажи, кочуют от сочинения к сочинению. И в этом я не одинок. Реставратором и популяризатором крейсера является, скажем, известный кинорежиссер Сергей Соловьев. А также другие, чьих имен я не знаю, и уж теперь не узнаю никогда. Ибо с некоторых пор потерял к ним какой-либо интерес.

Вино, знаете ли, не всегда коньяком становится. Это я – о современном состоянии дел в искусстве. Воздухоплавание и сельское хозяйство – другое дело. Свинки сегодня – любо дорого посмотреть.

«Аврору» наконец отремонтировали. Почистили после запоя девяностых.

Прилетел бывший однокурсник Стравинского И. И., патологоанатом Насонов Дмитрий Борисович в белых брюках и белых же лакированных штиблетах. Как же в духовном обществе без патологоанатома?

Пишу «прилетел» и уже смеюсь. Великий затейник и его за этот Насонов. Душа фокусника. Всем готов пожертвовать, только бы огорошить и взбудоражить неважно кого, пусть хоть случайного прохожего. Благодаря богатому арсеналу фокусов, например пусканию пламени изо рта и ушей, жонглированию глазами яблоками, некоторым упражнениям из области интимной магии женат Насонов был семь раз. Все как одна жены Насонова были длинноногими насекомыми – стрекозами, да водомерками.

Только что разглагольствовал о бесплотности четвержан, и тотчас исключение. Что же, так бывает. У правила порой случается столько исключений, что уже и правила самого

не разглядеть.

Чем больше исключений – тем состоятельнее правило. Так что если в какой-то момент наше духовное путешествие приобретет черты непристойности, примите это с радостью, ибо это означает, что движемся мы в правильном направлении.

Для духовного путешествия единственным правильным направлением является полное его отсутствие.

При отсутствии категорий пространства и времени легко оказаться как на вершине Фудзиямы, так и в древней Гоморре.

Хороший фокус, вот в чем больше всего на свете нуждаются женщины – любит повторять кудесник из анатомического театра.

На праздничном столе одной из своих свадеб в качестве сюрприза Дмитрий Борисович заготовил в глубокой чашке стопу в формалине. Свадьба запомнилась.

Лучшим другом Насонова является одноногий отставной полковник кавалерии Веснухин Семен Семенович. Выдающийся исполнитель казачьих песен. Ослепительный голос. В юности ему давали рекомендацию в Большой театр. И, уверяю вас, с таким-то тенором его непременно бы взяли, когда бы ни треклятое одноножие. А напрасно. Полковник так ловко владеет своей ногой, что дефект заметить практически

невозможно. И служба прошла, как говорится, на ура.

Да, собственно, о двух ногах его и не помнит никто. И на коня своего, боевого товарища Арктура вмиг возносился.

Да ее и не было никогда, второй ноги. Случается же, родится человек с одной ногой? Это – о Веснухине.

Вот стоят два друга Насонов и Веснухин. Точнее, три товарища, прямо как у Ремарка – Насонов, Веснухин и конь Арктур. Улыбаются. Или поют. По обыкновению жгут каминные спички. У Насонова всегда с собой пачка – другая на случай триумфа. Стоят, улыбаются или поют. На двоих три ноги. Точнее, на троих – семь. Незабываемое зрелище.

Арктур живет у Насонова. Ему, конечно, тесновато в двухкомнатной квартире полковника, но он безропотно терпит.

Стоит в коридоре. Коридор длинный.

Если хочется поваляться, пятится на кухню. Кухня просторная.

И вечное ворчание супруги Веснухина Полины Ивановны терпит. За долгие годы совместного проживания только два раза получала она копытом. И то, пожалуй, спросонья.

Все же мужчины и женщины отличаются друг от друга.

– Все же мужчины и женщины отличаются друг от друга. Не в пользу женщин, – размышляет страдающий бессонницей Арктур, коротая гулкие январские ночи, – и с чувством юмора у них плохо и вообще супружеская жизнь штука пресная: слишком много пыли и пустого сопения. Бабы бесстыжестью берут смолоду, а вот полководцев среди них встречать что-то не приходилось. Может быть, и есть, конечно, одна – две, не больше. Да, в шахматы играют, согласен, но как?

Вот и Ломоносов мужчина. И Хаслет, изобретатель легочного протектора.

Только один раз довелось примерить Арктуру специальный противогаз для лошадей. Это событие навсегда врезалось в его память.

Стоит, посапывает, бубнит про себя. Кони часто сами с собой разговаривают.

В 1905 году, в разгар русско-японской войны, вместе с членами экипажа крейсера «Аврора», направляющегося к берегам Страны Восходящего солнца, находилась парочка крокодилов, взятых на борт во время одной из стоянок в африканском порту. Столь необычный «груз» объясняется просто: морякам разрешали брать с собой в плавание домашних питомцев. Конечно, домашними зверушками кро-

кодиллов можно назвать с трудом, но о вкусах, как говорится, не спорят. Крокодилам дали клички Сам и Того, устраивали для них плановые купания и даже пробовали приручить. Однако, как оказалось, дрессировка крокодилов – дело хлопотное, неблагодарное: уловив удачный момент, один из крокодилов бросился в океан и навсегда сгинул в его синих водах. Дневник командира в тот вечер пополнился заметкой: «Не захотел идти на войну один из молодых крокодилов, которого офицеры выпустили сегодня на ют для забавы, он предпочел выскочить за борт и погибнуть». Второй пресмыкающийся был убит во время Цусимской битвы⁴.

Пришел скверно выбритый Павел Сагадаев, толстеющий от разочарований актер вторых ролей. Перезревший плод и в переносном и в прямом смысле. Во время застолья, в особенности, когда он принимается читать монологи Макбета, трещины буквально на глазах образуются на его лице, что, несомненно, усиливает замышленный Шекспиром или группой жуликов, выдававших себя за Шекспира драматический эффект. Просто на глазах рушится человек, во всяком случае, его лицо. Когда бы это было перевоплощением, цены Сагадаеву не было бы. А так – черт знает, что такое творится с его физиономией.

Замечено, вне застолий ничего такого не происходит, хотя вне застолий Макбета он не читает. Вне застолий из него

⁴ Материалы интернета.

вообще слова не вытянешь.

Одним словом, вопросов много. И не только к данному конкретному актеру, но к театральному сообществу вообще.

Начать можно было бы так... здесь, думается, уместна хлесткая метафора...

Уж много лет ваш сад терзаем жалами да сорняками, в то время как плоды на ветвях да лапах перезревают и лопаются, издавая чудовищные звуки, отдаленно напоминающие вещей монолог!

Намек на Макбета. Догадались?

Доколе?!

Неприменно припечатать в конце.

Доколе?!

Между тем, Павел одинок.

Я это к чему? Как часто в жизни усаживаемся мы мимо стульев, не попадаем кончиком нитки в игольное ушко, принимаем слона за Моську и наоборот! Вот обрати Сагадаев внимание на Юленьку, свей гнездо, глядишь, и лицо восстановилось бы, и сам Павел.

А Юленька? Взгляни на Павла новыми глазами, свей гнездо, глядишь, и солнце блеснуло бы, и раскинулась бы в следах радуга-коромысло.

Так нет же. Каждый в своих грезах, каждый, намертво зажмурившись, журавля выглядывает. Оба суровеют и старят-

ся.

Загиб и недоразумение.

Явились сестрички Блюм Рита и Марина, книгочеи и говоруны.

Книжки предпочитают преимущественно о таинствах души. Оттуда интерес к стравинским четвергам. Книгочеи и говоруны. Ни одна книжка ими до конца не дочитана. Достаточно пары фраз, и тотчас – дискуссия. Каждая спешит поделиться своими фантазиями и реминисценциями. Беседы могут длиться до трех суток. На каком-то этапе к дискуссии присоединяется Бахус, затем какие-нибудь сторонние молодцы, как правило, далекие не только что от психологии, но от знаний вообще.

В связях сестрички не разборчивы, но в любовных утехх толк знают.

Не исключено, что Юленьке не везет с замужеством ввиду того, что сама тема замужества, смесь нафталина и чеснока, мутной аурой обволакивающая бедняжку и ее благородного отца, всех бедняжек и их благородных отцов в большей степени отталкивает, чем, нежели привлекает.

Нередко побуждает присутствующих ко сну. Вспоминается удав из бессмертного Киплинга.

Пахучий зов невесты как гипноз.

Так обозначил бы я проблему.

Не сомневаюсь, Стравинский охотно согласился бы со мной.

С тем и оставим Крыжевичей в покое.

Действительно, становится душно от этой брачной саги.

Спешат городские сумасшедшие, вышеупомянутые бродячие собаки, пожарные Фефелов и Сопатов, водитель троллейбуса Улитин вне троллейбуса, журналисты и маклеры, блатные и студенческая молодежь. Всяк спешит. По четвергам как будто весь город оживает. С кем только Стравинский не выпивал, кого только не обучал искусству отрицания и погружения!

Осчастливил своим визитом долговязый, всегда с зонтом, сам напоминающий зонт профессор Диттер, вечный оппонент С.Р., рассматривающий жизнь не в качестве кольца, как предлагает Сергей Романович, а в виде разомкнутой, в отдельных случаях порванной цепочки, следовательно, в виде череды колец. Притом цепочка, по утверждению Диттера, не имеет ни начала, ни конца. Собственно, как и кольцо Стравинского. На том бы и сойтись, но дурной характер и азартность каждой из сторон делает спор столь же бесконечным, как и сам предмет спора. Кроме того, Диттер, не стесняясь окружающих, то и дело пускает ветры. Потому на четвергах незваный гость.

Знамо дело, пришли бродяги Игорь и Петров.

Бродяг Сергей Романович привечает. Запрещает называть бомжами, говорит, что нет такого слова и быть не может. Говорит, что всякая аббревиатура – точка, смерть, а он желает бродягам долгой и светлой в перспективе жизни, ибо они, сами того не понимая, понимают то, чего никто не понимает.

В особенности Диттер, прощельга и зонт. У Игоря и Петрова тоже есть зонты, ими же исправленные и улучшенные, однако зимой они их не носят, на что Сергей Романович неоднократно указывал профессору. По поводу чего профессор впадал в бледную ярость, так как сравнение с бродягами казалось ему несправедливым и нестерпимым.

Детский писатель всегда мрачный Волокушин приволок... дурной каламбур, согласен... детский писатель всегда мрачный Волокушин принес новые рассказы. В одном из рассказов его новый герой маниакальный ветерок играл наперегонки с ручейком, в другом – тот же ветерок уже забавлялся с лейкой.

Волокушин создавал образ ветерка, вспоминая Насонова, и ему не терпелось по прочтении сообщить этот факт присутствующим, что по замыслу сказочника, должно было бы их развеселить. Однако в нем зиждется опасение, как бы

во время читки Диттер, по обыкновению, не *выдал нагора*, что, разумеется, разрушит его оригинальную задумку. И он прав, так как профессор, вредный человек, именно так планировал поступить. *Если этот зануда снова заведет свою шарманку с ветерком, непременно дам дрозда*, вертелось в голове ученого.

Прибыл всамделишный маньяк Григорий Г. О том, что Григорий Г. маньяк знают только три человека. Точнее четверо: три человека и один инопланетянин. Это сам Григорий Г., Стравинский С. Р., которому Григорий Г. доверился по ошибке, приняв за Стравинского И. И., психиатра, обретенный все же впоследствии Стравинский И. И., психиатр, и, пожалуй, самый известный представитель внеземных цивилизаций Алешенька.

Об Алешеньке много писали, сняли фильм. О нем и теперь много судачат. Если помните, Алешенька, точнее его предполагаемый трупик пропал загадочным образом. На самом деле гуманоид не умер, но уснул. Сон у гуманоидов продолжается в среднем две-три недели. Мнимый трупик, то бишь, спящего Алешеньку выкрал уфолог Розмыслов. Розмыслов многократно вступал в контакт с марсианами, страдал падучей, в связи с чем и состоялось его знакомство с Сергеем Романовичем, которого он, как это часто бывает, принял за Ивана Ильича. Завязалась дружба. Результат – по-

стижение основ агностики с последующей госпитализацией сталкера в психиатрическую больницу. На этот раз по адресу – к Стравинскому И. И.

Перед тем, как лечь в больницу, Розмыслов открылся полюбившемуся учителю, оставил ему на сохранение инопланетянина, сам же умер на третьи сутки при загадочных обстоятельствах. К сожалению, смерть при загадочных обстоятельствах – удел практически всех смельчаков, не побоявшихся заглянуть за Эйкумену.

Вас, конечно, интересует, что это была за смерть?
Странная была смерть. К тому добавить нечего.

Поскольку Алешенька остался жить у Стравинского С. Р., уроки, четверги, чаепития, пьянки и просто посиделки происходили на его глазах. Следовательно, гуманоид стал невольным свидетелем и хранителем многих тайн, в том числе тайны Григория Г.

Благодаря титанической воле и искусному врачеванию обретенного все же Стравинского И. И. Григорий Г. преступлений никогда не совершал, и даже не замышлял. Представления не имеет, что это такое. А узнав подробности, возможно, был бы потрясен больше нас с вами, так как представляет собой натуру бесконечно нежную и ранимую.

О том, что он маньяк, Григорий Г. вывел, усердно на-

блюдая за собой. Первоначально сомневался, но сопоставив некоторые детали своего быта и настроения с жизнеописаниями выдающихся маньяков, которые с некоторых пор сделались приметой времени, обнаружил – действительно, что-то такое прослеживается. Например, то, как он моет руки, приглаживает волосы, привычка теребить мочку уха. В целом нечто волнообразное, мутное, бурлящее, опасное. Порой, даже чересчур. Порой даже не по себе становится. Что именно – угадать трудно, но беспокоит и просится наружу.

Плюс неоформленные мысли и желания.

По совету доктора Стравинского Григорий стал вязать. Это занятие, по Фрейдю сублимация, пришлось ему по душе. Теперь сидит у себя в маньяцкой, вяжет свитера английской резинкой, «сумерки» посещает крайне редко – все же немного побаивается. И себя, и людей.

Все какое-то сквозное, аритмия повсюду.

Так характеризует он свой страх.

Прибыли также Леонид Жаботинский, полный тезка Леонида Жаботинского (закон парности никто не отменял), задумчивый осел Буриданов со своей ослицей – оба золотистые от малинового чая, бывшие вертухаи Затеев, Сотеев и Либерман, вор в законе дядя Гоша, ранее упоминавшийся слесарь дядя Гена, кофеинист Дятел, по прозвищу Дятел-кофейник, обещанная Жар-птица, Жанна Марловская с битым до кровоподтеков супругом, либералы Глиман и Чул-

ков со статьей о ленинско-сталинском призыве, апрельский кот Фофан, трескучая и бессмысленная Нянина, в рифму к ней няня Зоя с безвольным карапузом на руках, корректор Глинин с подозрительной трубой, незаконнорожденный внук Мао Цзэдуна Сережа с костяными шариками для релаксации, катала Гренкин о четырех зубах, Зарезовы в полном составе с живым еще петухом, розовощекие цыгане Петр и Ляля Заблудные, цирковые лилипуты Борис и Гракх, вот бы их с Алешенькой познакомить, шансонье Камаринский с гайкой на указательном пальце, путейщик Паклин с гайкой в голове, поклонник Насонова клоун Пепа, слон Гром без хобота с работником зоопарка поэтом Костыревым, уличные собаки Граф и Козлик, Найда, беременная одиннадцатью щенками, их кормилица волоокая бабушка Анастасия, бывший летчик Аркаша Геринг с птенцами, гей Матюша Керенский, разумеется, в женском наряде.

Паранойяльный следователь Павел Петрович С., точнее, бывший следователь Павел Петрович С. пришел в первый раз. Вряд ли, конечно, следователю подходит эпитет «бывший». Вот пришел. Никто не докладывал ему о четвергах, никто не приглашал. Исключительно интуиция призвала его быть на вечере, где собирается так много подозрительных личностей. В первую очередь сыщика интересовал сам хозяин.

– Почему Стравинский? – рассуждает Павел Петрович. – Имечко не просто так. Надо же, Стравинский! Что это? Псевдоним, намек, вызов? Явно преследуется цель, вполне определенная, очевидно преступная. Кому предназначена шарада? Мне, разумеется. А не много ли вы на себя берёте, господин Стравинский? Те ходочки, что побывали в психушке, отмечают изумительное сходство кумира и доктора. Можно было бы предположить, что хозяин – брат Ивана Ильича. Но, насколько я знаю, у Ивана Ильича нет братьев или иных родственников. Иван Ильич, как и я, по жизни одинокий человек, что имеет свои достоинства и прелести. Во всяком случае, целесообразно при наших профессиях. У него никого нет кроме сумасшедших. Он и сам немного не в себе. Много – немного, не мне судить. Во всяком случае, человек на своем месте... Теперь, эта летучая фраза доморощенного философа – *в добрый путь*. Какой смысл он вкладывает в нее? Что подразумевается? Куда влечет убогих сих? Какую участь им уготовал? Пьяный бред или коварный замысел?.. Взглянуть бы на этого самозваного поводыря. Кстати, отчего это он вдруг спрятался? Говорят, уже не в первый раз. Завлекает таким образом в свои тенета? Похоже на то. Просто так люди не прячутся. Я просто так никогда не прятался. И теперь не прячусь. Даже когда это необходимо. Нахожу другие способы. Могу исчезнуть, обратиться, умереть, наконец, но чтобы прятаться? увольте. Прятки – не способ защиты и не игра. Образ мысли. Преступный образ.

Явились куплетист Патыкин с тульской гармонью, дракон с острова Комодо Василий, большое деревянное колесо, птеродактили и пара свиней.

Пожалуй, всё.

Остальные опаздывали или болели.

Кому-то неотложные дела не позволили выбраться к Стравинскому.

Сам Сергей Романович с утра перебрал по случаю именин экзистенциалиста дворника Тамерлана и сладко спал, укрывшись вафельным полотенцем, на кухонном полу. Звонков, стуков в дверь и рыданий Юленьки, разумеется, не слышал.

Четвержане решили, быть четвергу, сожгли костер из брошенных после Рождества елок, коллективно исполнили песенку девчат из кинофильма «Девчата», пустили пару ракет из ракетницы Геринга, и только вняв справедливому замечанию следователя С. «не обнаружить бы себя», мало-помалу стали расходиться.

Сырая мешковина неба, дрогнув, прохудилась, роняя теплые хлопья тишайшего снега. Птеродактили потянулись домой в Анапу.

– Всё к лучшему, – сообщил по пробуждению Стравин-

ский С. Р. пожирающему плов прямо в кастрюле Алешеньке. – Надоели хуже редьки. Всё. Лавочка закрывается. Уже закрыта. В добрый путь. Я им всё сказал. Главное сказал. Кто хотел – услышал. *Молчание – золото*. Это – главное. Добавить нечего. Прав был граф Лев Николаевич Толстой, когда произвел девственную простоту в ранг величайших истин. Никто не услышал. Может быть, следовало сказать это вслух, как думаешь, Алешенька? А что проку? Все равно никто не услышал бы. И до графа тысячу раз говорено. Тебе тоже надоели, знаю. Потерпи. Походят, походят и перестанут. Не перестанут, знаю. Повадились. Пусть себе ходят. Не обращай внимания, и всё. Я же не обращаю внимания – и ты не обращай. Как будто их нет вовсе. А их и так нет. Игра воображения. Недомогание. Сумерки... Ты кушай, кушай. В добрый путь.

5. Стравинский С. Р. Рим

Жители Бокова представления не имеют, как выглядят на самом деле. Причиной тому – боковские зеркала. Эти зеркала не отображают действительность, но демонстрируют смотрящемуся в зеркало то, каким, по их мнению, он должен быть или то, каким, по их мнению, он мог бы быть, будь на то их, зеркаля воля. Боковские зеркала так и называют «боковские живые зеркала». В связи с вышеизложенным среди боковчан случаются Пушкины, Обломовы, Блоки, реже,

Мемлинги. И Петр, и Фома. Говорят, например... *позвольте представить, Лев Моисеевич Малярчик – наш Пушкин, или... а вот и Борис Дормидонтович Чулков – наш Голиаф.*

Сергей Романович вступает со мной в мысленный диалог. Вторит мне. Размышляет.

Персонажи часто заглядывают на огонек к своим авторам. Если сомневаетесь, спросите хоть у кого из сочинителей, да вот хоть у Диккенса спросите. Ему-то вы наверняка поверите.

Кто-нибудь обязательно скажет – не бывает таких героев. Даже в Антарктиде. Даже на Луне. Нет, и быть не может. Обязательно найдется такой Фома неверующий.

В Антарктиде, может статься, и не бывает, а у нас – только такие, что примечательно и замечательно.

Фому же посылаю к зеркалу, – Пойди, Фома, и хорошенько посмотришь.

А давайте вслед за Фомой и мы с вами подойдем к зеркалу да хорошенько посмотримся. Разве то, что мы видим – это мы? Разве мы такие? Разве мы – то, что мы есть? Разве мысли наши – это наши мысли? И поступки наши – наши поступки?

А наказание, ниспосланное нам, положи руку на сердце, как думаете справедливо?

Всегда перебор или недобор. Во всяком случае, нам так

кажется.

Вроде бы и крестимся, и водку пьем – ничего не помогает.

А в чем должна заключаться помощь? Кто же его знает?

А что там в зеркале? Так, нечто зыбкое. Игра света, что ли?

Никто. Никого. Никто. Никого. Никто. Никого. Я, не я, мы, не мы, кто-то, некто, некие, некто... Не имеет значения. Имеет, наверное, но все равно испарится, улетучится, растает, прежде чем я протяну руку, чтобы ухватить Фому за нос. Всё как всегда.

Сон в летнюю ночь.

Или в зимнюю ночь.

Случается, и днем прихватишь, если есть такая возможность.

Такая, я бы сказал, горчичная тишина.

Почему горчичная? Не знаю. Горчичная, и всё.

Пыльно, следует заметить.

На пыльных тропинках...

...пыль, мучная пыль, мельники, мельничихи со щеками, ловите, весна-а-а, однако весна-а-а или, однако зима-а-а, или воздухоплаватели, например, Можайский и Ротко, Марк

Ротко, простите, отвлекся, не нужно о грустном, не будем, Виктор Иванів, вот еще имя, не буду, больше не буду, кажется, говорили о погоде, впрочем, погоды тоже интересовали, и немало, всегда, теперь в шаговой доступности, там всегда золото, в октябре, в Китае, в спальне, под лавочкой с Пушкиным, а как без Пушкина? октябрь, все же, октябрь, ноябрь, февраль, что там еще? весна? осень? лето? аэростат? дирижабль, не мог пропасть, нырнул отражением, на время, лови теперь его, лови, лови, нырнул в лунное, бездонное, Родина, всё? август, сентябрь, Марс? Марк? Фома, вот что, ну, как же без него? ну, здравствуй, Фома, ручка дверная, косяк и прищепка, человек-ступа, нет, приступочек, шишка, шиш, варежка полоротая, неслух, олух, любим и обласкан, своя моль, своя, носик тувелькой, эх, Фома, Фома, говорили тебе, помнишь, что говорили-то? вспомни, Фома, нет? чего только не говорили, зеркало? про зеркало? опять? не нравится зеркало, стенкой назови, про стенку намекали, пристеночек, чума, шутиха, кукла, муляж, фантик, семечко маковое, про муляж говорили? про коробку? коробочку? не тронь, говорили, руки оторвет, по самые... дико извиняюсь, однако же, ну-ну, похоже на то, и в первую очередь, лови теперь, лови, теперь ловите, господа, а много вас, позвольте полюбопытствовать, много ли господ? немного, хорошо, немного пока, еще за колбасой очереди случаются, еще на колбасе, нет-нет, да прокатимся, здравствуй, вождь, здравствуйте, дедушка, виньеток таких теперь не делают, так бы и закольцевал всё,

до совершеннолетия – в особенности, с мандаринами и узкими брючками, а шпиль и теперь возвышается, листву нанизывает, в октябре, иногда в сентябре уже, не спешите, торопиться не нужно ни при каких обстоятельствах, провели полсочку, поставили галочку, метку, черную метку, и отдохните, прилягте, можно вздремнуть немного, листва теплая, терпкая и теплая, слякоть – не в счет, виноград – да, и так сырости много, хвощи да плауны, виноград – да, еще чутка, не помешает, пригодится, увидите, увидим, не поскользнуться бы, а так, если без кривотолков, любим друг дружку, как щенки в корзинке, возимся, любим, извалялись в любви, в неге извалялись, на полках своих на полочках, в вагоне на полочке, поезд дальнего следования, поезд-дом, давно живем, давно живем-то, столько не живут вообще, даже в октябре, даже октябрьские, Чатануга, чу-чу, шутка такая, американская, золотой патефон, керогаз, самовар, паровоз, чу-чу, *pardon me, boys*, и сразу же, тотчас, немедля золото на душе, золото, золото, золото, эбонитовая колонна, колесо обозрения, Луна, ха-ха, все лунатики, если вдуматься, так что не переживайте, не надо, не мчим, тихонечко едем, наслаждаемся, но, видите ли, изволите видеть, следующая станция – кладбище, шутка такая, или не шутка, сразу не поймешь, прибыли – кладбище, шутка такая, чрезвычайно удачная шутка, с мешком и бородой, но не Клаус, не Санта Клаус, нет, ни при каких обстоятельствах, мельники и вороны, только мельники и вороны, мельник, *в час пе-*

чали возле чайной, назовем это чайной, назовем этот тупик чайной, тупичок, здравствуй, старичок, домчали, всё, поезд дальше не идет, кто не успел, тот опоздал, теперь ловите, если поймаете, сами ловите, если поймаете, что? ловите, ловите, сами, сами, ручками, ручками, ловите, кто не убежал, кого? а кого поймаете, если поймаете, начетчики, налетчики, душеприказчики, игрушки, воланы, голь перекатная, каплуны пожирнее, ловцы., нет, какие мы ловцы? о себе тоже, о себе тоже, разумеется, все мы из одной шинельки, так сказал? из одной шинельки, так сказал? так? Акакий, дивно, как еще! чудно, нежно, узость, ловкость, неловкость, ловкость души, при общей бестолковости, нескладно, как всегда, вымираем, кто не знает? всяк знает, а всяк – дурак, шутка такая, осенняя, млеем, совсем разомлели, Акакий, Акакий Акакиевич и паруса, паруса, парусина, зубной порошок, здравствуй, жизнь, черт дернул, здравствуй, за три минуты, смешно, ничего смешнее не слыхал, придет же такое в голову! не ловцы, вы – не ловцы, мы – не ловцы, ловцы, эх, давно было, давно было? давным-давно, где? в Голландии, разумеется, мельники, не забывайте, мельники, мельничихи, не забывайте, со щеками, не забывайте, в Голландии, где же еще, Голландия нам ближе, поезд голландский, мешковина, мука, яблочки моченые, ветер, далеко, близко, всюду ветер, Блок, опять Блок, голландец Блок, умер, яблочками отравился, томатами, не вынес, не перенес, прощай, здравствуй и прощай, следующая станция – кладбище, юмор висельника, ура! ре-

волюция, здравствуй и прощай, мельники, шествуют, белые, бледные, как шли, так и продолжают, никаких перемен, никаких! Голландия! овцы – не вы, овцы – нае мы, мы – не овцы, почему? а почему? ну, почему? поздно, ночь почти, ночь почти что, всегда, здравствуй, закат, здравствуй и прощай, поздно, уже поздно, не знали? а вы не знали? а вам говорили, не тронь, говорили, с младых ногтей, да где там? где мы? спрашиваете, где мы? а нас нет, нас больше нет, только пыль, мука, мучная пыль, мел, мука, мел, дыхание меловое, Мемлинг, Ганс Мемлинг, бледненькие, какие же мы бледненькие, белые, бледненькие, прощай, прощай, Голландия, здравствуй и прощай, ах, какие кораблики были! весна, весна, зима, весна, кораблики, и лето, сразу же лето, лето – кровопийца, нам и царь – не царь, и лето – не лето, а нам что, когда вечность? никто не знает, а мы знаем, голландцы не знают, например, не знали, ни Мемлинг, ни другие, а мы знаем, всегда знали, здравствуй станция конечная, здравствуй, смерть, здравствуй и прощай, поели, сами себя поели, ничего страшного, вкусно поели, сами себя, с аппетитом, весело так, с огоньком, ничего страшного, судьба, сука-судьба, индейка, у нас индейкой зовется, вот вам и карта, вот перед вами карта, вот карта, подробная, с флажками и точками, спичками да спицами, пружинит вся, клеем пахнет, на волю просится, вот и сами мы, букашки, ползаем, воскресенья ждем, к воскресенью движемся, как умеем, рачки, да улитки, болота много, чего уж там? что есть, то есть, а вот и мяса

кусок, парного мяса кусок, не кусочек, кусок, нет, гора, го-
ра мяса, мясо сладкое, живое, ура, революции раз, два, три,
три – довольно, нет, нет, с тех пор, с тех самых пор, мельни-
ки, мельничихи со щеками, задами, молочницы, мыши, а как
без мышей-то? без мышек? мыши, мышеловки, мышеловки
разные, мыши, мышки, серые, белые, агатовые, смоляные,
с усами, усиками, усами, пушистыми усами, без усов, с про-
волокой, на проволоке, без проволоки, проволока, проволо-
ка, а как без проволоки-то? зона, зона – таки, зона, на зоне,
здравствуй, полотенце прибереги, еще тюрьма, тюрьма же
еще, прибереги, пожалей, вафельное, для тюрьмы, для по-
хорон, все же кладбище, хотя бы вид сделать, дождя не бу-
дет, Бог даст, без дождя тоже можно, говорю же, Голландия,
картофель, едоки, мясо? нет, картофель, уже картошечка,
в мундирах, все, все как один в мундирах, все как один, меч-
та! и парусина, парусина, конечно, зубной порошок, види-
мо-невидимо, плюс чахотка, плюс ветошь, вакса другая, со-
всем другая, жирная как масло, намажь на хлебушко, а вет-
ла иссохла, а вот ветла, напротив, усохла, мельники, а уголь-
щики? где мельники, там и угольщики, угольная мука, заре-
ешь глаза, тут тебе и снеговик, и угольный человек, толку-
ют, дразнятся, сугробы, склады, сугробы, жизнь, так назы-
ваемая жизнь, а говорил, нет жизни, болтуны, все болтуны,
болтают, болтают, небо от болтовни страдает, терпеть сил
нет, упадет скоро, скоро – не скоро, упадет, опускается, тре-
щины видно, трещины, крюк, если зрение хорошее, если хо-

рошее, дыры пошли, черная дыра, белая дыра, белый карлик, тоннель, еще тоннель, станция кладбище, дальше поезд не пойдет, упорств, упорств и царств, времяпровождений, соитий, похорон, упорств, механика, мышам повсюду хорошо, чем плохи мышеловки? на каждом шагу, звенят как колокольчики, мышки шустрые, снуют, мышеловки влачат, хвостиками подцепили и влачат, что твои погремушки, детство, скарлатина, бесконечность, глупость бесконечна, бесконечность глупа, живем, смеемся, играем, уловки, стаканы, капканы, волчьи капканы, медвежьи капканы, морж разбегается – бултых! ряска, ух! белая, ржавая, красная, лягушонок лапку поранил, всё! катастрофа, начинай сначала, весна, зима, лето, всё, жизнь кончилась, пагода, амок, книга, помолиться всегда забывали, ну, теперь уж, что уж, теперь другие помолются, а вы догоняйте, догоняй, не забывай брызги топтать, посчитать бы, да больше не умеем, прыгать с поезда умеем на ходу, к радости, к вящей радости, мальчики ждут, мальчики кровавые, привет, Борис, давно прибыли, толкуются на перроне, семечки лузгают, каленые, как уголь, польский уголек, и мальчики, и семечки, и голубки, встречается, и хромой прохожий, хвост на три метра за ним тянется, у мышек короче, но за мышками не угнаться, юркие, мышки и мысли, прохожий, ходок, улыбается, семечки лузгает, тоже лузгает каленые, белый, бледный, весь белый, в белом, бледный как невеста, и семечки белые, как уголь, уголек польский, смеется, а зубы черные, несварение, надежды, белый

уголь, уголек, небо-невод, небо невест, небо белое, зубы белые, черные от невест, от разворованных невест, не человек, птица, птица-секретарь, еще, еще, секретарь, еще, еще, ступают, хаживают, выхаживают важно, золу, золу клюют, жар, пожарище, одним словом, одним словом, словом, кострище, ледяное, но ледяное, пустыня, ледяная пустыня, выхаживают, в руках мышеловки, ледорубы, смерть? не страшно, нет, ничего страшного, поезд, поезд все же, заиндевевший стоит, пыхает, Сталин, усы пушистые, Сталин, усы проволочные, Сталин без усов, кот, здравствуй, кот, здравствуй и прощай, а жизнь-то, жизнь, присмотритесь, заглядывайте, любуйтесь, всматривайтесь, я пытаюсь, пытался, что ж? сквозь игольное ушко проследовали, а прибыли, некому пожалеть, ничего, глаза зароем, и снова март, снова весна, разверзлись хляби небесные, получается, жалеть не о чем, дождик мелкий, капли-искорки, мышеловки, ножи, заточки, точильщик и его велосипед, точильщик и его зубы, смешная механика, чертово колесо, сани, механика, словом, дивная механика, чудовищная, чудо, Антарктида, одним словом, мечтали – получите, или против, напротив, Абиссиния, плавится, всё плавится, течет, Африка, африканцы, слепые, шар, пляски, пляски-то, пляски-то, с одышкой пляски-то, ласточки, мелкие, как снег мелкие, снежок, снежинки, черные снежинки, черные, головы, головы пшеничные, зачем коробочку открыл? что вылетело? что оттуда вылетело? что? не видел? не видал? не знаешь? не помнишь? Иван, родства не помня-

щий Иван, где книга твоя, Иван? где твоя книга? всегда так было, было и будет, и ну удивляться, всё-то мы удивляемся, чему тут удивляться? ходите? ходите себе, только голоса не подавайте, здесь тихо нужно, чтобы как мышки, мышеловок хватит, на всех хватит, не беспокойтесь, мышеловок, кузнечиков чугунных, бабочек железных, паровоз, механика, чудо, торжество, у возницы протез, а шляпа свинцовая, да здравствует, говорили тебе, коробочку не открывай, не смей, не тебе послана, предупреждали, грозили, хмурились, всегда не в прок, тучи – развалины, лисьи мордочки в окошках, высунулись, солнышка ждут, пока иголка не блеснет, сумка сердечная, тело, плоть, пастушок, петушок, пух да перья, сыр в масле, лакомство и проказа, грешили, грешили, чего там? неча пенять, голова, живот, груди, если подвинуться, подвинуться – не упасть, ничего, пусть бубен останется, вол как дирижабль, с дирижабль величиной, дирижабль, гость утробный, гость из тенет небесных, сахарная голова, чудо-кит, головка, дай в щечку поцелую, дай, дай, а мельничих видел? толстые невозможно, Абиссиния, Арктика, Антарктика, сугроб, но добрые, как-то утешает, это как-то утешает, смириться, взвесь, не больше, пусть будут, пусть, даже спокойно с ними, кто-то же спит с ними? а есть такие, есть, есть, я знаю, зубы железные, вакса, Сталин, масло в сковороде золотом потрескивает, рыба жирная, жир-мир, жизнь-смерть, сом, стало быть, сом, перемены, мерцание, всё меняется, сома не узнать уже, не сом, но печь, ноздреватый,

блин, блины со сметаной, колени распухли, десны, слюна, страх, всё до неузнаваемости, кто его ловил? радуется, улыбается, сомневаюсь на всякий случай, так бы и схватил за бок и в люльку ногами сучить, жизнь, улыбается, зубы железные, да не у рыбы, нет, краля чужая, язычок ядовитый, яда много, йода, много больше, игл, шипов, патефон, цыгане, брага с укропом, весна уже, потекут по сусалам, таяние, в лучшем случае обвал, трясина, возможно, только не битое стекло, в том-то и дело, что острота пропала, даже дождик бессильный, тягучий, фермы набрякли, веки тяжелые, мешковина, много мешковины, трудно ногами перебирать, лани в сене, сеном укрыты, сеном питаются, разжирили на воспоминаниях, старушек не видно, не исключаю, что их нет, вообще больше нет, мясо белесое, в испарине, детки – свиные желудки, глазенки желтые, лисички, язычки атласные, оспа, пузыри не спешат, перекатываются, пузыри подвывают, лопаются, весна человечества, ждали ее, тучную, что скрывать, здравствуй весна, здравствуй достаток, а ты целовал, молодость вечная, луна-парк, хоть не формалин пока, тридцать шесть тактов, дели на три, подушки мокрые, как представишь себе, что было, не напоминай, кочегары, насильники сволочь, только мешают, если трахаться всерьез, с отдачей, полосатые гетры очень кстати, змея – лишнее, яд – для знатоков, когда в нос бьют, восторг и жалость, ночь? а что ночь? шпроты, пальцы, газета, огурчики, волчий капкан, на волка, стало быть, какая уж тут Абиссиния? – Тальменка, хрупко

все, хрупко, раздеваться на людях, хрупко, куда деваться? садись, наблюдай, выходи, встречай, ложись, зажмуривайся, так легче, ряска, рельеф, грезы, еще эти чаши зеленые, чаши болотные с ядовитыми цветочками, Уругвай, например, не Антарктида, конечно, но все же, рай, ничего, добредем, не мы, так бульба наша докатится, мышки наши добегут, доскачут, мышки, лисы, детки наши доживут, детки деток, только бы не порезаться, головы нынче как бахча, а мы что? зажмурился, и дело с концом, вот именно, жмурки, желток, пирог с пальчиками, пинцет и цапля, склюют – не заметишь, однако надежда, а как без надежды в пустыне стоваттной? откуда и песни, и прочая другая музыка-муз'юка, опасно, конечно, предусмотрительному человеку смерть, когда смотришь на них, вернувшихся с войны, удивляешься, как это они не изменились, изменились, конечно, кожа сухая, сухая и бледная, как будто из них кровь выпили, шутят мало, отличаются, птицы другие, уругвайские, в особенности голуби, все голуби, гадят белым, сами персиковые, а гадят белым, мне те, бесцветные нравились, с потухшими глазами, точно из тюбиков краска, белила, помечают наперед, вселенский дневник, дался этот Уругвай, а вы говорите Марс, Луна, глупости всё, вот, смотри, краля сосет, леденец сосет, причмокивает, тут бы и африканцу, тут бы эфиопу из-за ширмы явиться, но он спит, спит, сволочь, всё думаю, откуда они взялись, африканцы-то? да много их, измельчали заметно, бедные, долго в воронку заглядывали, всматривались, не по-

зовут, всё – вранье, тоже страх, из детства страх, кража и воронка, бритва опасная, пьянка – это потом, но навсегда, даже если бросить – навсегда, тут дело в графинчиках рубиновых, наскипидаренных пластинках, секс, секс, завернуться с головой в вафельное полотенце и мычать нечленораздельно, знакомы с исподним? целомудрие так и не наступило, только мычание, иногда свист, иногда выюн, упадок, любят, слабость свою любят, плен, например, свист, например, бежать, бежать немедленно, такая игра, на краю, если вдуматься, веревочка-то вот она, секс, секс, оставаясь в рассудке – не потянуть, даже и разуваться не стоит, такие танцы на углях, это вам не Киплинг, или кто там жирафа приволок? Гумилев? вот зверь и нагадил, жираф – это вам не голубь, птица другого порядка, из тысячелетнего рейха, как верблюд и голод, не открывай коробочку-то, нет там фломастеров, но, вот это «но» и подводит, не наиграться, никак, покуда почки не откажут, нет уж, руку жмет крепко, мочится подолгу и с удовольствием, тридцать шесть ступеней вдоль известковой стены, известка, известка, слова, похабные картинки нацарапаны, казенное всё, вдруг красный свет, хотелось? этого хотелось? этого, этого хотелось? разве этого хотелось? а чего же? обвиняете? вы обвиняете? никак обвиняете? а снесь как же? а горлышко прополоскать? а матовая мгла, не благодать разве? а движений неспешных непозволительных услад? шепот шестипалый в бархатные ушки? кого вините? глазастую? то так повернется, то этак, никто бы

и не увидел, так она специально ножку таким образом повернет и присядет, нет, не думает, ни о чем не думает, и предзакатный свет, достань, попробуй, рысь, секрет, секреты, уж лязг и бездна позади, пусть иллюзия, не важно, теперь уж что? прыщики сойдут, со временем сойдут, бритва – серьезнее, о болезнях тогда не думаешь, ни о чем не думаешь, какая там голова? какие шкварочки? надо же? мал, мала, меньше, никто, никто, ну, понятно, отеки, таз с горчицей, это потом, потом, сейчас – не к месту, но от малости этой не убежать, выbleвать на остановке или со сцены, как Бергман завещал, на кладбищах много такого в Голландии, а она так и осталась, она – вечная, как мы, мы и Голландия, Голландия сама, клюв вороний, глаз с мушкой, с дырочкой сквозной, тлеет, как папироска тлеет, как клитор, не думай, так лучше, уж лучше так, и достоинство как будто, и блажь, на людях, блажим, блажим, в прелести пребываем, ментор, ментор, в такие минуты себя не вижу, не желаю, волчок и обух, глуп не по годам, что же, добро пожаловать на борт, сами знаете, о чем речь – Эразм, конечно, берет и нос, и каравелла, и порошок зубной, да здравствует! тысячетлетний рейх, вечерняя прогулка со спичками и головой под мышкой, речь обо всех, не только званых, силки расставлены, но каяться не стану, поздно, поздно, разве что, пройдет? как прыщики и жизнь сама, кукушка за пазухой, всё на людях, внутри совсем другое, ветерок, протяжно, вермута немного, кагор, конечно, лучше, а вот гвоздика? не уверен, не пьян, не уверен,

не знаю, не пьян, но одержим немного, одержим немного, вот как вынимаем из себя друг друга, никогда не замечали? нет? шурш, шуршанье, шелка, шёлка заводи, такие своды, плавкие фигуры, сливочные взгляды, весло, о веслах позже, повилака, виноград, столбы обугленные, балки, балык, задница ущипнуть, щипцы, хохот, изменился? не болит? на бойнях забывают боль, а вот и Мемлинг, Ганс Мемлинг, добро пожаловать, ждали, предчувствовали, чего скрывать-то? не таракан, и ладно, не Ницше, и хорошо, вполне, сам Мемлинг Ганс, беременные по сей день мел его лопают, крестьяне по сей день мелом его яблони мажут, Мемлинг, меловый, попробуй, дотянись, мраморные хляби, горчица – она и есть горчица, все встретимся, да, собственно, и не расставались, умирать уже завтра, это с первых слов понятно, с молодых ногтей, шерсти не жди, тридцать шесть на три уже не делится, уж ты проводи, не поленись, не велика победа заблудиться, если вдуматься, блуждаем от рождения, вот вспомнил пуговицу – глаз плюшевого мишки, хозяин сгнил давно, а глаз все смотрит, но шерсти ждать не стоит, шерсти, щетины, жизни, так называемой взрослой жизни нет, керогаз, омлет, сыро, мокрая подушка, всё, баня по пятницам, куриные потрошки, уже не те, уж не те, что в детстве, в детстве, и холодец не тот, не тот, гастрономы, ох, выгнуты, выгнуты да полы, окна черны, грязь, грязь по весне, вата, вот, вот – весна и грязь, корабль еще, корабль грузный, довольно грузный, дедушка Крылов, начерпал, как водится, обла-

ков, лавка грузная, сiju, нет бы голову поднять, мерцает же, мерцанье, вот так всегда, в утробе не на что смотреть, хотя и здесь мерцанье, перламутровое всё и дышит, гудрон, такие времена, Иона хорошо плавал, а я уже не умею, а Иона умел, хорошо плавал, всё дышит, иллюзия, конечно, опять иллюзия, позвякивают звенья, смех просится, кружащийся как пух, любые времена, уже и рыжий поседел, а сколь годов-то? всё мчится, всё битком, но мельники не спят, нужно знать, помнить, щетине дней пять, не меньше, но это даже хорошо, во всём неспешность, мельники, мельничихи, молочницы, зубки молочные, уже ноябрь, а зубки молочные, мука, для богадельни мучица-то, наркоз, исход, копчик мой копчик, прощай, копчик, и ты, брат, прощай, не о чем говорить, и прежде не о чем говорить было, гаражи, сосиски, рак, сумасшедшие много целомудреннее, хотя бы ноги не раздвигают, во всяком случае, так не раздвигают, вот зачем пинцет нужен, пинцет и цапля, вспомни, резкость наведи, резкость, как перископ, ступай, ступай, не оглядывайся, любовь – тридцать шесть ступеней, ровно тридцать шесть, дальше вентилятор, стул и вентилятор, или стульчак, башня, башенка, целый город с жуками и товарищами их, меда много, можно не волноваться, меда, молока, муки, мельница как будто пострашнее будет, а подишь ты? пустое, однако окна зашторить не помешает, окна зашторить, не слышно разве?! говорить тише, scarлатина, чай со scarлатиной, парное молоко, кто-то ненавидит, я, например, но фломастеры – это

на всю жизнь, свет в конце тоннеля, в начале и конце, запах будущего, хотя, если призадуматься, синтетика, с фломастеров, бум, синтетика вся эта и начиналась, восторг и мертвечина, не было таких цветов, радуг таких, селитра позже, ура, Африки такой не было, и флоксов, и ферм, и мальчиков изпод плинтуса, запах будущего, ацетон? нет, все равно, туя, запах туи, детство есть детство, ляпочки и мандарины, туя, туя, гаражи чуть позже, или раньше, нос разбит? а как же? а не ель? туя, горячо, масло подрагивает золотом, шипит, Абиссиния, где-нибудь неподалеку обезьянки должны быть, пляж все же, лимоны, лимоны-мандарины, варезки, проехали, почему у мальчика с куклой ничего нет? там ничего нет? девочка? так это девочка? не смешно, но не смешно, муть и сладости, успеют, глядишь, успеют, из петли достать успеют, тут бы знаков не ставить, тут-то бы как раз и не ставить, знаки, знаки, оспа, все же из темноты, ноги растут, гудят, откуда? из темноты, бутыль, лампа, желтый свет, припадок, рябь, спускаться высоко, трава жухлая, паучкам все равно, вся эта их переписка – такой лепет, не знаю, обезьянки пострашнее волка будут, ну, так это вы с волком еще не встречались, губы трубочкой, сосет, африканец спит, ну его к черту в сугроб, жить с вами не желаю, вывалиться в пыли этой, в снегу, настоящий увал, бомба, тикает, часики, часики, стружка, Штраус на колясочке своей едет, насвистывает, большой вальс, говорите? ну-ну, от вальса до марша два пролета, четыре па, вот так они и насвистывают, сви-

стят, как услышишь, беги, сразу же беги, пиво горькое, нет, слаще меда, не будем о грустном, какие предпосылки? что веселиться, что денежки считать, все – радость, а для чего живем-то? ирония, честное слово, ирония, многие страдания живы, ну-ну, не будем, давайте, фрау, давайте, давайте, покажите, на что способны, какой там вальс? уходим, уходим, дальше, подальше, марки, марки, считать, пересчитывать, марки, тряпочки, эх, погубят бумажки, тряпочки, нет? нет, радость, нынче – радость, медом пахнут, молоком, деревенькой, люлькой, лялькой, спеленает? а как же иначе? спеленает, спеленают голубушку, голубчика, оградки ровненькие, синькой покрашены, небо кругом, голуби жирные, голубки да горлицы, вымерло все как будто, купорос, словом, головки, что мослы, у могил головки – что мослы, коленочки, на ветру скользкие, лаковые, грызть – зубов не хватит, головы – другое дело, сахарные головы – совсем другой коленкор, это же припасть можно, это же припасть можно и стоять так, стоять, покуда терпения хватит, стоять, лакомиться, покуда терпения хватит, хоть и с зубами, хоть и без зубов, что зубы? зубы и зубы, оно и у лошадей зубы, и у комаров, нет? нет? стоять, и все, на том и стоять, голова к голове, головушка к головушке, головушка к голове, эх, спеленают, все бы ничего, да, эх, спеленают, эх, спеленают голубчика, сегодня, завтра, грызть, ну, ничего, погрызи маленько, погрызи покуда, полижи, погрызи, жизнь в радость, часок в радость, минутку в радость, пока, покуда, пока зубки не про-

резались, покуда не выпали, зубки-то, на ветру, пусть, на коленочках, пусть, ничего, ничего, постой, постой, пока, покуда, пока, пока не встал, во весь рост не встал, пока не возвысился, покуда не встал во весь рост, с топором, да вилами, муж, грозный муж, муж, мужское, мужское, постылое, лакомое, радость, радость, встань и пой, встань, да и пой, пока гребень не отвалится, пока кровь горлом не хлынет, а вы, фрау, лягте, фрау, на стол, фрау, не желаете? нет? не важно? не думали? не задумывались? пора, пора, не думали? не мечтали? а когда петуху голову рубили, масляну головушку? а свинку когда коптили, соседушку? чистенько? чисто всё? чистенько? в горошек? в клеточку? передничек? исподнее? лягте, фрау, пора, пора, нет, нет, нет? мороз? морозец? мороз? по коже мороз? мороз – хорошо, мороз – жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жги, жги, мороз, декабрь, январь, жарко, ох, жарко, мороз, жизнь, жги, жги, жара, красн'о, кр'асно, красным красн'о, нет, нет, нет? чистенько? нет? салфетки? нет, что, салфетки? куда там полотенца? вафельные – другое дело, шесть метров, двадцать шесть метров, опоясать, опоясаться, все опоясать, сокрыть, укрыть, спрятать, в сугроб, в Суглоб, нет? нет? не спрятать, нет, спрятать, опоясать, перепоясать, закольцевать, глянь, ты только глянь, глянь, Фома, кровищи-то, кровищи! приходила, стало быть, навестила, навещала, невеста, невеста? невеста, а кто ж, а то кто ж? спал? стало быть, спал? спал, спали, спать любим, спим, спали, спал, Фома? спал, знамо, спал,

кровищи-то сколь? кровища-то рекой, глянь, только глянь, кровища-то рекой хлещет, вот, вот оно, вот оно, то-то и оно, вальс, вальс, вот тебе и вальс, как? помогите? помощь? помогите? да, да, помогут, эти – помогут, и те и эти, и гол и мал, все помогут, и вшивые, и плешивые, вишь, как? наголо брились, наголо, те и эти, вишь, как? и те и эти, советовали, брились, потом советовали, советчики, советовали, мудрые, род древний, и те, и эти, древний род, мудрые, стало быть, советовали, потом брились, и прежде брились, и теперь, добрые, с виду добрые очень, глаза ласковые, глаза, глаза, глазастые, да ласковые, сволочь, а раньше? и раньше, вспомни, вспомни-ка, а ты вспомни, брились – торопились, торопятся, торопыги, вишь что? торопятся, торопимся, простыни аж хрустят, так торопимся, такая любовь, такая любовь, така любовь, в глазах пасть волчья, всё – любовь, три слова, три, и вся любовь, три, кругом три, больше нет, ни больше, ни меньше, три, кругом три, вальс, три, любовь-морковь, сука-любовь, любовь, любовь, одна беда – десны, цинга, мать ее.

Ну же, покажите зубки, господин Нансен...

Доигрались, мать вашу?

Также хороши ромашки. И отвар ромашки (прим. автора).

Нет, ромашки – перебор. Всегда. Ромашкам компания не нужна. Равно, как и горчице. Уж тут что-то одно. Или гор-

чица, или ромашки.

Только не георгины, умоляю.

Горчица – в самый раз. Уютно в горчице. И прятаться удобно. Алешка знает. Теперь еще и Фома знает.

Мне представляется, что у Фомы большие уши, а вокруг губ тлеют юношеские прыщи.

В одном готов с Фомой согласиться – ходить с зонтом, зимой и летом – глупость великая. Пусть и с лиловым.

Лиловая горчица. Лиловый негр.

Горчица.

Далась мне эта горчица! Так и вертится в голове. Не вертится – прет. Горшок с горчицей, а не человек ваш покорный слуга. И уж точно вам не советчик. Не советчик, не летчик, а хотел. Не астронавт, не вагоновожатый, не вождь, не мельник, не трубочист, не заводила, не лодочник, не ихтиолог, не кулинар, не краснодеревщик, не птицелов, не маляр, не пуговица, медвежий глаз. Не самоцвет, не стеклышко даже, не георгин, не диффенбахия, вспомнилась, зачем? не звездочет, не оракул, не орал. Не уточка луговая. Не орден, не лента голубая.

Не подарок, одним словом.

Что угодно, только не подарок.

Закройте книгу и не читайте больше.

Лиловый негр. Вертинский. Лиловые бани. Персия. Фло-
мастеры.

Нет, не то.

Нетто, брутто, Брут. Брут – ближе. Близко. Наш современ-
ник. Римлянин. Предатель, конечно, убийца. Так считается.

Осуждаем, конечно. Ни оснований, ни права не имеем,
но судим, осуждаем. Нет бы, разобраться. А как тут разбе-
решься? Давно это было. Когда? Вчера? Позавчера?

Все время справедливости хочется. Вечно страдаем
от этого хотения. Сочувствие, сострадание всегда запазды-
вает.

А что от него, от Брута было ждать? А ничего и не ждали.
И не ждем.

Это только говорится – закономерность. Никаких законо-
мерностей. Всегда вдруг, неожиданно. Закономерности, ко-
нечно, существуют, но свыше, и нам понять их не дано. И пы-
таться не стоит. Проще надо жить. Как-то научиться бы.

Ничего не знаем. Если честно – ничегошеньки. Так, гада-
ем на кофейной гуще. Чувствами живем. Или их отсутстви-
ем.

Думаю, он сам себе не рад был, Брут этот. Чему радоваться-
то?

Разве он один смертоубийство учинил? Может быть, во-
обще рядом стоял. А в историю вошел. Злодеем, конечно.

Вот зачем Цезаря убили Гая Юлия? А предписано было свыше, вот и взялись за ножи как миленькие. Кроме того, наверняка надеялись на хорошее. Злодейства, как правило, из лучших побуждений вершатся. Это только так говорится «злодейство». А на деле – пойди, разбери.

Наивны до самозабвения.

Ожесточились как будто маленько.

Ожесточаться ни оснований, ни права не имеем, однако ожесточились маленько. От хлопот, разговоров пустых и жадности. Жадными стали, римлянами стали.

Рим. Рим.

Вечный, вечный.

Усмирять, завоевывать. Ласкать, кланяться, лнуть, ластиться. Восхищать, будоражить, любить, умерщвлять. Галеры, грести.

Не лодочник. Увы.

Или ура.

Или утонуть к чертовой матери, чтобы, наконец, увидеть его? Рим приснопамятный увидеть. А что, не запрещено. Было бы желание. Тонуть, топить.

Дно манит, кто бы что ни говорил. Чем? Неведомо. Звездами да жемчугами.

Вот чем Тургеневу собачка не угодила? В сущности, щенок еще.

А дрейфующая Офелия, бледная мечта? Читателю нервы хотелось пощекотать?

Разве нельзя без этих водных процедур? Нет?

В таком случае, тоните на здоровье. Тоните, топите.

Но с умом.

С умом.

Вот зачем ботик потопили? Ботик, курительный салон. Это – выше моего понимания. Рим. Рим. Спрятаться от Рима в Риме. Утопить вину в вине. Преодолев невзгоды и страдания, постичь истину, наконец.

Что бы что? Не важно. Найти, нащупать, подкрасться, найти по запаху, на ощупь.

Старичками рождаемся, старичками умираем. Все остальное так неоднозначно, спорно. Рим – бесспорен.

Вот – боковский пустырь. В Нахаловке или на Восточном. Проволока, бутылки, пестрый мусор. Даже собаки туда не заходят. Голод да ветер, больше ничего там нет. А возьми лопату, поскреби чутка – и пожалуйста, раковина меловая, черепаха-людоед, портик, колонна, череп Суллы, утраченный, казалось, навсегда. Стакан хоть переверни, хоть разбей, стаканом и останется. Уголь, да зубной порошок – вот

и все приметы, и все отличия. Весь Боков такой.

Плюс свалявшиеся стеклярусные нити бывшей рекламы.

Так что ничего не изменилось. По морд'ам схлопотать можно хоть во дворе, хоть во сне. Кто с этим не знаком? Страх никто не отменял. Страх и гордыню. Слагаемые орла. Борьба бессмысленно. Хотя лично я в светлое будущее верю. Но, если постараться быть объективным, насекомых боятся больше, чем орлов. Больше всего на свете, пожалуй. С рождения. Почему так? Что это – зев памяти или ужащающая красота муравейника? «А ну-ка отними». Дивные конфеты. Собачья радость. Собак обожаю. Собаки – совсем иное дело. Граф, Козлик, Серый, Найда. Вот, опять Тургенев вспомнился. Зловредный старик. Западник. Ужасов, конечно, хватает. Насекомые, например.

Еще змеи.

Тихий ход – вот что. Неспешность, тихий ход. Потаенный цвет, белизна опять же у отдельных представителей. Матовая белизна, непривычная. Особое, особенное. Отличия волнуют, всегда волновали. Преимущественно – страх. Восторг – реже, редко. К восторгу склонность нужно иметь, предрасположенность. Хотите, талантом назовите. Недалеко от истины. А в страхе можно и преступление совершить. Убить, например. Убийство – не такое простое предприятие.

Если совершается в полной трезвости, в здравом, как говорится, уме. Чует мое сердце, от убийств нам не избавится никогда. Ибо еще до рождения было предписано, написано, описано, определено и предопределено. Только успевай, двери отворяй. Так и хлынут. Хоть туда – хоть оттуда. Невозможно много. А теперь скажите, кто опаснее? Если по совети? Это-то и бесит, это и вводит в оцепенение.

Еще зависть, пожалуй.

Множество, скопление, множество. Сесть, да посчитать. Уже годам к сорока – немыслимое дело. Вот тут-то Ницше и сообразил. Присвистнул и присел. У Штрауса это, к слову, лучше получается. Кто? Где? Все. А если вдуматься – никто. На нет и суда нет. Вы же не знаете меня, а я вас. Ну, и кому какое дело? Стихией только стихия управлять может. Невольно заикаться станешь, как тот учитель, что глобус консервным ножом вскрыл. Не знаете этой истории? Я тоже. А собственно истории не существует. Спрятана в рукав, как ушанка. Или как фуражка того же Ницше, будь он неладен со своими насекомыми.

Все взаимосвязано. Уже говорил. Не важно. Можно повториться. Можно, можно. Ради Божественной истины можно. Всё неподвижно и, одновременно, находится в движении. Если хотите – в шевелении. Вселенский зуд, товарищи, гос-

пода! Сходил на кладбище, убрал травку, а потом думай трое суток, кто там у тебя по спине ползает. Вот они ходят, письма носят, весточки разные, встречаются на кухнях, шепчутся. Редко на кого цинковая ванна обрушится. Или велосипед. То есть, событий, в общем-то, никаких не происходит. Суэта сует. Зуд и суета сует. Теперь старятся медленно. Десять лет проходит, и пятнадцать – пара седых волос, не больше. Разве что ванна упадет, так это из ряда вон событие. Или велосипед. Хотя, справедливости ради, мало-помалу вымираем. Ходят, ходят. Давно наблюдаю, изумляюсь. Шествуют, бродят, ходят, ходят. Сами подумайте, какие теперь гости? Пасмурно в мире. Опять же насекомые. Теперь и зимой. А вот тени отчего-то летние. Пугливые. В целом какое-то волнение. Беспричинное. А разве раньше так не было? А вот и не было.

Укрыты простыней, такое впечатление. Или вафельным полотенцем. Лично я предпочитаю вафельное полотенце. Так просто мысли не являются. И Стравинские. Сергей Романович, например.

Никто. Никого. Никто. Никого. Никто. Никого.

Похмелье ни при чем. Похмелье здесь ни при чем. Главное, никто никого не собирает, никто никого не зовет. Являются сами. Уже вздрагиваю, когда слышу их шаги. Хо-

тел выучить французский. Черта с два! Когда это было? По крайней мере, теперь не нужно казнить себя за то, что жизнь про... прожил напрасно. Напрашивалось дурное слово. Негодное. С другой стороны, теперь такая жизнь, что казнить себя не нужно. Хотя не казнить себя мы не умеем. Тем и отличаемся. Прав следователь С., стремление быть неузнанным – защита. Своего рода защита. Как матерщина или запой. Всё как-то преступно. Около и рядом с преступлением. Преступные мысли, преступные песни. Нравится, не нравится, спи, моя красавица. Тьфу!

С. Паранойяльный. Очевидно параноик. Параноик, паранойяльный. Я бы даже сказал, не паранойяльный, но паранормальный. Высшая степень паранойи. Опирается исключительно на интуицию. Судя по внешнему виду, по прищур у глаз, по походке – исключительно на интуицию. Не помню, какого цвета глаза. Ускользнул. Ускользает, ускользнул. Опасный субъект. Из всех, пожалуй, самый опасный. Но он прав. Безусловно, прав. В наше-то время? Прав, конечно. И вообще, и прежде, и в стародавние времена, если сбросить пелену иллюзий, если честно, кого и когда всерьез интересовали улики и доказательства? Разве что мастеров детектива?

Виноваты все. И я не в последнюю очередь. Виноват, виноват. Кругом виноват. Все виноваты, и я виноват. Первое второго не отменяет. Если вдуматься, какой праздник? Ка-

кие праздники? Праздники, хороводы. Уж не знаю, почему они выбрали четверг. Четверг – день пресный бесцветный. Газета, а не день. У них там, в Уругвае, четвергов не бывает. Даже если они и называют этот день недели четвергом, это никак не четверг. Скорее всего, пятница. Пятница, суббота, воскресенье. Потом опять пятница.

А Гитлера где похоронили? В Парагвае?

Осмелюсь напомнить, Парагвай и Уругвай – разные страны.

Приходят, являются. Не приходят, не являются. Знать хотят, узнать. Что? Да разве я знаю? Догадываюсь, конечно, но объяснить не смогу. Даже себе. Все эти экстрасенсы, ведуны и ведуньи – неспроста. Ох, неспроста! Бога разглядеть не получается. Никак не получается. Бог тоже спрятался. Пауза обрушилась. Не ванна, не велосипед – пауза. В паузу как в мешок всех затолкали. Проснулись однажды – уже в мешке. Однако все равно ходят, являются. Или не приходят, не являются. Каждый со своим языком и правилами. Каждый со своей историей и погрешками. Рассаживаются над колыбелькой, как петухи на жердочке. Ягодки ягодицами своими. Говорят одновременно, молчат одновременно. Тоска по хороводу. Тоска. Прошлый век. Как в прошлом веке. В прошлом, позапрошлом, и так дальше. А страсти-то нет. Пара нет больше, вот что. Улетучился пар, цвет. Монохром. Не бурлят больше страсти. Страсти, страстишки.

Молочная капля ползет по окну – день народился. Повезет – солнышко выглянет. Можно будет дурака повалить, погреться. И то, слава Богу.

А попроси у них денег займы – найдут тысячи причин, чтобы отказать. Эх, вчера бы обратился. Вчера точно были. Приходите вчера.

А что? Так и живем. Вчера. А попроси хоть десятку? Низменная мыслишка. А я и не претендовал. И не претендую. Если кому-то и замуж хочется, предположим. Предположим. Признаться, достаточно просто скроены, если начистоту. Римляне. Древние римляне. Живем от Нерона до Нерона. Пожары обожаем, костры. Позевать у пожара, погреться у костра. Песню про ботик спеть. Хорошо, когда костер на озере. Озера у нас волшебные. Чайковских рождают. Да и Стравинских, если вдуматься. Стихи – сами по себе. Мы – сами по себе, стихи – сами по себе. Отделить не умеем. И не желаем. Да и не нужно. Вообще, если вдуматься, все уже давно как-то организовалось. Может быть, оттого и тоска. Некоторый диссонанс. Не смертельно. Так – фоном.

Этакая протяжная любовь.

С горчинкой.

С виду пропойца, волосы редкие, штаны прохудились,

а он, глядишь с озером разговаривает. Кто таков? Не Чайковский?

Или пригрезится иному, что он большой ученый. Сам – сумасшедший. Зачем-то зонт носит. Надеется еще раз жениться? Это же такие хлопоты! Уж если для фасона – шапочка нужна академическая. Бархатная. На худой конец берет. Чернильный. А лучше всего – уехать за город и выращивать закуски. Неровные люди. А ровным людям и в голову бы не пришло тащиться в четверг, в непогоду неизвестно к кому. Они же представления не имеют, кто я на самом деле. Я сам представления не имею, кто я на самом деле. Агностика. Живем как во сне. Понедельник, вторник, среда, четверг... вот, опять четверг. Остановка в пути. Этот Бродский – щемящее нечто. Не совсем человек. Нет, человек, конечно, но за скобками. Да, косматая биография, сердце в ключья, скамейка, мокрые рубахи, клювы, поленья... всё так. Но вот человек – сам по себе, а стихи его – сами по себе. Щемящее нечто. Нежность.

Вот зачем он клетку запомнил?

Клетка. Коморка. Скворечник. Точка.

На что живу? Не скажу. Не знаю. Деньги сами откуда-то притекают. Вроде бы не занимаю. Должен, но немного. Сравнительно немного. Но отдаю. Работаю, работаю. Работа – счастье. Но не для меня. Физическая работа не для меня. Уж

тут уж что-то одно. Устаю. А если еще копать придется? Я – почтальон. Не адмирал, не телеграфист, не советчик, не летчик, не астронавт, не вагоновожатый, не вождь, не мельник, не трубочист, не заводила, не лодочник, не ихтиолог, не кулинару, не краснодеревщик, не птицелов, не маляр, не пуговица, не самоцвет, не стеклышко даже, не георгин, не диффенбахия, не звездочет, не оракул, не орал, не уточка луговая. Почтальон. Почту ношу. Опять соврал. Постоянно вру, но прощаю себе. Постоянно прощаю, что бы не натворил. Другие еще не такие фортели выкидывают. Хоть Брута того же вспомнить. Или Нерона.

Не почтальон, ничего не ношу. Мог быть, можно сказать, мечтал, но не стал. Ни почтальоном, ни адмиралом. Даже телеграфистом не стал. Так что почту не ношу. Но прогулочным шагом. Кто увидит со стороны – городской сумасшедший. Надо бы берет купить. Чернильный. Попросить у кого-нибудь. У кого-нибудь наверняка сохранился. Жалею. Кого не попади. Всех. Слабоумие. Не выветривается. Жалость. Не выветривается. Велосипедов не люблю. Можно сказать, ненавижу.

И собачки мои не любят.

Вот, любопытно, на машины не лают, а на велосипеды лают.

Велосипеды – это нищета, война. Что-то такое.

Жалость, сострадание выказывать опасно. За слабость сочтут. Могут побить или плюнуть. Опасно. Нужно жить с выпяченной нижней губой. А у меня с этим как раз проблемы. Красавец. Котлет хочется. Отчего-то хочется котлет. Столовских. Ну, ну. Провинция – рай. Вы ничего не понимаете, провинция – именно что рай: козы, сарай, таз. Опять же дворики с купоросом. А кто может сосчитать мои труды? Умственные труды. Попробуй-ка, сведи все воедино, построй, структурируй, изложи. Все же излагать приходится иногда. Но они стихи любят. Отчего-то стихи им подавай. Ностальгия. Ну не стану же я им Бродского читать? Бродского Бродский читает.

А я что читаю? Ничего.

Раньше все стихи любили, а теперь только полярники.

Ледяные тюльпаны. Заиндевевшие. Белые. Ломкие. Белеет парус одинокий. Радость-то какая! Но, сдается мне, обречен. Точно – обречен. А все равно в душе волнение. Память такие фортели выбрасывает. То ли еще будет? Дневник завести? Еще не хватало. Дневник – это как голос на магнитолной ленте. Чужой, целлулоидный.

Конечно у Веснухина две ноги, только он ходит и поступает так, как будто одна. Ходит, поступает и думает, как будто

одна. И коня нет никакого. Прав Фома, нет никакого Арктурра. Фома и Веснухин – ложные близнецы-братья. Как Стравинские. Веснухина нет и Фомы нет. Вот и близнецы. Сколько таких Веснухиных да Стравинских в городах да пригородах мается слепотой да ложным сходством? Города да пригороды. Гроши да пригоршни. Фома. Нет, не Фома Веснухин, нет. Уж скорее я сам – Фома. Да только скажи мне о том, в небывалое смущение погружусь, еще чего доброго исчезну как вот теперь Веснухин.

В писании, разумеется.

Ненадолго конечно.

Исчезновения ненадолго утешают. Вообще утешение, так же как и великое утешение всегда дано, всегда рядом. Надобно только обернуться, наклониться, рассмотреть, услышать. Со стыда бы не сгореть как-нибудь. Утереться и забыть.

Доживем как-нибудь.

Если совесть не убьет. Проклятая.

Небо лучше всего наблюдать на дне кузова. Дорога рябая, спина рябая, а небо чистое-чистое. Утонуть. В небе утонуть. А просто утонуть? Вот опять. Утопление, утопленники – отвратительно же! Отвратительно, Бог мой! Котлет хочется. Желаний все меньше, с каждым днем все меньше. Сами желания меньше и проще. Скукоживаются. Фантазии просто

смешны. Никто бы не трогал и уже хорошо. Наказание эти четверги. На что они надеются, на что рассчитывают?

Нет, правда, на что они надеются? Суетсяя, в ладошки играют.

Нам генерал нужен. Непременно нужен генерал. Просто-ты необыкновенной. В мыслях, поступках. Кашу хлебать с нами, солдатиками, песни петь. Генерал, бывает, построжится, конечно, но с умом. А иначе как? Опять же у костра с нами погрееется, про войну расскажет, успокоит. Генерал нужен. На худой конец прокурор. Прокуроры, знаете, тоже разные бывают. Прокурор – не обязательно зверь. Зато порядок помнит. Когда требуется – брови сведет, когда нужно – надежду подарит. С хорошим прокурором можно и у костра посидеть и песню спеть. И не обязательно про тюрьму. Прокуроры от тюрем тоже устают. Войны не хотелось бы, откровенно говоря. Цезаря ждем, вот что! Не Нерона, а того, что постарше. Гая Юлия. С ним и выпить приятно, и умереть. Ибо мечта и величие. Без мечты и величия мы не можем. Без мечты и величия хандра и тревога нами овладевает. Ознобы начинаются, запои. Ибо римляне есмь. Хотя войны не хотелось бы, откровенно говоря. Нет? Цезарь, который Гай Юлий представляется мне юношей, вечным юношей с горячечным взором, большими ушами, вокруг губ юношеские прыщи. Как Фома. От обратного, понимаете? Фоме полная противоположность, а внешне – брат, близнец. Это – точная деталь.

Выдает во мне наблюдательного человека. Мы всегда ждем большего. Пацан, шкет, полон величия и смысла.

Случись Гитлера изобразить, я бы и Гитлера наградил теми же деталями.

Бывает, помотришь на фотографии – красавица первойшая, а придешь на свидание – уши, прыщи. Рассчитываешь спутницу жизни встретить, всем на зависть, придешь на свидание – а там Фома. Или Цезарь, полон величия и смысла. Хотя лично я от смысла всю жизнь бегал, как уж от сковородки. Результат неутешительный. Хвост обгорел. В порядке исключения. Разве что в порядке исключения. Заодно и похудеть. Цезарю бы конь Арктур аккурат подошел. И Цезарь Арктуру. Веснухина в цезари произвести, и все дела. Или Фому. Какая разница?

Нет, Веснухина люблю. Да и Фому.

В общем всех.

То и дело к Фоме возвращаюсь не просто так. В нем и вера великая и атеизм. Вроде бы такого сочетания быть не может, а если присмотреться – сплошь да рядом. Хорошо это или плохо? Хорошо, наверное. Признак кипения, безответной любви, жизни, словом. Вымирать не хотелось бы, откровенно говоря. По-моему рановато. Нет? Нет уж, ну их к бесу, лопоухих. Нет уж, мы как-нибудь сами по себе. Как-нибудь не заблудимся. Сами у костра посидим. А захочется пить –

и снежок пожуем, ничего страшного. Только бы без войны как-нибудь обойтись.

Снег как вата. Пешеходы, странники, гости. Ходят, ходят. И ходят, и ходят. Всё по кругу. Волооких много. Среди них очень много волооких. Зажмурился – шествие остановилось. Замер Рим. С Веснухиным недавно довелось выпить. Уже не тот кураж. Сдулся Веснухин. Стареет.

Все стареем понемногу.

Однако скоро весна. Скоро, скоро. Весна, лето, осень, зима. Ну? Счастье же? Сто грамм. Сто пятьдесят, и котлеткой закусить. Повседневность. Несомненно, свежая горчичка не помешала бы. Алешке радость. А вот женщину не потянуть. Уже не потянуть. Говорить придется. Говорить – такой труд. Удобно думать, что женщина теперь – только оболочка, а не сама женщина. Вот если бы летала, как у Шагала. А что, и летала! Лично я верю.

И ослики лиловые, и прочие тюльпаны.

В прошлом или в будущем, все – одно.

Ну? Хорошо же? Замечательно. Однако скучно бывает. Еще эти жалобы бесконечные. Жалобщики, жалобы. На что они все жалуются? Слушайте, они всё время жалуется. И я? И я. Всегда так было.

Иа.

Придут, явятся, постучат, и открою. Никуда не денусь. Придется открыть. Нет, кто бы что ни говорил, мы себе не принадлежим. Свобода – такая потасканная иллюзия. Червивая уже. Опенок. Сто пятьдесят и котлетку с горчицей. На левом боку лежать люблю больше, чем на правом. Это что-нибудь значит.

Это значит, слева что-то болит.

Что – не знаю.

6. Отступление. Звуки

Игорь Федорович Стравинский – другое дело.

Игорь Федорович – трубадур Его Величества абсурда.

Справедливости ради, абсурд он связывал со своим чувством веры. Ничего удивительного. Этому человеку, если он действительно человек, одному, пожалуй, была введена анатомия превращение змея в воздушного змея. Знал, может быть, видел.

А, может статья, и то и другое.

В этом смысле он – тень Лобачевского. Или наоборот. Суть дела не меняет.

Взгляните на его прижизненные портреты, и убедитесь. В особенности, когда он стоит вполоборота, подпирая ру-

ками поясницу. При этом улыбаться не обязательно. Не поленитесь, взгляните на его прижизненные портреты. После смерти, разумеется, другой коленкор. Но следы мотыльков, если присмотреться, обнаружить можно. Тех самых, что оберегают избранных от случайных людей. Во двор к избранному глухой или темный почтальон не забредет. Там, где все мы окажемся раньше или позже, условия, должно быть, прекрасные. Но, кто его знает, как оно будет на самом деле?

По идее, своими смычками и бархатной близорукостью Стравинский заслужил безмятежности. Своими несказанными ливнями и пиццакато. Но, кто его знает, как там оно обстоит на самом деле? Об этом только сам он может поведать.

Что же, будем ждать.

7. Дитгер. Фома

Раз уж речь зашла о Фоме...

Нет, не так.

Чтобы, наконец, отвязаться от Фомы, что лезет в голову то и дело...

Не то.

Отнять у него зеркало, и дело с концом.

Нет.

Раз уж речь зашла о Фоме...

Раз уж речь зашла о Фоме, неплохо было бы узнать, откуда он вообще взялся, этот Фома. Кто его вспомнил, когда, в связи с чем, по какому поводу, как, почему и зачем?

Уже пытался обосновать, но, кажется, невнятно.

Первым в обозримом прошлом Фому упомянул уже знакомый нам профессор Диттер, зонт Диттер, вечный оппонент Стравинского С. Р., зануда и умница. В очередной раз нацелившись на дискуссию, он прямо так и объявил, – Сдается мне, высокоуважаемый Сергей Романович, что никакой ты не агностик, а самый, что ни на есть Фома, и больше ничего. Сказал с чувством, практически взорвался, точно испытал шок или апоплексический удар.

Ввиду того, что заявлению профессора предшествовала исполненная мыслей и ловушек липкая тишина, взрывная волна заставила и всех четвержан испытать нечто подобное. Тысячи молоточков забарабанили по их головам, тысячи иголок прошлись по их спинам. Хотя тирада Диттера, в сущности, не содержала ничего нового (неугомонный спорщик неустанно уличал Сергея Романовича во лжи и самозванстве) на сей раз ужас и озноб на мгновение поразил всех присутствующих.

Всех, за исключением самого Стравинского. Сергей Романович оставил без внимания примечание Диттера до такой

степени, что в пору было задуматься, уж не оглох ли хозяин часом?.. До такой степени, что в пору было задуматься, уж не уснул ли хозяин с открытыми глазами часом? что случилось и прежде, и не редко, и во время жарких дискуссий в том числе.

Невозмутимость агностика сродни чугунной заслонке, а также вечной мерзлоте, несомненно, достойна песен и легенд.

Нужно знать профессора. Другой бы на его месте продолжать не стал. Какой смысл? Другой непременно махнул бы рукой, нашел более сговорчивого собеседника, быть может, даже покинул бы собрание. Другой, да только не зонт. После воцарившейся прогорклой паузы вопрос прозвучал во второй раз, теперь уже с металлическим привкусом приговора. Вновь тишина. И вот, когда надежды не осталось, и Диттер начал было подумывать о том, а не напиться ли ему сегодня в асфальт, как будто сотканный из тусклых нитей многозначительного молчания материализовался чуть слышно глас хозяина, – И что тебе Фома?

Голос был действительно слаб и глух, точно из-под одеяла. Неужели действительно спал?

Сергей Романович, уловив всеобщую растерянность, прокашлялся и повторил еще раз, теперь громче, – И что тебе Фома?

И добавил, – Фома-то чем тебе насолил? скажи, скажи, любопытно все же, так уж скажи, скажи уж, друг, будь другом все же, скажи, раз уж объявил, любопытствую, позволь полюбопытствовать, Фома-то чем тебе насолил?

Профессор, не ожидавший такой пирамиды, такой вот пирамиды, такого восхождения, такого разворота событий, и вообще каких-либо событий, возьми, да и ляпни... сдается, ляпнул первое, что в голову пришло, – Разграбление значений.

Вот как!

Что же Стравинский? Сергей Романович, несколько не смутившись, парировал, – Требуется пояснений.

Ну, теперь держись! Ах, как люблю я дуэли этих достойнейших мужей, где интеллект уступает интуиции, а смысл теряется в догадках!

Итак, Стравинский пошел в наступление, сомнений нет, – Требуется пояснений.

– Согласен.

И здесь же, после незначительной паузы наотмашь, звонко, сочно, опытный боец, – Да только со свиста не пою, не умею!.. И не желаю!

Бац!

Так. Что Стравинский? А Стравинский... Ну, Стравинский – Талейран, Спиноза, Макиавелли, братец Лис, – Мое

почтение, профессор.

Прямо скажем, неожиданно.

Но Диттер уже на коне. Крепок в седле своем, зонт, пятёрня и циферблат, – Разграбление значений. И смыслов. Занимаешься грабежом смыслов, вот чем ты занимаешься. Хочешь знать, чем ты занят? теперь и всегда? Изволь. Разграблением значений. И смыслов. Под личиной отсутствия. Близкий фат, безмолвный резонер. Ноль и зев. Как результат – сами стихи, если уж тебе так хочется стихов. Стихи тонут, лишённые опоры... Нет? Так укажи нам ту опору, нам, стихам укажи! если ты на самом деле так хорош, как кажешься, если в действительности так хорош, как хотелось бы тебе, да, чего уж там? всем нам хотелось бы. Не скрою, скрывать не стану, не станем. Чего уж, когда любовь? Любовь, как и глупость, скрыть невозможно. Укажи, окажи любезность... Укажешь – взойдем на твой корабль. Оно и так, конечно, взойдем, уже на корабле, но как-то дураками слыть не хотелось бы, положи руку на сердце... Только щеки не надувай, это тебе – не паруса. Напоминаю, если подзабыл, причина бездыханна, воздуха не приемлет.

Сильно.

Стравинский как будто утомлен, кажется, заскучал, кажется, еще немного и зевнет, только бы не уснул. Прием такой. Опытный оппонент. Говорю же, Цицерон и Демос-

сфен, когда не спит, только бы не уснул. Тишайшие, шуршащие, змеиные нотки, отвечает, – Велеречив. Велеречив ты, Диттер, не замечал? Велеречив. Именно так. Дурной знак. Дедушкин табак. Гриб. Как есть гриб. Дедушкин табак. Пнешь – облако дыма. Пыль. Мук’а. М’ука. Нет, вижу, не готов ты к беседе, брат Диттер. Вижу, не готов, нет, нет, и не возражай. Вижу. Сплю, но вижу. Не сплю, не думай. Зачем всё это? всякое такое, все эти построения, редуты, вся эта конница, вся эта рать? пыль, хлопоты? Или давно не слышал моего кашля? Скучно стало? признайся. Не знаешь, как побороть притяжение? как со сплином справиться, недержанием, мелочевка карман тянет? Скучно тебе?.. Хочешь рецепта? Изволь. Не скучай, и дело с концом. Ты же не болид, в конце концов?

– А хоть и болид!

– Не скучай, и дело с концом.

– А хоть и болид!

– Займи себя чем-нибудь. В самом деле, займись грибами, разводи, лелей. Все – жизнь. А на сопротивлении истину не сомкнуть. И не удержать. И сталь не выдержит, лопнет.

– Сталь выдержит... А ты – грабитель. Не думай, что грабеж приличнее воровства. Маскулинность в данном случае не играет. Не волнуйся, память расставит фигуры – и коней, и агнцев... Скажи, Стравинский, только честно, у тебя не возникает потребности признаться?.. А хорошо бы, надо бы. Не обязательно прилюдно, с учетом физиологических

особенностей. В твоём случае можно и в спальне. У комода. Комод как барьер. Нет?.. Имей в виду, разговор серьёзный. Это – не то, что поссорились на почве или на танцах. Тут не дуэлью, Полыню пахнет, звездой... Грабишь, грабишь, и знаешь, что грабишь... хотя боишься в том признаться. Возможно, что и себе самому... Ведешь себя в точности как Фома... Что за Фома? Какой Фома?.. Уж не тот ли Фома? Откуда Фома?.. Да вот из того самого мешка, где кот собаку съел. Впотьмах. И не одну, за столько-то лет. Вот какой Фома, и вот откуда Фома... Сколько лет мы с тобой знакомы? А ты всё обезьянкой со своим зеркальцем кольца навёрчиваешь. Не видишь пародии, сходства, хохмы, так сказать? общего знаменателя?.. Не видишь или не желаешь видеть? Просто хочется понять, как говорится, степень твоей подмоченности.

– Кем говорится?

– Не перебивай, заклинаю и упреждаю.

– Очень нужно мне тебя перебивать. Мне бы только восстановить последовательность. Не из праздного любопытства, дабы проникнуться и участвовать. Ты сам должен быть заинтересован, если, конечно, хочешь развития.

– Что хочешь ты восстановить?

– Говорю же, последовательность... Значит так, был Фома, так?.. затем кот, собаки, и те и другие в мешке, так? дальше – обезьянка с зеркальцем. Ничего не путаю?

– Всё так.

– Теряюсь немного. Надо бы как-то их связать.

– Все намертво связаны. Знаменателем. Я объявил, но ты невнимательно слушал. Не желал услышать.

– Знаменатель – это для нас с обезьянкой.

– Не только.

– Пусть, не возражаю. А что делать с самим мешком? Сдается мне, сам мешок играет немаловажную роль. С одной стороны как среда обитания, микрокосм, а, с другой стороны, как способ и, если угодно, идея. Уж если говорить о предмете нравственности или безнравственности, если всерьез готовиться к выводам, анализировать тех или иных участников, равно как и события, намеренные и непреднамеренные вне контекста, то есть мешка, невозможно.

– Хочешь все усложнить? Запутать? Не позволю. На самом деле всё очень просто. Я бы даже сказал тривиально просто. В мешке кот и собака. Выживают, насыщаются и гибнут одновременно. Своего рода Рим.

– Поздний Рим.

– Хорошо, поздний Рим. Но Рим. Разве имеет значение, где? на Апеннинском полуострове, в сумерках или в мешке?

– Стало быть, обезьянку с зеркальцем ты оставил за скобками? Они-то чем тебе не угодили?.. Что молчишь? Как быть с обезьянкой и ее зеркальцем?

– Да вы все – родня. Все на одну мордочку, всем зеркальца розданы. Однажды и навсегда. См’отритесь, не можете глаз отвести... Ты не думай, я – не в осуждение. Смотришь себе,

на здоровье. Только зачем, в таком случае, создавать видимость? Собрать собрание? Тут уж что-то одно – либо ты нам явлен, либо себе любимому. Или, как говорится, надень штаны, или сними капюшон...

– Ага, капюшон! Не обошелся-таки без мешка! Выходит, мешок не случаен? Зачем пытаешься его спрятать? И кого, и что еще пытаешься в нем спрятать? Сдается мне, не всех ты перечислил. Кого еще не перечислил ты?

– Мы все перед тобой.

– Мое почтение.

– Ты меня прости, Сергей Романович, но иногда складывается впечатление, что мы здесь лишние.

– Мое почтение.

– Ты же нам не доверяешь, тяготишься в точности как Фома.

– Ага! возвращаемся к Фоме?

– Возвращаемся.

– А вы, собственно, кто будете, и много ли вас? добрый вечер.

– Знакомый мотив... Наигрываешь агностика? В несознанку пошел, называя вещи своими именами? Всё тот один мотив несокрушимый. Централ? Пустеющий вокзал? Хочется спросить, не узковат коридорчик? Не темен ли?.. Что же, право твое... Жестоко, конечно, но, что сказать, ты прав. Можно, конечно, прогнать оленя, истосковавшегося по соли. Почему бы не прогнать? Он невнятен, рогат и дик. Мо-

жет быть, и нужно гнать их в леса их и тундры их... Прав, прав. В конце концов, мы сами к тебе приходим. Кстати, зачем, не знаешь? Слушать биение собственных сердец? Сокрушенно качать головами в такт твоей заунывной песне? Цокать языками?.. А, может быть, погреться с мороза? *А ну, налей-ка, Роза, я с мороза...* Оперетка? Попить чайку? Вином баловаться? Так на то масленица, да гусары. Тебе-то зачем, когда у тебя вечный пост?.. Слушать мертворожденные стихи? А, может быть, знакомиться? Так мы уже давно все перезнакомились. Толку, как видишь, мало... Я всё понимаю, ты устаешь от мыслей, но здесь как говорится, прохожих, попутчиков и случайных людей не бывает. Все в раздумьях, все постичь желают... Между тем, напряжение растёт... Не хотел говорить, ибо зол на тебя, но, будучи честным человеком, исследователем... прежде всего честным исследователем... не могу удержаться. Готовь футляр. Новость. На самом деле никакая не новость, но для тебя, возможно новость. Скверная новость, чудовищная... Готов?.. Небо, Сергей Романович, стремительно опускается на землю... Так что времени у нас в обрез. Всякий четверг может оказаться последним. А ничего, в сущности не решено... Вопросы не заданы, ответов, разумеется нет, и быть не может... Что, не удивлен?.. А, может быть, это и есть твоя цель?.. Ты вообще в курсе, что происходит?.. Какое тысячелетие, устами классика, какие факты и артефакты?.. Молчишь? Тебе милее отсутствие как таковое?.. Молчишь?.. А, собственно,

по какому поводу молчишь?.. Какая независимость, какой независимый вид! Даже завидно. При таком-то хрупком сиянии... Демонстрируешь цельность? Или целостность?.. В наше время?.. А, может быть, ты действительно тот, кто поведет нас? Бытует такое мнение. Мне лично эта затея кажется смешной, до колик, до самоизвержения, но мнение бытует... Что же, выходит, на то есть основания. Приходится вникать... Ты меня прости, Сергей Романович, но иногда складывается впечатление, что тебе ведомо нечто такое, о чем ни мы, ни ты сам не догадываемся... И у меня, не скрою, складывается такое впечатление. Как видишь, и я не лишен сомнений, хотя борюсь с этим неустанно. Почему, собственно, и пришел... И пришел, и говорю... Поверь, молчать мне было бы намного удобнее. Намного... И приятнее, если угодно. Но, видишь ли, не могу молчать, так воспитан. Во многом самим собой... Слишком много ложных мыслей и поступков вокруг. Ложный человек Фома, если он вообще человек, другие ложные люди, ложные люди, животные, птицы, мир наизнанку... зеркальце кривое... Кривое? Кривое. Надеюсь, кривизна зеркальца не вызывает у тебя сомнений?.. Молви хоть слов! или уж умолкни навсегда!

– Ты страстный, Диттер!

– Я страдаю.

– Сомневаюсь. Врешь. Все врешь... Позволь напомнить, у всякого зеркальца три стороны: Фома, его отражение и его тень... Кстати, раз уж ты пригласил Фому... Кстати, где он?

хоть бы краешком глаза взглянуть...

– Ты – Фома, Стравинский, ты.

– Фомы не будет?

– Не юли. Не нужно прикидываться дурачком. Ты и есть

Фома.

– Кто?

– Фома.

– Не Веснухин?

– Что?

– Нет, ничего, это я про себя.

– Ты – Фома, Стравинский, ты.

– Не думаю... Достоин ли?

– О достоинстве ты говоришь? Или мне слышалось?

– Нет, не он, все же не он, не думаю, что он... И звать меня иначе, и внешне не похож... Нет не Фома... Немного сомневаюсь, конечно, но нет, не он... Я – хороший, не спорю, но он лучше. Если вообще не лучший. Пойми, Диттер, он больше всех чуда хотел. Он его, чуда, потому и боялся, потому и проверить хотел, перста вложить – боялся. Знал, если чудо подтвердится, он тут же умрет. От разрыва сердца, от счастья умрет. Не перенесет восторга. Зрячим-то он один был, потому трепетал, а товарищи его слепы, потому шагали уверенно. С котомками и думами. Нет, без дум, только с котомками... Не бездумно, но без дум... Понимаешь, нелегко любить безнадежно, тайно, но заполучить взаимность – это уж совсем непосильная ноша. Этот урок мы с Фомой на «от-

лично» выучили. В этом, да, мы с ним похожи. Хотя имена разные. Можно, можно перепутать. Так что ты меня опять не удивил. Я ведь тоже чуда боюсь. Чуда, красоты. Зеркальцем от радости отгораживаюсь.

– Зеркальце – метафора.

– А у меня и настоящее зеркальце есть. А вот хвоста нет. Жаль. Не вырос пока. Но мне бы хотелось иметь хвост. Только это должен быть мой собственный хвост, а не тот, что ты мне придумашь. А знаешь, почему? У тебя мысли сухие. Как твой зонт, как сам ты... Если честно, от зеркальца устаю. Никак не могу представить, что физиономия моя может кем-то восприниматься как чужое нечто, чуждое. Вот ты об этом не думал, а я все время думаю. Это тяжело. Чужой, чужое. Физиономия, сам я. Кому-то может показаться, например, что от меня несет псиной. Почему нет?.. Или, наоборот, благовоние. А я, скажем, в этот момент страдаю, спина у меня болит. Котомка тяжелая и думы тяжелые, уж никак не до улыбок или рукопожатий. А то вдруг обниматься начнут, нацеловывать. От избытка чувств или по случаю... Так что, как видишь, в мешке спокойнее.

– Это, пока он не клюнул.

– Кто?

– Петух, кто же еще?

Стравинский торжествует, – Вот кого ты прятал! Вот и открылся... Сколько раз говорил тебе, не спорь, сердце попусту не торопи – не ровен час загонишь младенца. Он-то в чем

ВИНОВАТ?

Всё. Диалог завершен. Дальше тишина.
Как у Шекспира.
Что скажете? Разве не чудо?
А Фому узнали? раз уж речь о Фоме зашла.

8. Октябрь, ноябрь. Исакий

*нанизывая ветхие вольнка локоны поклоны
сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
нанизывая пластырь перечный пожары псы
сарайка сор сарай нанизывая ночь сарай корабль
скрипеть и плакать дурачки но солнце
поклоны дурачки скрипеть и плакать
но только не аккордеон и не гербарий умоляю
но не любовь любовь но без любви особой
попозже или ветер или никогда или оконца
горчица ожидание желток горчица что угодно
желток но только не аккордеон
но только не гербарий умоляю
октябрь ноябрь сентябрь октябрь
ноябрь сентябрь неспешно локоны поклоны
так гамма день за днем и день за днем
нет тишина как будто навсегда как будто
не ночь но псы молчат немые псы*

и медный жук уснул
уж медный жук уснул без солнца
уж не храпит жук не храпит без солнца солнце
уж медный таз где было вишня раки и мизинец
пропал сожжен в шоле далеко без солнца
давно в шоле в жизни той где грело солнце
где солнце грело все сожгло дотла и радость
так называемый народ и раки и мизинец

теперь сентябрь октябрь ноябрь
теперь роток под корочкой слюда теперь родимец
поземка уж струился к солнцу и замерз
струился полоз запятая середина жизни
о сколько запятых и дён в той ленте пестрой
напоминаю не аккордеон и умоляю
хотел согреться но не смог
теперь согреться очень сложно
точнее не успеть такая осень
пусть не всегда но так случается поверьте
и не такие чудеса поверьте
все хоть волынка хоть собаки все молчат
молчат такое впечатленье
и локоны пожалуй и волынка
стон не был или был безвстие известка
безвстие известка сердцевина зябко
перчатка без руки струился без руки перчатка

по осени прозрачная где все прозрачно
рука перчатка яблоко прозрачно
надкушенное яблоко ноябрь поминки
поминки лепестки бесчисленные лепестки стрекоз
известка бесконечные поминки
посередине по краям посередине
старуха тлеют окна созерцанье
старухи в окнах лепестки стрекоз
старухи на просвет беспомыслие и созерцанье
сокровище благих и созерцанье
сквозной со свистом на просвет сентябрь
или без свиста псы немые немота
сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
ветшают песни на ветру старухи знают
и птицы знают немота не помнят знают

окно где гаражи и лужи в нотах и в дымах вольнка
и капли будущей зимы на окнах со слепыми
подслеповатыми спросонья
подслеповатыми по жизни в ожиданье чая
подслеповатыми без дён и красоты
без дён без красоты вольнка но молитва
безмолвная ютится в лампе красота
молитвою и локонами красота
холодная вольнка радость и болезнь
минутах в десяти ходьбы Исакий

как будто Петербург как будто в керосине
как в синьке в синем как во сне Исакий
как с Петербургом жить неизлечимая болезнь
весь ужас красоты и мед сочится
сочится все равно не помним знаем
мы ничего не знаем вот беда
глота горечь тополей прощание неволя
катится бешеным клубком невольно
по воле провидения катится нежность
но нежность вот ведь все равно невольно
Граф Найда Козлик Серый их кормилица и нежность
псы Козлик Серый их кормилица и нежность
сентябрь октябрь ноябрь в дымах и нотах
что сумасшедший вихрем в комнате пустой
катится шерстяным клубком невольно
катится шерстяным клубком невольно
катится сам сидит недвижим
на табурете у окна недвижим
на подоконнике сидит недвижим
стоит облокотившись надо бы побриться
согреться чай простуда полотенце
стремительно летит струится
стремглав в январь или февраль чем плохи
молитвы календарные хоть плач хоть слабость
а полотенце вафельное и окно немывто
давно беда но мы не замечаем

не бритва ж резать вены и цветы
в конце концов а лунный взор старухи
корабль в конце концов октябрь
кораблик не корабль пусть пряник
медовый корка хлебная а бритву
оставим февралю окно где гаражи
оставим чтобы потерять в сугробе
там в феврале на станции в сугробе
в сугробах псы не замерзают
ни Граф ни Козлик ни медведица большая
не мерзнут хоть зима что хорошо
не мерзнут хоть трицет мороз
мороз трицет а псы не замерзают
псы и медведица и тот родимец
и прочие по окнам созерцанье
подслеповатые по окнам созерцанье
так называемый народ застыл по окнам
нанизывая улей и вольнка
застыл хотя улыбка допустима
пусть улыбается хотя прохладно
хотя прохладно и молчит Исакий
сентябрь октябрь ноябрь сентябрь
дожить до февраля а там уж плакать
сибирский город Петербург

9. Побег. Агностик

К лучшему, – сообщает по пробуждении Стравинский С. Р. пожирающему прямо в кастрюле колючий плов Алешеньке. – Надоели хуже редьки.

Алешенька будто и не слышит Стравинского. Будто не слышит или на самом деле не слышит. Не может оторваться от плова или обижен.

Или от плова оторваться не может.

Стравинский не оставляет надежд разговорить гуманоида, – Долго я спал?.. Я спал?.. Долго спал?.. Непостижимо... Остановись. Плов холодный, будет болеть желудок. Обижайся, сколько хочешь, кунсткамера закрывается. Четвергов больше не будет. В добрый путь... Разогрей плов, тебе говорю... Обленился ты, брат Алеша, еще хуже меня сделался... Пойду, пройду, что-то муторно мне. Слышишь меня?.. Пойду, куплю котлет, к котлетам что-нибудь. Хочешь чего-нибудь?.. Что хочешь?.. Котлет хочешь?.. К котлетам что купить?.. Хочешь чего-нибудь, спрашиваю? В конце концов, я не обязан возиться с тобой. Кто я тебе, мама? Кто я тебе, папа? Кто я тебе?.. И кто ты мне?.. В добрый путь... Они ушли, как думаешь? Четвержане ушли?.. Вообще кто-нибудь приходил?.. С улицы гарью тянет, значит, приходили. И горсточка ванили... Не смешно и мимо смысла. А рифма хорошая. Нет?.. Нет. Плохая рифма... Сержусь. Это я уже сержусь... Эй, ты почему молчишь? Ты живой?..

Сергей Романович подходит к кастрюле, заглядывает в нее. Ни плова, ни Алешеньки. С грустью констатирует, – Что и требовалось доказать.

Стравинский нахлобучивает куцее свое пальто, натягивает лысую свою шапку, на мгновение замирает в дверях, – Закономерно и к лучшему. Лучше не бывает. Теперь что-нибудь перекусить. Пища – вот привязанность, а порою страсть. То-то они всё о хлебе. И только свинья сокрытым благородством своим...

Не успевает закончить фразы – в дверях сталкивается с запыхавшейся Юленькой Крыжевич. Про себя Сергей Романович называет ее Евгенией Гранде в память о Евгении Гранде. Ну, да вы помните, я уже приводил это сравнение. И очень рад, что не ошибся в своем наблюдении.

Щеки Евгении пылают, – Как всегда опоздала, Сергей Романович.

– Что так?

– Ждала до последнего, Сергей Романович.

– Не сомневаюсь.

– Бежала от отца, Сергей Романович.

– Зачем?

– Сама не знаю. Ноги сами понесли, Сергей Романович.

– Жаль отца.

– Почему?

- Дочь потерял.
- Какую дочь?
- Тебя.
- Ах, да, конечно. Но я найдусь, и он утешится.
- В добрый путь.
- Спасибо.
- А ты запыхалась.
- Спешила, Сергей Романович.
- Куда?
- К вам, Сергей Романович.
- Зачем?
- Сама не знаю. Ноги сами понесли, Сергей Романович...

От отца я убежала.

- Зачем?
- Хотелось бы пофотографировать, Сергей Романович, немного, Сергей Романович.
- Кого?
- Вас, Сергей Романович.
- Зачем?
- Вдохновение.
- Что?
- Как будто вдохновение посетило, Сергей Романович.

Мы с отцом долго ждали.

- Меня?
- И вас и вдохновение.
- Зачем?

– Я не знаю. Отец знает. Но я от него убежала. Я прежде к личинкам склонность имела, о раковинах подумывала, а теперь вот ваш образ вдохновил. Вот, сбежала от отца. Как маленькая.

– Зачем?

– Не знаю. Захотелось пофотографировать. Вдруг.

– В добрый путь.

– Спасибо.

– Потеряет тебя теперь.

– Захотелось пофотографировать. Вдруг. Такого со мной давно не было. И вас долго не было. Но я знала, что вы вернетесь. Отец повел меня домой. А я знала, что вы обязательно вернетесь. И мне вдруг очень захотелось пофотографировать. А отец все время учит меня тому, да сему. Сама не знаю как, но я убежала. Ноги сами понесли. К вам. Сергей Романович. Хотелось. Очень. Это вдохновение, Сергей Романович? А вы в шахматы играете, Сергей Романович? Шахматы любите? Я всех чемпионов мира знаю наизусть. И героев античных. Это так, к слову. Сама не знаю, зачем сказала.

Стравинский некоторое время молчит, смотрит сквозь Юленьку-Евгению, пытается осознать происходящее, понимает, что сие выше его сил, – Пофотографируй, раз хотелось. А я пойду. Что-то муторно мне... Куплю котлет на всякий случай. К котлетам что-нибудь... Только бы положили в бумажный пакет. Терпеть не могу целлофановых пакетов.

В целлофановых пакетах у котлет телесный вид. Пальчики, да ладошки. А тебе, как фотографу, небось, того и надо? Ну-ну, не тушуйся. Шучу. На самом деле мне нравятся капельки на фотографиях. Когда портреты испариной покрыты. Как бы испариной. Фактура!.. Впрочем, я ничего в этом не понимаю. Боюсь – ты тоже. Прости. Шучу. Ну-ну, не тушуйся. Что-то шутки сегодня не слушаются... Чувствуй себя как дома. Можешь прибраться или помыться. Чуть не ляпнул «побриться», вот бы хохма получилась... Вовсе и не хохма. Позор и всё. Приехали, как говорится. Что-то слова сегодня не слушаются... Похмелье – такая штука... Еще Тамерлан с утра запутал. Путаник этот Тамерлан... Захочется выпить – ступай к нему в катакомбу. Здесь рукой подать... Просто представься и всё. Фотограф, скажи... От Стравинского, скажи... Да я сам там буду скорее всего... Пойду, зайду. Надо, надо, чувствую... Соскучился. Только что расстались, а я уже скучился... Предчувствую коньяк... Предчувствие коньяка. Неплохое название. Для чего?.. Не знаю. Просто название. Дарю... А хочешь, оставайся. Приберись или помойся... Слоников посчитай, Валя Койкин приволок... Любишь слоников? Небось об Индии мечтаешь? Ты в Индию-то не спеши. К Индии готовиться нужно. Любишь готовиться? – Очень, Сергей Романович.

– Вот и хорошо. Располагайся. Будь как дома. В добрый путь. Да это и есть теперь твой дом. Надо же, и не заметил, когда переехала. Шучу. Фотограф в семье – первое дело. Се-

мьей жить будем, счастливой семьей. Шучу... А вообще, семья – счастье... Согласна? Не согласна?... Оставайся, живи. Если ты не против, конечно. Хотя бы на то время, пока меня не будет... Поживи по-семейному. Хотя бы пока меня не будет. У меня слоники, другая всячина... Я же знаю, что ты о семье мечтаешь. Поживи, пофотографируй всласть... Вернись – пообедаем... Ты свободна, я свободен. Два свободных человека. Редкость... Счастье обретем.

– Ах, Сергей Романович!..

– Шучу... Все время шучу. Безо всякого желания и удовольствия. Я – сам по себе, шутки сами по себе... А ты располагайся. Это уже кроме шуток. Можешь прямо на полу. Я, например, сегодня на полу спал. Алешенька пропал куда-то, так что прятать мне от тебя некого... А ты чего пришла-то?

– Вас хотела пофотографировать.

– У меня еще слоники есть. Антиквариат. Роскошь. Валя Койкин притащил. Где нашел, ума не приложу. Он всякое такое любит. И меня пытается приучить. Якоря, говорит. Какие якоря? Не знаешь?

– Я, если честно, античных героев предпочитаю. Я, Сергей Романович, вас хотела пофотографировать.

– В добрый путь... А ты видела слоников-то?

– Вас, Сергей Романович, вас именно. Пофотографировать. Пару снимков, не больше.

– Да хоть десять. В добрый путь. Я тебя люблю. Ты красивая женщина – большой рот у тебя, и вообще.

– Это после пластики.

– С Юльки Крыжевич пример не бери. Она над собой всякое такое творит, слышал, уши поменяла, а счастья, видишь, все меньше. Прорва нарастает. В мою сторону уже не смотрит. По-моему, вообще уже не смотрит. Так что ты с нее пример не бери.

– Так я и есть та самая Юлия.

– Нет, ты – Евгения. Гранде.

– Ужасные вещи вы говорите... Простите, мне что-то не по себе.

– А ты меня не слушай. Это тебе только кажется, что это я с тобой разговариваю. На самом деле ты сама с собой разговариваешь.

– Не буду.

– Я люблю, когда большой рот. Зубы на солнечной стороне. Всегда. Редкость. Потом, ты уважительная, мне показалось. Всегда по имени-отчеству обращаешься. Я замечаю. Всегда по имени-отчеству.

– Это, что бы вас, в свою очередь, не перепутать.

– С кем?

– С композитором.

– С которым из них?

– Со Стравинским.

– А, ну, да, конечно. Логично. Вообще тот Стравинский умер давно. А ты за словом в карман не полезешь. Тотчас ответила. Люблю. Ценю. Оставайся Евгенией. Тебе идет.

– А вы, правда, полюбили меня, Сергей Романович?

– Я всех люблю. И тебя люблю. И жалею всех. Отца твоего жалею. И не потому, что ты убежала, а вообще. Вот композитор Стравинский, тезка мой, умер – я и его жалею. А был бы и жив – все равно пожалел бы. Тезки – это знаешь, это неспроста, тезки эти. Что-то же хотел сообщить нам этим? Кто-кто? Никто, не важно. Ты думай все же, пытайся думать, хотя бы иногда. Отец – это хорошо, даже здорово, но самой пораскинуть мозгами тоже не мешает иногда. Вот Стравинскому, я имею в виду композитора, ему можно было и не думать. У него функция другая. Он вообще не человек, только с виду человек, а по сути... волна. Не волна, но что-то такое, зыбкое. Ветер, что ли. Ветер, скорее всего. Ветер тоже разный бывает. Бывает, ни цвета, ни запаха, даже движения воздуха нет, а все равно ветер. Такой вот композитор. Умер. Во всяком случае, так порешили. Ну, как решили, так и решили. Я им не судья. Я вообще – не судья. Бог им судья... Иногда думаю, а как бы я поступил на его месте?

– В каком смысле?

– Во всех смыслах. Мы с ним похожи, очень похожи, я видел портреты. Портреты, фотографии. Интересовался. Зачем? Ума не приложу.

– Не о композиторе я хотела говорить и не его запечатлеть. Он запечатлен навсегда. Самим собой запечатлен, собственным образом запечатан.

– Скажи, то, что у тебя со ртом...

– А что у меня со ртом?

– Эта пластика? Это как-то связано со страстью к фотографированию?

– Нет.

– Хорошо. Очень хорошо. Не впадай в зависимость. Никогда.

– А как же агностика? Я к агностике всей душой прикипела. К агностике и к вам, Сергей Романович.

– Агностика – другое дело. Агностика бесстрастна, ибо непостижима. Прямой и канонической не имеет. Как будто не существует. Мы уверены, что она есть, даже чувствуем ее, но узнать, распознать не можем. Легкость, озон, понимаешь. Агностики – самые свободные люди на земле. Потому что мы как будто присутствуем, ходим, разговариваем, какие-то работы работаем, а с другой стороны, нас нет. При встрече не узнаем друг друга. Делаем вид, что узнаем, а на самом деле полный туман. Не туман – озон. Понимаешь?.. А к слоникам присмотришься. Хороши слоники. Теперь таких нет. И раньше не было, а теперь – и подавно.

– Я вас, Сергей Романович, фотографировать хотела, вас, и больше никого... А вы уходите. Я близка к отчаянию, если честно, и если вам интересно.

– То, что ухожу, это ты верно подметила. Уходящая натура. Так, кажется, фотографии говорят?.. Да, ухожу. Да, грустно. Что скрывать? Но, поверь, милая Евгения, это не имеет никакого значения. Просто поверь. И потом, ты же планиру-

ешь рано или поздно стать агностиком? Как я, как все мы? Хотелось бы тебе, кроме фотографирования, сделаться еще и агностиком, как я, как все мы? Прошу, будь откровенна.

– Хотелось бы.

– Тебе и карты в руки. Кстати и карты там, на полочке, подле слоников. Знаешь, что на картах императорская семья изображена? В маскарадных костюмах. Позировали незадолго до революции. Вот и революция. Любопытнейшие вещи происходят вне нашего сознания и понимания. Казалось бы, руку протяни – сколько ответов на самые витиеватые вопросы мироздания. Да только руку-то протянуть – не фокус. А ты попробуй удержаться, не заметить, пройти мимо. Это – волю иметь надобно. Терпение. Терпению всю жизнь учимся. Вот у меня друг Тамерлан, дворник. Всю жизнь терпению учится. А я у него учусь. Чего это ему стоит делать вид, что он дворник!.. А я? Ты думаешь, я – это то, что ты видишь и слышишь? Если бы так! Мы совсем не те, что есть. Мы – другое... Думаешь, к пьянству привязан? Рад бы привязаться. Подумай. О себе, обо всех нас хорошенько подумай. Вот сейчас самое время. Здесь отвлекать тебя никто не будет. Надеюсь. Очень на это рассчитываю. Прости, опаздываю. Котлеты разберут... В добрый путь.

10. Тамерлан. Терпение

Котлеты разберут раздается уже с лестницы. Дальше –

МЫСЛИ ВСЛУХ.

Мысли вслух – конек Стравинского С. Р. Вообще у Стравинского всё – мысли вслух, и всё – конёк. Даже когда Сергей Романович будто бы участвует в диалоге, на самом деле разговаривает сам с собой, что вообще характерно для агностиков и психиатров, если в качестве прототипа психиатра использовать Ивана Ильича.

А кого же еще использовать, коль скоро роман о Стравинском?

Счастливая мысль, – бубнит Сергей Романович. – Счастливая мысль пойти за котлетами, но не ходить за котлетами, ибо... что? Ибо Тамерлан. Что Тамерлан? Где Тамерлан? Ушел наверняка. Куда? За котлетами. Как пить дать ушел за котлетами. Куда еще идти Тамерлану? Если Тамерлан ушел за котлетами, зачем мне идти за котлетами? Вот смеху будет, если я отправлюсь за котлетами, и Тамерлан отправится за котлетами. А к котлетам что? Уж он знает. Лучше меня знает. Заметный кулинар. Кулинар – Тамерлан. Знатная рифма. Что подтверждает мою извечную правоту. Что получается? Ушел от Тамерлана – пришел к Тамерлану. Что получается? Опять кольцо получается. Вот как с Нероном. Но этому зонту Диттеру невозможно же ничего доказать! Расскажи, как оно есть, разверни цепь событий от Тамерлана до Тамерлана – всё одно, не поверит. Выдумал, ска-

жет, придумал, наверняка куда-нибудь, да заходил. Законченный негодяй и зонт! А Тамерлан – кулинар. Всем кулинарам кулинар! В добрый путь... Уж он-то, Тамерлан-то всё знает – какие котлеты, что к котлетам, и есть ли вообще в них смысл и содержание, в этих котлетах. Тридцать семь, двадцать четыре... допустим... всего пятьдесят три ступеньки... еще бы... два, один...

Всё. Двери враз, вдрызг, вразлет, вразнос, вдребезги!

Вот пошел, идет, пошел, по снегу пошел, шаги круглые. Сопит, шагает, сопит, шагает. Вой, свой, сипеть, сиплая, вой, мел, вой, волки, мел, меловое, морок, морока, колетса, колетса, лютует, тушит, тает, тушит, из-за, из, известь, свист, присвист, в сон, в сопло, в топку, в сон, вот, вот, в топку, в соль, самое соль, в соль, слеп, слепая, слепень, белые, слепни белые, мать, матушка, коса, соль, дышать, дышать, мачеха, хохотунья, дышать, не дышать, ха, хочет, хохочет, сипеть, сиплая, си, огонь, слепая, слепая, вьюга слепая, вьюга, вьюга, вьюга. Вьюга, одним словом. Си, старухи, шали, пеленать, шали, жаркие, жар, си, сидят, сиднем сидят, сиднем, семечки, коконы, семечки, шаль, белые, белые, известь, весть, дырочки, три, три дырочки, ротки, рот, роток, ба, бабы, снежные, снежные бабы, пух, шаль, пух, вьюга, вьюга, чем, почём, нипочем, нипочем, нипочем. Старухи, мать, мать, мать...

Старухи, – Знаем, кто у тебя, кто у тебя, – говорят. – Знаем, кто у тебя, кто у тебя живет, – говорят. – Знаем, знаем, знаем, кто у тебя живет, кто у тебя живет, – говорят.

Дразнятся.

Злые бабы, недобрые. Не скрыться, от них не скрыться. Нипочем не скрыться. Видели, знать, увидели, углядели, видели Алешеньку, видели, не видели, узнали, знали, знают, все знают, бабы, злые, сильные, бабы, бобы, дома бобы, бобы у них, дома бобы, а тут Алешенька. Беда.

Седые, си, стужа, бежать, бежать.

– Нет никого, нет у меня никого, нет, не было, нет.

– Знаем, кто у тебя, знаем, знаем, кто у тебя.

– Врете все, врете, врете, врете всё, бабы!

– Знаем, кто у тебя, знаем, знаем, кто у тебя.

– Нет никого, нет и нет никого, нет никого.

– Знаем, знаем, знаем, знаем.

– И знайте, и знайте себя, знайте на здоровье, злые, зола, соль да зола. Нет никого, нет никого у меня. Нет Алешеньки.

Не было, и нет, головешки.

– Сам головешка, как есть головешка.

– Да ну вас, злые вы.

– Бедствуем.

Жаль их. Баб этих жаль все равно. Не нужны никому.

Не нужны больше никому. Замерзают. Уже не бабы, а ледышки, леденцы, одна на палочке покосилась, покосилась уже. Те прямо сидят, а одна покосилась.

Хорошо, что Алешенька ушел, спрятался, ушел.
Нет Алешеньки. Не было и нет.

Бежать, дальше, дальше, бежать, дышать, нечем дышать, нечем, выюга, бежать, выюга, выюга, бежать, бежит, бежать. Мареву, в мареву, в мареве, мареву.

А вот еще, вот еще старость, вот еще, что-то сегодня старики, что-то старики, что-то сегодня старики – отец, да старичок, вот еще сын, да старичок, сын-отец, да старичок сухонький, сухонький, его старичок, сухонький, иней, инок, нет, иней, белый, оба, белый, белые, заиндевелый, ха, хохочет, хохочут, хохочет, оба, два, отец и сын, сын и старичок, старик, вот, выюга хохочет, сын, старичок хохочет, отец хохочет, старички сегодня, одни старички, надо же? Выюга, мать, мать, мать...

А маленький? где маленький? нет маленького, отец и старичок, только отец и старичок, отец и сын, сын и отец – старичок, катает, сын катает, вместо, вместо маленького, старичка-отца вместо маленького, зачем? катает, вниз, и снова, вниз и снова, катает, катается, старичок катается, с гор-

ки, с горки катается, катается, простыть, остыть, простыть, простыня, в простыне старичок, в простыне, в саване, в простыне, вишь, вьюга, а они? вьюга, пеленать, а они? катается, вьюга, во вьюгу, вьюга, запеленатый, старичок запеленатый, во вьюгу запеленатый, попросил, катать попросил, как маленький, старичок, просит, просит, как маленький, смерти просит, старичок смерти просит, помрет, вот-вот помрет, помрет, как пить дать, помрет. Такие дела. Эх, Алешка! Алешку вспомнил – тоже маленький.

Опять же жаль, жаль, жало. Вьюга – жало. Что-то сегодня беда, что-то кругом беда. Вьюга что ли? Поскольку вьюга? Вьюга, вьюга? Нет, просто день такой. День такой, просто день такой, нехороший день. Хорошо не знать его, день такой вьюжный. День такой. Четверг, мать, мать, мать.

Вот собакам хорошо. Собакам хорошо. Хорошо, что собакам хорошо. Хорошо, слава Богу. Пусть, заслужили. Собаки заслужили. Спят, в сугробах спят, собаки, собаки, белые собаки, всякие собаки, спят, спят собаки, спят. Прячутся, прятаться, прячутся, все прячутся. Мимо, ми. Ни зги. Дышать, нечем дышать. Зи, зима, ма, мимо, мимо, долой, бежать, бежит, бежать, скорей, скорей. Там Тамерлан, там, там, Тамерлан, скоро, скоро, вот уже, вот уже, вот, вот, вот.

Всё, Тамерлан.

Пришел к Тамерлану. Вот дверь, вот она, вот.

Пришел, добрался.

Пришел к Тамерлану. Тамерлан.

Пришел к Тамерлану, добрался. Вот она дверь, двери, дверь, двери, двери...

Двери враз, вдрызг, вразлет, вразнос, вдребезги!

Теплушка, тепло, теплушка, здравствуйте, здравствуйте, где Тамерлан? нет Тамерлана, тепло, жаровня, жаркое, жар, здравствуйте, теплушка, тепло-то как! где Тамерлан? Нет Тамерлана. Ушел, за котлетами ушел.

А что к котлетам? Тамерлан знает.

Тамерлан много знает, всё знает.

Такой Тамерлан. На то и Тамерлан.

Тамерлан с порога, – Слушай, что кушаем, а?.. котлеты, мна... Тамерлан котлеты кушает. Кто? Тамерлан?! Что кушает? Котлеты! Мама, мама, мна... Ничего. ничего, ничего, ничего... ничего, ничего... Все пройдет, будем с тобой правильно кушать. Повремени немного, мна. Тамерлан может совсем не кушать, не спать, не кушать. Тамерлан шестьсот лет как умер, и что? А ничего. Двор метет, котлеты кушает. Что кушает? Котлеты, мна. Затаился Тамерлан. Так надобно. Повременить чуток надобно.... Ничего, ничего, ничего... Ну?.. Что к котлетам? А к котлетам – водочка! За-

то водочка... Что пьем, мна?! Мельчаем, тем возвышаемся. Это я тебе говорю, мна.

Тамерлану верить нужно. Он, хоть и молод – сильно старьей.

Эх, Тамерлан, красавец, чистый гоголь, носат, умен, лукав! Ходит важно, одну ногу вперед выбрасывает, другую прямо держит, крылья под шинелью трепещут, чуб вензеля выписывает. В пудре весь, стужей пахнет. Глаза – угли, всегда-то умен и весел, Тамерлан, дружище. Экзистенциалист⁵. Пьяница. В хорошем смысле. В хорошем, разумеется, смысле. Запой, знаете, запою рознь. Бывает такой запой, что и не запой вовсе, но лето и космос. Не тот космос, который ветошь, а настоящий, сверкающий.

Эх, Тамерлан! И детство его – лезвие. Костры, да эхо горное тугое.

Против него Сергей Романович – слабый огонек, бумажная душа. Мальчиком еще прозрачным лепетал – писать, что странно – не писать, что странно... что ему диктуются странные его строки, эх, тянутся как шелковая нить... ба-

⁵ Экзистенциализм [тэ], -а, *только ед., м.* – иррационалистическое направление в западноевропейской философии и литературе, ставящее в центр изучения и изображения человеческого существование (экзистенцию) и утверждающее интуицию как основной метод постижения действительности.

бочек и червячков не видел, а их никто не видел. Дескать, тянуть эту нить как пить нектар более странно и трепетно, чем даже самая-самая любовь. Или вот вино еще, это уже позже, не кровавое (цвет), отдающее кровью или розовое – нектар, нектар. Однако напивался скоро, смолоду уже, скоро-скоро и был смешон среди товарищей своих. Падал, строил смешные рожи, и скоро, скоро-скоро покидал товарищей своих при помощи товарищей своих. Синей птицей под руки, не бабочкой, птицей синей под руки, за руки, за ноги, куда? в светелку, и укладывался, укладывался прямо на пол белой птицей, уже белой птицей дожидаться возвращения безутешных родителей, безутешной мамы, потому что никак уж она не думала, никогда не думала, что из него вырастет такое, такое вот вырастет, никогда. Ткач. Хотя ни бабочек, ни червячков не видел он никогда. Пил смолоду много, чего уж там. И в зрелые годы не брезгает.

– Вот, кстати, о стариках. Шел к тебе, Тамерлан, стариков видел. Чуть-чуть. Что-то сегодня старики одни попадают. Старики, да старухи. Обратил внимание? Зачем, не знаешь?

– Собираемся, мна. Хорошо, брат. Все на свои круги возвращается, Тамерлан знал.

– С другой стороны совсем их мало стало. И те мрут. Как куколки в муравейнике. Злятся и гибнут. В добрый путь... А раньше стариков много было. Бывало, выйдешь, яблоку упасть негде, целая ярмарка. Грибами о них пахло. А здесь

что-то запаха не почувствовал, совсем никакого. Думаешь, простыл?

– Выюга, слушай.

– Как-то скоро запеленали всех. Обратил внимание? И стариков и старух, всех запеленали. Кого во выюгу, кого в саваны. А вот зачем в саваны пеленают?

– Выюга, – вздыхает. – Однажды умрем. Однако не грустно.

– Думаешь, умрем все же?

– Не исключено.

– Разлюбили враз стариков-то. Раньше немножко, но как-то любили, а теперь – нет. Устали от любви, что ли? Не замечал?

– Зима холодная, мна. Южный человек сильно страдает. Страдаю, но терплю. И ты терпи, брат.

– Жаль их, стариков. Это еще хорошо, что я их не узнал, подумал, никакие это не старики, сугробы, да снеговики, а старики по печкам греются, песни с котами мурлычут. И те старухи – не старухи, и тот, в саване – не старик, и сын его не старик. Так, катается, а кто таков, неведомо. Скорее нет никого – выюга да собаки в сугробах. День белый, боле ничего. В добрый путь... Ты-то сам никого не видел?

– Когда выюга – лучше. Много лучше. Когда выюга – люблю. Когда дома сижу. А что выюга? Выюга, выюга, выюга, ну, выюга, выюга, да, выюга, что, выюга? выюга, выюга, – не говорит, поет Тамерлан. Голос – ручей горный.

– А вот, Тамерлан, еще одна тревога, спешу поделиться с тобой.

– Говори, брат, без утайки.

– Подскажи, что делать, старухи Алешеньку спрашивали.

– Похмелье, брат.

– Грустно старухам без него, видишь как? По чуду тоскуют. Очень Алешеньку спрашивали. Погулять не выйдет? спрашивали. Это еще хорошо, что я не расслышал, а то бы в отчаяние впал...

– Не бойсь, брат. Ничего не бойся, никого не бойся. Тамерлан здесь, веришь? – голос у Тамерлана не голос – ручей горный.

– Да как бы порчу не навели.

– Порча – плохо, мна. А сам-то что? Алешенька-то что?

– Виду не подает. Исчез или спрятался.

– Умный.

– Умен и прозорлив Алешенька, дружочек мой.

– Хорошо, что исчез. Молодец. Я тоже исчез.

– Вернется?

– Так он и не уходил.

– Интриган Алешенька, боюсь, интриганом становится.

– А как иначе, брат? Оглянись, как? Время какое? Шайтан-время, мна. Ничего, ничего. Потерпи немного. Я терплю, и ты терпи, брат... Ну, давай, садись, давай, пей, кушай, давай... Э-э, что кушаем, мна!.. Ничего, потерпи. Солнце встанет – Тамерлан мясом накормит. Хорошим мясом накормит.

Сыт будешь. Все сытыми будут. Скоро, скоро... Пока не могу, прости, брат, прячусь, вынырну – шакалы на запах сбегутся, мна... Ничего, ничего... Видишь, затаился?...

– Я тоже затаился.

– Молодец. Послушал Тамерлана? Молодец. Тамерлана слушай. Давай, выпьем.

Выпивают.

Немного помолчав, Сергей Романович продолжает, – Я им нынче дверь не открыл.

– Правильно сделал, мна.

– Я им больше никогда не открою.

– Кому?

– Кому? Да, вопрос... Сразу всех и не упомнишь... кого-то узнаю, кого-то нет... Каждый четверг являются. Стихи просят читать. В душу лезут... Много их, очень много. Я их не знаю, никого не узнаю... Я, видишь ли, агностик. Никого не узнаю. Кроме тебя... Я и себя не очень знаю. Совсем не знаю... Однако как только четверг – являются...

– Давай выпьем.

Выпивают.

Сергей Романович морщится, потирает виски, – Вот зачем они ходят?

– Так за стихами, сам сказал.

– Я, Тамерлан, стихов не пишу.

– А кто пишет?

– Не знаю. Никто. Стихи сами по себе... Но я их слышу...

Может, Бродский успокоиться не может?

– Кто это?

– Один человек. Жертва.

– Сейчас слышишь?

– Что?

– Стихов.

– Сейчас не слышу.

– Поправил здоровье, вот и не слышишь. Послушай Тамерлана, брат. И постарайся поверить, мна... Будешь слушать?

– Буду.

– Нет никого, мна.

– Нет?

– Нет...

– Может быть...

– Никто к тебе в четверг не ходит.

– Может быть... Наверное, ты прав... Да мне всё равно, я, Тамерлан, за Алешеньку боюсь.

– Нет Алешеньки.

– Сбежал?

– Нет, и не было.

– И куда его черти понесли?

– Нет Алешеньки. И не было никогда, мна... Тебе врача надо, брат. Тамерлана слушай. Никого не слушай, а Тамерлана слушай. Иди к врачу, брат. Завтра. Иначе, мна, сдохнешь.

– В добрый путь... Зачем так сказал?

– Сам сдохнешь или Тамерлан тебя зарежет.

– Зачем так сказал?

– Люблю тебя, брат. У Тамерлана кроме тебя никого нет, мна.

Выпивают.

Стравинский улыбается, – А и впрямь.

– Что?

– Вот, вот, вот...

– Что?

– Полегчало, как будто полегчало. Тепло... Еще полчаса – и совершенно здоров... Люблю эти полчаса... Теперь пусть ходят, пусть хоть каждый день ходят. Все равно, не открою им больше. Не стану открывать и всё. И врача не нужно... Если хочешь, буду молчать. Ничего рассказывать не буду. Это не сложно, я люблю молчать. Я и с ними молчу, только они мысли мои читать умеют. Все равно, что разговор получается. А вот с улицы не прочтут. Стены толстые... Пусть приходят, стоят, ждут... Я научусь не думать о них. Не волноваться научусь. Я сумею... никакого врача не нужно.

– Нет никого, мна. Они все в твоей башке. Веришь?

– И ты?

– Ай-ай, совсем крыша поехала. Зачем так пьешь? Тамерлан умеет, а ты не умеешь. Тебе, брат, больше нельзя. Со всем. Зачем так пьешь?

– Ну, хорошо, открою тебе, Тамерлан, одну тайну. Может,

и не стоило, да уж решил... Наверное, нужно это знать... А, может быть, и нет... Вообще об этом все знают, только думают – шутка, присказка, – переходит на шепот, – Небо, Тамерлан, на землю падает. На самом деле. За день пятнадцать – двадцать километров... Укрываться нужно, Тамерлан. Укрытие искать... Пятнадцать – двадцать километров. Для неба огромная скорость.

– И что будет?

– *Странна муки всякие покажи мя.*

– Не понимаю, что сказал, но, чувствую, правильно сказал. Всем сердцем.

Эх, Тамерлан!

Как-то спросил его, – Ты зачем здесь, Тамерлан? Сам по себе, вижу, терпишь, душа далеко. Зачем?

– Ожидаю.

– А чего ожидаешь?

– Проясниться должно, мна. Пока только мясные помои.

– Что, мясные помои?

– Неприятно.

– Ну, предположим, прояснится, а дальше что?

– Пока знать не дано, мна. Подсказка будет.

– Кто же тебе подскажет?

– Может, Тамерлан сам себе и подскажет.

– А дальше-то что?

– Тишина, чистота. Тамерлан давно готов, уже давно го-

тов, мна... Тамерлану кого-нибудь одного не жаль. Себя не жаль, никого. Вот тебя, разве что. Немного. Жалеть, любить потом будем. Потом – сколько угодно. А пока рано. Молчок. Тамерлан услышал, понял. Готов.

– Готов к чему, Тамерлан?

– Все равно.

– Чистоту любишь?

– Всем сердцем.

11. Смирение. Весна

– Что и требовалось доказать, – ворчит Диттер, пальцами протирая очки перед тем, как отправиться в путь.

– Вы что-то сказали? – отозвался Насонов.

В душе профессора забрезжила совсем, было, погасшая надежда на дискуссию, – Я отчего-то был уверен, что Стравинский нас не впустит. Черт с ним. Прогулялись, и то.

– Да, развеялись немного.

– А вот, кстати, давно хотел вас спросить... Дмитрий Борисович? Не ошибаюсь?

– Можно запросто Дмитрий.

– Нет, зачем же? солидные люди...

– Ох, уж мне эта солидность. Я, как-то, знаете, все к юношеству тянусь. У меня студенты. Я со студентами дружу, – подмигивает Диттеру. – Среди них барышни хорошенькие встречаются. Для любования, разумеется, не больше.

Но кровь все еще волнуется.

– Гиблое дело.

– Будет вам.

– А я вас уверяю. Имел горький опыт. Ожог на всю жизнь... Было время, и я преподавал. И у меня тоже были прехорошенькие студентки... Вообще я любоваться не склонен. Обыкновенно пребываю в своих мыслях. Мне даже по этому поводу часто выговаривают. Когда на улице не замечу, не поздороваюсь. И на лекциях аудитории не вижу. Увлекаюсь. Случается, уже и слушатели разойдутся, а я все в волнении пребываю, остановиться не могу. Случалось, уж и в институте никого нет, свет погашен, а я все начитываю. Бывало, уборщица подкрадетсЯ тихонько да где-нибудь позади шваброй об пол со всей силой, тут я прерываюсь, а ей смешно. Но я не сержусь. Они знают, что я не сержусь, потому позволяют себе такое... Позволяли. Теперь-то я уже в схиме, как говорится, пребываю. Затворничаю, стало быть. И, доложу вам, с огромным удовольствием. Время экономлю. Многое обдумать нужно. Еще с юности запланировал. А когда на людях – сконцентрироваться трудно. Записки составляю. Дневник удается вести почти каждый день. Живу один. Крайне доволен одиночеством. Всегда стремился к одиночеству. Вероятно, по этой причине, женат был четыре раза. До вас, конечно, далеко, но все же... Так вот, женат был четырежды, и всякий раз скоропостижно вдовел. Абсолютный рекорд моей семейной жизни – три года. Вторая же-

на через три месяца покончила с собой. Меланхолия... Аннушка, третья – через полгода. Анну приступы меланхолии тоже терзали, но рук на себя не накладывала. Что-то с почками. С Катериной три года прожили. Уж Катерина-то, казалось бы, цветущая женщина, кровь с молоком. Вдруг как-то скрючилась, почернела в одночасье. Как будто свет в комнате выключили. По какой причине? Не знаю... Может быть, и стоило врачу показать, но у нас как-то не принято было. А что врачи понимают? Нам кажется, что мы способны влиять на жизнь и смерть. Думаем, стоит диагноз поставить, руку к пульсу приложить, проявить заботу, внимание, глядишь, болезнь и отступит. Как бы ни так. Болезнь, смерть – понятия трансцендентные. И относится к ним надобно не рукотворно, но философски, умозрительно. Вот скажите, только честно, разве походы к врачам хотя бы раз привели нас к ожидаемому результату? В данном случае ожидаемым результатом, на мой взгляд, является вечная, ну или очень долгая жизнь. Много встречали вы двухсотлетних, да что там, хотя бы ста двадцатилетних старичков? Тех, что нам Павлов Иван Петрович обещал?.. Да, продлить агонию можно, этому мы как раз научились, только выкроенное таким образом время занимают мученические страдания самого бедняги, а также его близких и дальних... Я и сам к докторам не хожу. А если, случается, заболею, как в песне поется, к врачам не обращаюсь. Готовлю чистое белье, выходной костюм, ложусь и жду. Смирение... Смирение – великая вещь! Смир-

ный человек всякую опасность гасит в зародыше. Почему говорят, гордыня – главный грех? Смирение – вот главное слово, постулат и девиз. Я смирение прочувствовал, принял, сумел полюбить грядущую смерть. Полюби свою смерть всем сердцем, скажи это громко, с чувством – и болезнь отступает. И, доложу вам, очень скоро. Уже к вечеру. Я таким образом и рак победил, и туберкулез, и проказу. Чистое белье, коечка, покой... Произнеси громко – люблю тебя! Люблю и жду! Всё... Хорошо бы, наверное, при этом свечи зажечь, но лично я, боюсь сгореть к чертовой матери. Забудешься – тут тебе и пожар. Дом сгорит – не важно, а вот тело – не приведи Господи! Тело жечь нельзя... Тела и фотографии. Ни в коем случае. Да что я вам объясняю, вы же анатом, сами знаете... Особых грехов за мной не водится. Единственное, вредности многовато. Но это только так говорится, вредность. На самом деле – азарт. Спорить люблю до сумасшествия. По любому поводу. Но не по причине гордыни. То есть, я спором не одержим, как некоторые, знаете, готовы в драку лезть. Пospорили и поспорили, и пусть их. Пospорили – и забыл тотчас. И в споре я покоен. Всегда невозмутим. Не так просто хранить голову в холоде. Не всякому удастся. Притом секрет невозмутимости до изумления прост. Вы должны всегда, подчеркиваю, всегда, быть уверенным, что правы. А окружающие, следовательно, нет. Сомнений, терзаний быть не должно. И не будет, когда вы подразумеваете, что окружающие непременно хотят причинить вам зло.

Вольно или невольно – не важно. Так следует думать. Даже если это не так. На Высшем суде разберутся. При таком подходе вы гарантированно защищены на все сто. Стрессы отменяются... Кстати – это относится и к семейной жизни. Когда жена просит тебя, уговаривает, высказывает суждения, призывает их разделить, да еще проявить при этом инициативу – не перечь. А про себя, помни, все ее движения, умозаклечения и призывы – яд. Ты яд ее в ротик положи, во рту потоми, сощурься, будто удовольствие испытываешь, а отвернется, сплюнь... Брак – смертельная охота. Скандалы, ссоры, истерики – ловушки. Потерял бдительность, угодил в яму – тебе конец. И не заметишь, как будешь испит до дна... Женщины в среднем живут на двадцать лет дольше мужчин. Так вот эти двадцать лет они забирают у нас... А противостоять следует вот как. Держите наготове следующие фразы – хорошо, душенька, как скажешь, душенька. Делайте все, что велела хозяйка, но поступайте по-своему. Про себя помните – вы правы. Всегда. Во всё. Хорошо, например, когда она просит вас о чем-то, ненавязчиво предложить отвлеченную тему. Это вызывает растерянность, а лучше – беспокойство. Как следствие охота на какое-то время затихает... Да, но все это сбавывает, покуда ты не влюблен. Если же амур пронзил тебя – пиши пропало... Вот я и добрался до своей грустной истории... Это случилось вскоре после смерти Варвары, первой моей жены. С Варварой мы года полтора прожили. Инсульт. На ровном месте, во время обсуждения супружеских

измен явных и мысленных. Измен и... допустимых способов наказания. Ничего не предвещало. Коротали вечер, гоняли чай, дискутировали. Кстати, без умысла с моей стороны. Я еще был молод, неопытен. Я и теперь молод, но тогда был совершенным ребенком. Сорок с небольшим, – смеется. – Я жить не тороплюсь... Одним словом, Варвара скончалась. Каким-то образом студенты мои узнали, что я овдовел. И вот одна, хорошенькая, как вы это называете, барышня вызвалась помогать мне по хозяйству. Запросто так подошла и говорит, – А хотите я буду иногда приходить к вам и помогать по хозяйству?.. Я прямо опешил. Дело в том, что я давно выделял ее, наблюдал... как вы это называете, любовался... Вообще я любоваться не склонен. Обыкновенно пребываю в своих мыслях. Впрочем, я вам уже докладывал. А в то время, грешен, подчас любовался. Надеждой. Ее Наденькой звали. Любовался, но никаких планов, упаси Бог, не строил. Никаких порочных мыслей... Точнее так. Мысли порочные возникали, но я их гнал, и успешно. И вдруг она сама подходит ко мне, смотрит прямо в глаза и заявляет, – А хотите я буду иногда приходить к вам и помогать по хозяйству?.. Зачем я согласился?.. Да вот из-за порочных мыслей и согласился. Мне, в силу порочности на тот момент, показалось, что ее к порочному, как мне показалось, предложению побудили ее собственные, как мне виделось, порочные мысли. То есть я, конечно, был испуган, шокирован, умом настроен на отказ, однако же сказал, – Что ж, буду только рад...

Не своим голосом сказал... Показалось, как будто это не я, а кто-то другой сказал... Кто-то другой, еще более порочный, чем я на тот момент... Ну, что? Дело сделано. Она предложила, как сейчас помню, впервые прийти ко мне в субботу. А разговор у нас состоялся в среду. Следовательно, ее визита я ждал... трое суток без малого. Оказывается, когда таким образом ждешь, страсть как раз и расцветает. В эти три дня сладострастие буквально разъело мою душу. Чудовищные картины греха рисовало мое воображение. В пятницу я уже был готов мыть Наденьке ноги и пить ту воду. Простите за натурализм. Я вознесся до небес, кажется, даже стал выше ростом. Еще бы, Наденька выбрала не ровню, а человека, хоть и молодого, но вдвое старше. Это же не просто так. На то причины должны иметься. Да, думалось, я себя явно недооценивал, в черном теле столько лет держал, ходил как-то боком, заискивал, мечтать себе запрещал, похвалу отвергал, ну, и так далее... Ну, что же? Вот и суббота. Я – при параде. Лучший костюм. Зонт. Настоящие джентльмены никогда не расстаются с зонтом. Я сперва подражал, потом привык... Сколько насмешек выдержал? Не счесть... Итак. Представьте себе. Зонт. Цветы. Шампанское. Считаю минуты. Наконец, звонок в дверь. Трепещу. Сердце выскакивает из сердечной сумки. Открываю. Стоит моя Наденька. Улыбается. В плащике. Вода стекает, на улице дождь. Дождь изумительно подходил ей. Как всякому бутону... Внезапно, вижу, улыбка сходит с ее лица. Она делается бледной как

пергамент. Спрашиваю, – Что с вами, Наденька?.. Проходит в комнату, оседает на стул, молчит, вот-вот чувств лишится... Про себя рассуждаю, – Очевидно, что-то потрясло несчастную, и она лишилась дара речи. А, может статься, вождение ее достигло таких пределов, что уже и пошевелиться, бедненькая, не может. Спрашиваю вновь, – Да что с вами, Наденька? Отвечает, – Не ожидали? – Чего же? – Не ожидали, что я и впрямь приду вам на помощь? Соратницей приду, другом? – Да как же, я ждал вас. – А в каком качестве вы меня ждали? – Ничего не понимаю. – Как вы смели так нарядиться, да еще и зонт взять? Вы рассчитывали принять в своем доме развратную особу, готовую на всё? Нацелились реализовать постыдные желания, притом немедленно? Не умеете сдерживать в себе зверя? Какие фантазии бродили в вашей голове? отвечайте немедленно!.. Вы и представить себе не можете, какой ужас охватил меня. Я был раздавлен, попран, унижен! Наденька же продолжала, – Я видела в вас своего духовного наставника. О, как я обожала ваши лекции! Мне представлялось, что мы с вами подружимся, будем пить чай, что вы вечерами будете читать мне свои дневники, показывать семейный альбом. Я, в свою очередь, поведала бы вам свои девичьи мечты, научила бы макраме. Вместе мы придумывали бы мне будущего мужа, и у нас ничего не получилось бы, потому что каждого жениха я невольно сравнивала бы с вами, и всякий раз убеждалась бы, что вы лучший. В конце концов, я бы смирилась с вашей старостью, и с тем,

что вы порой пускаете ветры, даже на лекциях, и, взяв с вас слово никогда не касаться меня, однажды согласилась бы... на брак с вами. Если, конечно, вам интересно знать, я и свадебное платье купила. И фату. И корону. Но вы поспешили сбросить маску и разрушили меня. Вы убили меня, профессор Диттер! Ну, что же, профессор Диттер, жребий брошен. Пути назад нет!.. С этими словами она сбросила плащ, оставшись ослепительно голой. То есть под плащом у нее ничего не было. Голубушка легла на академический диван, сложила руки крестообразно, закрыла глаза и молвила, – Что же, возьмите меня, если такова ваша воля. Сопротивляться ударам судьбы я не умею в силу молодости и девственности. Однако знайте, завтра же я пойду в милицию, и подам заявление о том, что вы надо мной надругались... Я, низкий человек, в ответ принимаюсь лгать, – Наденька, и в мыслях не было... Отвечает, – Не важно. После того, что вы увидели меня всю, уже не имеет значения. Даже если вы не тронете меня, я все равно отправлюсь в милицию и подам заявление о том, что вы надо мной надругались... Перечу, – Так не будет же оснований, доказательств, вас поднимут на смех... И здесь меня ждал самый сокрушительный непоправимый удар. Моя Наденька вскочила, вспыхнула, полные чаши слез, – Что?!.. Я не верю, повторите!.. Что вы сказали?!. Вы так мелочны?!. Так мелочны и мелки?!. Да вы – фарисей!.. О, какая ошибка! После такой ошибки дальнейшая жизнь бессмысленна... И, после гулкой паузы, уже едва слышно, – Если не трудно,

последняя просьба, пожалуйста, передайте моим близким, чтобы они похоронили меня в том подвенечном платье... Всё. Она растянулась без чувств. Уже некрасиво, без позы, руки плетьюми, голова запрокинута. Апофеоз... И ни слова больше. Ни слова, ни движения. Где-нибудь через час, может быть, два я попытался позвать ее. Тишина. Присмотрелся. Дыхания нет. Умерла... Что делать? Трусость, подлость, предательство, все смешалось во мне. Я не вызвал скорую, не вызвал милицию. Бежал к своему старинному товарищу. Все рассказал. Так и так. Выпили... Крепко выпили. Отправились ко мне – Наденьки не было... Всё... Понимаете, я не ожидал, был застигнут врасплох. Я же имел в виду, что вот я еще так молод, значит она – совсем младенец. И вдруг такое, такая силища, напор! Сокрушительная точность! Они рождаются с этим, понимаете?.. Сильнее, много сильнее нас, кто бы что ни говорил... Оправиться после этой чудовищной истории я уже не смог. Доживаю свой век по инерции, без страсти, но и без особой радости. Точно в вакууме... Так внезапное пылкое чувство погубило две жизни... К тому времени лекции мои на курсе, что посещала Наденька, были закончены. Искать ее я не пытался. Довольно долго испытывал страх. И даже теперь вот, рассказываю вам, а у самого мороз по коже... С тех пор не дает мне покоя вопрос, переадресую его вам – кто она?

Насонов улыбается, – В каком смысле?

– Ну, кто же, кто?

– Как кто? Наденька.

– Это я знаю, но я не знаю кто она, по сути... Хорошо, спрошу иначе. Чего она хотела, как вы думаете?

– Вечной весны.

– Да, пожалуй. Вечная весна. Тоже тема... Старики никому не нужны. Не примером для подражания, не предметом восхищения и благоговения, но обузой, заусенцем, колодой сделались... Уж и лобные места для нас готовы. В духе времени выглядят нарядно, кукольно как детские площадки. С виду катание на карусели, а на деле – колесование... Мешаем... Мешаю, знаю. Но что делать, когда смерть не берет?.. Обратили внимание на веснухинскую лошадку? Сколько в ее глазах страдания! Не зрочки – политическая карта Африки.

– Да, в Африке опять беспокойно.

– Когда же это все закончится?!

– Предположительно в следующий четверг.

12. Пожарные. Нравственность

А вот какой спор вышел у пожарных Фефелова и Сопатова.

Если помните, подле них то и дело крутились бродячие собаки Найда, Козлик и Серый, еще парочка приبلудившихся чернявых, имен не знаю. Фефелов собак не терпит, на дух не переносит, а Сопатов, напротив, души в них не чаёт. Фе-

Фелов то и дело пытался собачек отогнать, то зашикает, камнем бросит, то сапогом воздух пнет. Сопатов, напротив, всячески хотел с ними подружиться, и насвистывал, и языком прицокивал, и рукой приманивал. Один раз даже умудрился Найду за ухом почесать.

Вот когда четвержане уже расходиться начали, собачки в первых рядах убежали лакомства искать, между друзьями и вспыхнул спор.

– Животные безнравственны, – неожиданно заявил Фелов.

Собственно, для Фелова мысль не новая.

– Напротив, – парировал Сопатов, и собрался было аргументировать свою позицию, но был сбит, как говорится, на лету рефреном, – Животные безнравственны.

– Напротив.

– А я говорю, безнравственны.

– Напротив. Уж если речь зашла о нравственности...

– Безнравственны.

– Напротив.

– Безнравственны.

– Напротив. Вот я приведу вам пример...

– Безнравственны.

– Напротив.

– Безнравственны.

– Напротив.

– Безнравственны.

как-то само получилось... Кстатi, я уже и не помню, как получилось. Мне уже кажется, что вы сами по себе упали, Фeфелов... Это несправедливо, согласны со мной? По отношению к вам. И ко мне. Но вы сами, падением своим неподвижным вызвали во мне этот шок и аберрацию. Я же не подлец и не трус. А теперь всё выглядит именно так, будто я подлец и трус. Будто отлыниваю. И чем же, интересно, я заслужил такого отношения вдруг?.. Вы меня много лет знаете. Лучше моего меня знаете. Да если это и не я ударил бы вас, если бы вы сами себя ударили, как и было на самом деле, как мне теперь кажется в свете перенесенного шока, всё равно готов был бы взять вину на себя. Коснись серьезного. А теперь вот, получается, как будто отлыниваю. Отлынивать – не в моем характере, Фeфелов. Вы меня много лет знаете. Меня здесь все знают... Однако, если аберрация и провал, лукавить не могу, так прямо и заявляю, у меня провал, следовательно, упали вы сами. Уверен. Сами себя ударили, сами же и упали. Хотя словам своим не верю. Даже ненавидеть себя понемногу начинаю за эти слова... Это еще хорошо, что убеждения мои, кажется, остались нетронутыми. Убеждения для такого человека, как я – это всё. И дом-крепость, и церковная ограда, и голова в кустах, если понадобится. Вот что вы проделали со мной, Фeфелов... И не стенайте, мне от этого дурно делается... В любом случае вы сами виноваты. Напрасно затеяли спор. Очень он вам был нужен, этот спор?.. И ведь так всякий раз, Фeфелов. Зла на вас не хватает. Вот

если бы вы сейчас не пребывали в разобранных чувствах, честное слово, ударил бы вас еще раз. И не важно, в каске вы или без каски. Как показала практика, без каски даже лучше. Все зависит от поставленной задачи. Одна недолга, в пылу дискуссии задачу определить не успеваешь... Отлично знаете, чем все эти споры заканчиваются... А наперед подумайте, как бы вам добрее сделаться, пожарный, все же... Ну же, вставайте. Довольно валяться. Просто несерьезно таким вот образом валятся и стенать. Несерьезно и вредно – пожарный все же. Не просто пожарный – образцово-показательный пожарный. Всем на удивленье. Не стыдно? Честно скажите, не стыдно вам, немолодому уже человеку в таком положении пребывать? Год еще толком не начался... Ну, что же? не хотите, как знаете. Может быть, вам нравится так вот валяться и стенать. Вольному воля.

Сказал и пошел прочь с подчеркнута прямой спиной и со слезами на глазах.

13. Улитин. Вне лунных товарищей

Водитель троллейбуса Улитин, так и не дождавшись Сергея Романовича, грустит.

Вне лунных своих товарищей Стравинского и троллейбуса Улитин всегда грустит.

Улитин и так склонен к грусти, а без лунных своих товарищей Стравинского и троллейбуса – особенно.

Справедливости ради следует заметить, что и в компании товарищей он не особенно веселится. Весельчаком Улитина не назовешь. Однако вне Стравинского и троллейбуса печаль овладевает всем его существом.

Печаль Улитина светла и созерцательна. Нет в ней примет упадка, безысходности.

В минуты печали Улитин контакту не доступен, беседует исключительно с самим собой. Внешне – чернее тучи. Встретишь такого Улитина, первая мысль – ноги бы унести. Однако в интимных беседах его не звучит гнев, осуждение или порицание. Ни намека на уныние, отчаяние. Даже недовольство не проскальзывает.

Наблюдение, ностальгия, легкая тоска по ушедшей и грядущей радости.

Сладковатый привкус полыни.

Жалеет. Вот верное слово для Улитина. Жалеет. Себя и других жалеет. Молча, преданно жалеет. Всех жалеет. Как Фома, как Стравинский С. Р.

Вот Улитин стоит как вкопанный, наблюдает.

За Фефеловым и Сопатовым наблюдает.

Как будто наблюдает, на самом деле ни за кем не наблюдает, ему и секунды достаточно, чтобы ухватить, запечатлеть, а потом, уже в покое, без суеты обсудить и пожалеть, как следует. И Фефелова и Сопатова, и прочих четвержан.

Про себя.

Так что в настоящий момент Улитин никого не видит, просто стоит как вкопанный, руки висят, рот приоткрыт, в глазах сон-дрема, вихор на затылке. Не исключено, что уже приступил к беседе. Можно только догадываться. Событий больше не намечается, можно и поговорить. Скорее всего, говорит.

Про себя.

Он и при Стравинском, и в троллейбусе так-то беседует. Внешне дремлет как будто, рот приоткрыт. Не сомневайтесь, понимает всё, что вокруг происходит. Всё понимает, оценивает, но не участвует. Его участие позже проявится. Больше, чем участие. Любовью наградит, безответной тлеющей любовью.

А спроси его, например, какая следующая остановка — не ответит. Одарит через зеркало коротко невидящим взо-

ром, и ни гу-гу. Не потому что немой или хам, а потому что не имеет ни желания, ни возможности ответить. Запечатлевает.

Грустить позже будет.

Грустит чаще по ночам, когда один остается. Весь путь его перед ним как собрание контрольных отпечатков у фотографа. Ночью мысленно раскладывает свои снимки. Разложит, вспомнит всех до одного, кого и не встретил, вспомнит, вспомнит и загрустит.

За всех нас погрустит, пожалеет.

Я вот о чем думаю, не будь у нас таких Улитиных, мы бы втрое меньше смеялись и болели бы втрое чаще. В природе все в равновесии.

Может быть, конечно, ошибаюсь, но хочется мне так думать, вот я и думаю.

Вот Улитин стоит как вкопанный...

...А ведь были младенцами. Говорят, будущие младенцы, личинки и лисички, бельки и белочки сами выбирают себе утробу – мамку, троллейбус или рояль. Грандиознее рояля, сдается мне, только орган и катакомбы. Увы, ни органа, ни катакомб, ни Фудзиямы самой видеть не довелось, так что

для меня наибольшим потрясением явились рояль и троллейбус. Это – не ограниченность, избирательность, утешение себе всегда найду, а все равно немного жаль. Когда имел бы стремление побывать на вершине великой горы, рано или поздно побывал бы, мечта исполнилась бы, но, вот вопрос, сколько времени уходит на достижение высокой цели? Если цель по-настоящему высокая, а не какое-нибудь хакакири.

Фудзияма навеяла.

Все же память наша странным образом устроена. Итак, сколько времени ушло бы на достижение высокой цели, и что потребовалось бы взамен? За все нужно платить. А как расплачиваться, когда денег нет. Какую цену за трудное свое счастье заплатила, к примеру, Сонечка Мармеладова? А если бы мне понадобилось пожертвовать троллейбусом? Ведь в представлении многих троллейбус – существо неодушевленное, многие и глаз-то в нем не усматривают, и дуги для них просто дуги, больше ничего. Так и скажут, сдирай подковы, подошвы, веди друга в стойло, а сам – хочешь за водкой, хочешь – к фонтану огнетелками любоваться. Подумать страшно. Конечно, будь я улиткой, избежать такого выбора удалось бы, и даже легко, но я не улитка. Хотя между нами много общего, если рассматривать меня не в отдельности, а вкупе с лунным моим товарищем. Стареет мой товарищ. От осознания этого факта немного грустно. Утешает то, что среди троллейбусов немало долгожителей. Впрочем, как

и среди улиток. Огнетелки давно занимают мое воображение. Эти «желейные» существа в действительности пиромомы, конусообразные оболочники, пламенеющая душа фонтанов и океанов. И они повсюду. В силу профессии Фефелов и Сопатов это хорошо знают. Только молчат. Есть такие вещи, о которых лучше помолчать до поры до времени. Достаточно только один раз сосредоточиться, увидеть огнетелок, и жизнь тотчас приобретет симфоническое звучание. Попробуйте, например, заглянуть в самое горлышко петуха, когда тот провозглашает очередную пятницу. Или, не приведи Господи, когда ему голову рубят. Но лучше не смотреть. Можно вместе с ним вспыхнуть рождественской елкой. Вспоминается Берлиоз и его рояль. Еще Стравинский, конечно, а также его рояль. Думаю, в свое время и на Сергея Романовича рояль произвел неизгладимое впечатление. Отсюда и агностика, и несомненная растерянность на всю жизнь. В троллейбусе Стравинского не встречал, хотя приглашал многократно. Не на чай, конечно, но почувствовать себя хотя бы на полчаса в безопасности всякому путешественнику полезно. Отчего-то кажется мне, троллейбусов он побаивается. Интересно, каково его отношение к моллюскам. Всякий раз планирую спросить, и все время забываю. Голова моя садовая. И круглая. Вот еще совпадение. В каком смысле совпадение? Во всех смыслах. Кругом сплошные совпадения. Голова кругом. Оттого и круглая. Садовником уже не стать. Садовником, кондуктором. Важничать не люб-

лю. Однако окна захлопываются одно за другим, двери закрываются. Осторожно, двери закрываются. Водить поезда не хочу. Может быть, в детстве хотел, не помню. Вряд ли. Была возможность выучиться. Железная дорога – идеальное место убийства. Главным образом для Аннушек. Чем-то манит это имя железнодорожных палачей. Их по глазам узнать можно. У них желтые глаза. Как у соседского кота. Но тот даже мышей не трогает. Вообще совпадений не счесть. Жаль, конечно, минувшего безвозвратно детства, но у всякого возраста свои преимущества. Например, память. Память меняется вместе с нами. То, что еще вчера помнилось, завтра исчезнет, как язычки и пальчики с окон троллейбуса по весне. Музыкантом быть никогда не хотел. Хотя, в связи с этим себя немного жаль. Многие другие стали именно музыкантами. Кое-кто даже композитором. Жизнь композитора разительно отличается от жизни водителя троллейбуса. Мы вообще отличаемся друг от друга, композиторы, водители, троллейбусы, улитки, поезда, огнетелки и агностики. Хотя у нас много общего. Движение, например. Или скрытое движение. Или его отсутствие. Еще скрытые маршруты, скрытая красота. Бархат. Помню, помню эту красоту в утробе рояля. В утробе матери все иначе. И там ласковое всё, конечно, но не бархат. Уж если бархат – непременно красным должен быть. Вот эта нежность, о которой мы часто забываем в борьбе или ее отсутствии, несколько не иллюзия, не обман, даже если и молоточки, и струны. И порезаться можно,

если струну схватить и, не разжимая ладони, провести резко вниз. Другое дело, в движении таком нет никакого смысла. Но разве мало бессмысленности, порой преступной бессмысленности в наших действиях. На каждом шагу. Далеко за примерами ходить не нужно. Вот они, Фефелов и Сопатов, Уже подрались. Чего не поделили? Ко всему прочему у Фефелова герпес и несварение желудка. Сколько он еще протянет в нелюбви. А ведь хороший человек, героический человек, хотя и без каски. Героя и без каски узнать можно. А Сопатов? Левую ногу по ночам судорогой сводит, а он руки распускает. Наверняка казнить себя будет. И веревку намылит, и табурет поднесет, я его знаю. Если бы не высокие потолки, быть беде. Был бы метра три ростом, страшно подумать, чем бы все это закончилось. Несчастные люди эти великаны. Нам кажется, что при таком росте сплошь почет и уважение, и женское внимание, и мужеская зависть, а каково им в троллейбусе? Да и не уместиться такой каланче, пожалуй, в троллейбусе. Жаль их, и Сопатова, и Фефелова. И собачек. Как младенцы, честное слово. Младенцами рождаемся, младенцами умираем. Надо, надо осторожнее. А что если там нет никакой нравственности? Только покой и безграничная свобода. А нравственностью и не пахнет. И что в таких обстоятельствах делать? Со стыда не сгореть, сквозь землю не провалиться. Нет, нет, все предусмотрено. Коль скоро нравственности нет, и оценить себя не сможем. Оценить сможем, но только в превосходных категориях. Все

позволено. Вот и ответ на вечный вопрос, что такое рай? Как мы его строим, к чему стремимся? К вседозволенности стремимся. И всё? Да, к сожалению, так. Можно проверить примерами из истории. Эх! Мы же с мыслями нашими туда явимся. Переключку затеем. Это какие же рулады прозвучат, какие откровения и сокровения? И, самое любопытное, все там на одно лицо будем. И Фефелов, и Сопатов, и собачки, и улитки. Подумал, самому смешно. Смешно и грустно. Очень. Младенцы осторожности не ведают. Пороги на каждом шагу. Соблазн свеситься с подоконника. Свеситься, повеситься. Хочется крикнуть – ребята, каждый день как первый день, не забывайте. Такие ароматы, кружева, в Китае драконов запускают. В кабине троллейбуса тоже кружева. Это кто-то до меня догадался. Может быть, женщина работала или бывший уголовник. Улитка – брюшко бархатное, беззащитная, в точности, как и я, как и все мы. И мысли наши сходятся. Но улитка ползет много медленнее. Троллейбус тоже тихоход, но не в такой степени. Все, если разобраться, движемся к вершине Фудзиямы. Зачем? От этих мыслей немного подташнивает. Грузди. Банка давно стояла, мог яд образоваться. Вместе с тем ощущение чистоты. Как после дождя. Хотя и зима. Эти времена года – такая условность. Вот, рояль вспомнил, и захотелось выпить. Не обязательно со Стравинским, одному даже лучше. Груздочки, вернусь домой, выброшу. Хотя хороши. С лучком да со сметанкой. К водочке. Блажь. Пропали грузди. Жаль, конечно, тетка со-

бирала, на коленях ползала. Хорошая женщина, колени болят. Много молитв знает, а я только «Отче наш». Стыдно, грустно. Говорят, в бору змеи стали водиться. Ужи, наверное. У нас змей отродясь не водилось. К смерти совсем не готов. Жаль тетку. Не знаю, меня одиночество как-то не тяготит. А женщину искать не нужно, настанет час – сама найдет. И поцелует, и спать положит. Им, женщинам, невдомек, что невинность бесконечна. Я Сопатова не осуждаю. И Фефеева не осуждаю. И в мыслях нет. Все такие одинокие, несобранные, неухоженные. Чего-то ждем. И я жду чего-то. Чего? Не знаю. А, может, оно и не нужно знать? Не знаю.

14. Евгения. Евгения

Ну, что же, самое время поговорить о любви.

Кто говорит? Кто будет говорить? Да какая разница, кто? Не важно.

Евгения Гранде будет говорить – она ближе всех к нам подобралась.

Она все это время путешествует по комнате Стравинского. Или улеглась и лежит себе в комнате Стравинского. Или, как он и советовал, набрала ванну и тлеет в зеленой воде, почему бы ей не принять ванну? Словом, Евгения все это время находилась где-то рядом. Скажу больше, Евгения всегда поблизости.

Немного пофотографировала, Стравинского пофотографировала, благо его нет, не мешает фотографовать замечаниями своими, своими замечаниями едкими, замечаниями, да примечаниями едкими, едкий человек, предел мечтаний и обожаний. Конечно, кому не хотелось бы заполучить такого Стравинского, певца нечаянной радости и пустоты? Да и погрузить с ним можно, поскольку грусть с ним беспредметна, а, следовательно, светла как утренняя роса. В ванне можно и вздремнуть, и после ванны можно соснуть чашок – другой. Спит, возможно, спит. Вот Стравинский и восточный друг его спят, и она спит. Никуда не пошла, никуда не побежала, осталась, сама себе гость и хозяйка. Стравинский и восточный друг его, наверное, тоже уже спят, отведали водки да котлет и спят, как те младенцы, сладко посапывают, немолодые мудрые люди, агностик и восточный человек.

Самое время о любви поговорить.

Кто будет говорить? Евгения Гранде будет говорить.

Бестелесная Евгения внутри вполне фигуристой, сказочно фигуристой Евгении-Юленьки будет говорить.

И сказочно фигуристая Евгения будет говорить, и другая Евгения, бестелесная будет говорить.

Во всякой Евгении живет бестелесная, бессловесная Евгения.

Когда затеваете флирт или даже просто, безо всякой интрижки, по привычке сыплете комплименты или шутите с намеком, или просто шутите без умысла, имейте в виду – токуя тем или иным способом, вы на самом деле представления не имеете, с которой из двух Евгений токуете. И то, что одна Евгения оценит как радость или глупость, другая может принять за вызов и призыв. Ни за что не угадаете, чей именно роток вскоре заалееет в глубине глубоко, чье тремоло заставит вас страдать и плакать по пустякам. Ибо эта игра сродни плаванью в невидимом океане без цели и предзнаменований. И за карты, к слову, не беритесь. В особенности за карты. Ни астрольбия, ни боцман при таком путешествии не помогут.

Даже если боцман трезвее трезвого.

Что значит, за карты не беритесь? Уж если дарована вам женщина на беду или для беседы – непременно где-нибудь неподалеку карты. Не обязательно эти картонные картинки с масляными королями и ведьмами, масляными головушками. Иногда довольно и мятого червонца в кармане. Иногда, знаете ли, достаточно палец послунывить, чтобы огрести целое состояние. Иногда, знаете ли, достаточно распусть шнурок, чтобы оказаться в петле, не приведи, Господи!

Что значит, ждала до последнего? Ждала и ждет и будет

ждать, уж если предназначено и предписано, уж если мотыльки всю нацеловывают лампочку, черная мушка нацелилась, зелье наведено, тень пала, кровавый комочек зашевелился на самом дне, тяжелый сок побежал по веточкам, сердечко затрепетало, крот задрал рыжую мордочку и потягивает теплый запах жизни.

Ждала и ждет и будет ждать. Сидит на полу, сосредоточенно жует яблоко, нашла в холодильнике. Стоит у окна и не видит окна, и жует громкое яблоко, впиваясь до брызг всеми ста тридцатью семью клыками своими до брызг. Со времен Адама жует, окна не видит, ничего не видит, ни о чем вообще не думает, ни единой мысли. Не видит и не слышит ничего, только гулкий гул где-то внутри под ложечкой и оглушительный хруст. Ест жадно, как будто могут отобрать. Ест жадно, живет жадно и спешно, ибо что медлить, когда все предрешено. Ни одной мысли. Ест яблоко, нашла в холодильнике. Ест молча и говорит при этом. Говорит без умолку, слов не разобрать. Да и смысла нет – содержания в тех словах нет. Гул. Гулкие речи без слов. Страсть называется. Или голод.

Голод – точнее.

...без, без, без помощи, помощи нет, без помощи, беспомощность, детство, с детства, детство, дитя, дитяtko, помощи, помогите, нет, помощи нет, нет помощи, молоко, молоки, молоко, каша, кашей, молочной кашей, каша, перья, кашей,

перьями, подушкой, перьевой подушкой, перьями, пестрыми перьями, мертвыми перьями, улыбочки, улыбки, улыбочки, без сил, изо всех сил, рты, рот, во весь рот, изо всех сил, улыбки, улыбками, смех, улыбочки, смех, смехом, смехом, конь, лошадка, смех, смехом, лошадиным, смехом, пони, пони, пот, тьма, упала, опять упала, пони, лошадка, воз, навоз, взрослые, взрослые, на ногу, на ногу наступил, на ногу, эй, на ногу, смерть, сразу смерть, наступил, слон, слон, смех, перед смехом этим, перед смехом этим, душным, душным, удушающим, пальцы, пальчики, пальцы, перед пальцами, пальцами, шаловливыми пальцами, пальчиками, култышками, обрубками, длинными, больными, личинками, личинками, личинки, вот, личинки, белые, белые-белые, больные, взрослые, взрослые, чу, чума, чума, чур, вечно, вечность, вечно, вьются, вьются, фу, агу, агу, сюси-пуси, агу, руки, руки, много, синяк, вот, синяк, ну и вот, синяки, до, до, до синяков, чур, что? щекотка, бу, бу-бу, бу-бу-бу, Буратино, ужас, страшный, страшный Буратино, мертвый, оса, соль, смерть, смертоносный, мертвый, деревянный, деревянный... Кто придумал? кто только его придумал? Не Папа Карло, нет, не Карло, не Папа Карло, Папа жалкий был, жаль, жаль Папу, жалкий был, жалкий, жалкий... Си, си, сизый, Сизый Нос, вот кто, ах, вот кто, вот же кто, придумал, придумал, Сизый, Сизый, придумал, надоумил, придумал, надоумил Папу, пил, пили, пил, с Папой пил, спаивал, спаивал, агу, уа, глумился, глумился, надоумил, ре, резать надоумил, ре,

резать, вырезать, научил, надоумил, родить, роды, родить, родить надоумил, вообще, очи, щеки, щечки, помощь, беспомощного, такого, такого, такого же, беспомощного, папа, беспомощный папа, беспомощный, беззащитный... Все, все, беззащитные, нет, папы беззащитные, щит, защита, беззащитные, слабые, мертвые, чаще мертвые, мертвенные, мертвые... пьют, пьют, потому, потому пьют, потому, пьют, умирают, смерть, смерть, умирают, все, все умирают, пьют, умирают, быстро, быстренько, быстро, си, сразу, разом умирают папы, папы эти, нет, не знать, лучше, лучше не знать, уж лучше не знать, совсем не знать, жалко, жаль, жалко, жалко, пчелка, у пчелки, вот, ветошь, вот, личинка, вот, пчелка, пчелки, ужас, жесь... Сизый, перед Сизым, Сизым Носом этим, дурь, Дуремаром этим, сизым, таким же сизым, в точности таким же сизым, Дуремаром, другом этим, поганка, с поганками, карманы, затхлые, затхлые карманы, с поганками в карманах, с поганками, пиявкам, личинками, пиявками, ветошью, личинками... Каша, пиявки, перед, перед, пред пиявками, каша, перед кашей, всякой, манной, всякой, манной, гречневой, ложка, перед ложкой, ложками, вилками, ложками, ложкой этой, ложкой стоеросовой, перед кашей, соседка, перед соседкой, перед соседками, смеются, тычут, тычут, соседки, дрянь, дрянь, дрянь такая, соседка, перед соседкой, с ремнем, соседкой с ремнем, ешь, ешь, давай, давай ешь... Клавиши, перед клавишами, оно, пиано, пианино, гроб, гром, гроб, пианино, перед пианино, на гроб похо-

же, на гроб, пианино, клавиши, а орга'н? а орга'ны? а шахматы, где? шахматы, вот, вот, шахматы, клавиши, больно, пальчики, пальчики, личинки, пальчики, жуть!.. Яблоко, яблоки, глобус, яблоко, перед яблоком, таким, таким же, таким же вот яблоком, в школе, до школы, после школы, школа, школа, клавиши, школа, трубы, трубочки, терпкие, терпкие такие, терпкие трубочки, перед трубчатыми, терпкими трубочками, перед, волосы, гладиолусы, гладиолусами, гладиолусами, сами, трубочки, опять, опять, трубочки, трубочками, с цветочками, цветиками, цветочками, безвольными, безвольными этими, безвольными их цветочками, бледными, безвольными их цветочками, поздравляю, поздравляю, праздники, поздравляю, празднички, шиш, стишки, чумазые, чумазые, стишки чумазые, детки чумазые, чума, чума, мальчики, мальчишки... Чума, мальчишки, братишки, братики, стая, стая, мальчишки, перед мальчишками, бахрома, хроменький, бахрома, с бахромой, черные, трусы черные, трусишки черные, забор, через забор, давай, давай, через забор давай, гвоздь, не гвоздь, давай, через забор давай, давай, давай, давай, мальчишки, братики, перед мальчишками, братиками, братишками, братиками, си, зеленые, и зеленые, зеленка, и зеленые, в зеленке, вечно, вечно в зеленке, Зина, Зинка, за Зинку, перед Зинкой, Зинкой этой, Зинкой в зеленке, в зеленке Зинка, с узлом, узелком, глазки, анютины глазки, глазки, горошки, узелок, глазки, да горошки, узелок, потом, потом, потом с узелком, узел, узел сперва,

с узлом сперва, тугим узлом, косички, из косичек, из косичек тоненьких, зубки, зубки мелкие, много мелких, много зубиков, беленьких зубиков, кусает, кусь-кусь, кусает, кусачая, кусачая Зинка, кусают, все, все кусают, укусы, укусы, укусы, укуса глотнуть, больно, терка, кусает, больно кусает, кусают все, все, училка, и училка, за училку, перед училкой, стыд, стыдно, стыд, стыд-то какой, всегда, стыд всегда, всегда, училка, пот, потом пахнет, училка потом пахнет, подмышками труд, труд, труд, троечки, троечки, стыд, стыд какой, стыдно-то как, пот, подмышками пот ручьем, указка, глаз, указкой в глаз, указка, красная указка, глаз, яблоко, вот, вот, яблоко, перед яблоком, яблоки, яблоки, жевать, катить, жевать, а пожуй-ка, а пожуй-ка яблочко, яблочко-то, леденец, а пожуй-ка, леденец, пососи, пососи, соси, давай, леденец, пососи, пососи, яблоко, яблоко, катить, жевать, сосать, катить, яблоко, яблоко, катить, скарабей, ну, точно, точно, скарабей, как скарабей, скарабей, скарабеиха, кровь, вот, вот, кровь, вот и кровь, шарики, кровавые эти шарики, кровь, шарики, нашатырь, шарики... сигаретки, на сигаретку, на сигаретку, возьми, сигаретка, сигаретки, за сигаретку, хочешь? хочешь? за сигаретку? хочешь? а сигаретку? хочешь, хочешь? курить, не курить, мальчики, мальчики, ма, портвейн, ма, урод, урод, уроды, мальчики, мальчики, тая, с детства, тая спросонья, спозаранок, сразу, не потом, сразу, схватить, схватиться, ухватиться, сразу, спасайся, стая, спасайся, прижаться, за ногу, обнять, обнять за ногу, схва-

титься, схватить, за штанину схватить, схватиться, впиться,
в гриву, загривок, в гриву, впиться, пить, пить, пить, спать,
страх, спать, лед, страх, лед, на льду, лед, нос, ломать, лом-
кий, нос, ломали, пальцы ломкие, ломали, ручки ломали,
ножки ломали, сломали, сломали, соловьи, соловушки, лед,
искры, лед, лимон, лимонные, искры лимонные, лимонные,
спать, спать, да, да, одна, одна, одна, да...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.